

ЮЛДАШ СУЛЕЙМАН

ЗАРЯ

РОМАН

*Авторизованный перевод с узбекского
А. Зырина*

Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана
«Еш гвардия»
Ташкент — 1980

Роман построен во многом на реальных исторических фактах. В центре его — образ бедняка-сироты Рустама. Испытав много горя, пройдя сложный, противоречивый путь, он находит верную дорогу — становится в первые ряды борцов за установление Советской власти в Ферганской долине.

С $\frac{70303-115}{356(04)-80}$ 49—80 4702570000

Перевод с изд. «Еш гвардия», 1973.

© Издательство «Еш гвардия» — 1980.

О РОМАНЕ И ЕГО АВТОРЕ

Прежде чем повести речь о романе «Заря», мне хотелось бы сказать несколько слов о его авторе. Когда я окидываю взором отряд молодых писателей, которые в нашу зрелую, обильную достижениями литературу вступили в 60-е, то в первой его шеренге неизменно вижу ферганца Юлдаша Сулеймана. Поначалу Юлдаш Сулейман выступил в качестве поэта, пишущего для детей, следуя в своем творчестве за такими мастерами узбекской поэзии, как Куддус Мухаммади, Кудрат Хикмат, Ильяс Муслим, Шукур Сагдулла, Пулат Мумин. Его стихотворения очень скоро нашли дорогу к сердцам юных читателей.

Творческие интересы писателя становятся все шире. Он не раз удастывался почетных мест на конкурсах «За лучший очерк», проводимых газетой «Совет Узбекистони» и Союзом журналистов республики. Сборники очерков «Жизнь, я слышу твой зов», «Перед выходом на широкий путь», документальная повесть «Вечная жизнь» отличаются идейной зрелостью, сочностью и живостью языка. Особенно примечательна книга писателя «Ты — моя песня», посвященная борцам за установление и укрепление Советской власти в Ферганской долине, за наше светлое будущее. Книга создавалась на основе достоверных документальных свидетельств, исторические события уже здесь поданы с подлинно художественной выразительностью. Поэтому закономерным был следующий этап творческого развития автора, его обращение к развернутому художественному отображению больших исторических событий.

У каждого писателя есть своя тема, зовущая его к перу и бумаге, им неизменно любимая, пробуждающая вдохновение. Такая тема для Юлдаша Сулеймана — несомненно, заря Великого Октября. Эту эпоху писатель воспроизводит с особым энтузиазмом и мастерством, проявляя и незаурядные качества историка, исследователя, и боевой темперамент советского писателя, горячо отстаивающего наши коммунистические идеалы.

В литературном творчестве обычно бывает так: о временах, которое досконально изучил, глубоко осмыслил, хочется создать крупное произведение. Малые формы сковывают, в них становится тесно. Вот и Юлдаш Сулейман создал роман о тех незабываемых событиях. Название «Заря» полностью выражает и тему романа, и его содержание. В книге отображены тревожные и прекрасные события той поры, когда занималась заря социализма, — борьба за волю народную, стойкость человеческая, трагедия несбывшейся мятежной любви и любовь всепобеждающая...

Главным объектом повествования писатель избрал город Коканд и близлежащие кишлаки. Именно в событиях, происходящих здесь, словно обобщается процесс установления власти Советов в Ферганской долине. Произведение безусловно удалось автору, несмотря на то, что представляет собой первый опыт Ю. Сулеймана в трудном жанре романа.

Взять хотя бы образ Рустама. Прежде всего необходимо сказать: в создании этого характера писатель избежал схемы. Каких только невзгод, тревог и колебаний не пережил Рустам, прежде чем окончательно постиг сущность происходящего и перешел на сторону революционного народа! Между тем, в немалом количестве книг люди, ушедшие в 1916 году на тыловые работы, возвращаются в родные места по большей части вполне сознательными, проникнутыми революционной идеологией. В жизни, конечно, бывало и так, однако люди, подобные Рустаму, пожалуй, все-таки составляли большинство. Ведь отнюдь не все пришли в революцию вполне созревшими для нее. Тем более велика сила новых идей, что они сумели приобрести к себе именно самые широкие массы труженников и перевоспитать их в ходе борьбы за торжество этих идей. При таком верном, объективном взгляде автора на историческую обстановку образ Рустама, как и Шеркузи, Сиддыки, Шахринисо, Сарвинисо, Зеби художественно убедительны, подлинно реалистичны.

Являясь первым шагом Ю. Сулеймана на пути в большую литературу, роман, конечно, не свободен и от кое-каких недостатков. Но у талантливого автора еще все впереди. И молодой читатель, несомненно, прочтет книгу с увлечением. Преданность Рустама и Сарвинисо друг другу вам, должно быть, захочется воспринять как высокий образец для подражания. Стойкости Шахринисо вы воздадите искреннюю похвалу. Иргаш и его прихлебатели возбудят у вас непреодолимое отвращение. Вы всем сердцем порадуетесь тому, что Зеби сумела отыскать верную дорогу...

Нашему современнику есть чему поучиться у старших поколений. А воспринимать их духовное наследие помогает наша литература, в том числе и хороший, с душой написанный роман ферганца Юлдаша Сулеймана.

УЙГУН,
народный поэт Узбекистана, лауреат Государственной республиканской премии имени Хамзы.

*Посвящаю светлой памяти моего отца
Сулеймана Эшматова — неутомимого
труженика-земледельца, участника борьбы
против басмачества, ветерана Великой
Отечественной войны.*

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

— 1 —

Жестокое время, безжалостное. Словно так и бродит оно из дома в дом, от двора ко двору, не озираясь и перед собой не глядя. Прислушайтесь: вот и поздняя осень заводит унылую песнь, безрадостную, как время. Медленно тянутся над землей тяжелые серые облака, растрепанные, будто клочья изношенного ватного одеяла. Неумолимая осень обнажила сады, деревья вдоль дорог, без пощады сорвала со всей природы летнее роскошное убранство, да и оставила все растения нагими — лишь кое-где торчат сухие, сморщенные листочки.

А теперь загляните внутрь вот этого убогого дворика, что прямо перед вами. Дувал по обеим сторонам ворот — тонкий, всего в три комка глины. Дальше от ворот — уже не дувал, а плетень из сухой колючки; в глубине двора — загон для скотины. Сухонькая, сморщенная старушка съежилась в дальнем углу помоста под навесом. Она приметывает заглату к ветхому одеялу из пестрой алачи. Ее иссеченное морщинами лицо — будто пащия после урагана. Руки — сплошь вздутые жилы. Как только они могут удерживать иглу? А у лесенки, что ведет на помост, полулежит, глядя на старушку, коренастый старик, снежно-белая борода клочьями разметалась по широкой, но плоской груди. Весь его облик — растрепанная борода, костлявая грудь — до того неказистый...

— Сарви! — негромко окликнула старуха внучку, безуспешно пытаясь продеть новую нитку в игольное ушко. — Эх, старость, чтоб ей высохнуть...

Окошко дачуги, к стене которой пристроен помост, распахнулось. Выглянула девушка лет пятнадцати или чуть более, росту повыше среднего, в темно-сером длинном платье из грубой ткани. Черные волосы заплетены в два ряда мелких косичек, закинутых за спину. Глаза большие, горячие и брови черным-черны.

— Что, бабушка? — спросила она.

— Внушенька, стать бы мне жертвой ради твоих уст! — старуха обрадовалась, услышав голос девушки, обычно почти не раскрывающей рта в присутствии старших. Распрямив согнутую спину, попросила: — Вдень-ка вот нитку.

— Сейчас, — девушка скрылась и секунду спустя выбежала во двор. Живо вдела нитку, обернулась к старику: — Дедушка, солома рисовая, что подостлала в доме, очень жесткая, стебли толстые. Палас на проходе, возле сандала, резно не ложится, так я коврики сверху настала.

— Вот и это можно бы тоже подостлать, — старуха показала на старенькое одеяло-подстилку, на которой полулежал старик. — Тогда и соломы еще подбросим... Того гляди, сандал начнем топить... Эхе-хе, моя козочка, молитва-то долгая у стариков. Стать бы мне жертвой ради тебя, любоваться бы тобой весь век! Пускай тебе доля выпадет светлая, птица счастья на тебя опустится, та, которую нам увидеть не довелось...

— Да, пускай бы хоть тебе счастье в жизни суждено было испытать, внушенька, расти здоровой да крепкой!

— В сказках птица счастья всегда садится на головы плешивых пастухов, — сама того не ожидая, с улыбкой пошутила девушка. — Может, выйдем в степь да покараулим?

— Дай бог тебе здоровья, хорошо сумела сказать! — Эшмата ладонью сгреб и стиснул бороду, помолчал, глянул на старуху. — Рустамджан сегодня должен бы прийти. Если б не четверг, отвели бы мы плову!

— Завтра ведь пятница, так и духи предков пожалуют, с надеждой на угощение, — проговорила Салима-хола. — Уж пускай душа у вас не томится.

— Верно, хорошо бы готовить плов к приходу братца Рустама, — Сарвинисо вспыхнувшими глазами глянула на бабушку, она хотела, чтобы исполнилось решение деда. — А уж он сегодня точно придет.

— Ты-то почему знаешь? — встревожилась старуха. — Он сам тебе сказал?

— Сердце чувствует...

— Сердце... — проворчала бабка и прикрикнула на внучку: — Ступай, займись своим делом!

— Хорошо...

Сарвинисо удалилась, так и не показав виду, опечалил ее этот разговор или нет. Интересно, ведь и бабушка и дед замечают, что братец Рустам порой заводит шуры-муры с негодницей Зеби, но вроде это их не сердит. Должно быть, они рассуждают: дескать Рустам — нареченный Зеби, а ты здесь при чем? Да уж Зеби хотя бы ровней ему была...

Сарвинисо не ведала, о чем спорили дед с бабушкой в эти предвечерние часы.

— Мать Шахри! — позвал старик жену, как принято, по имени их старшей покойной дочери. Кажется, он решил: сейчас самое время высказать все, что обычно копилось на сердце, когда они вели разговоры о судьбе внуков. — Мать Шахри! — повторил он. Скажу-ка я тебе про одно дело.

— Говорите.

— А по праву ли тебе придется?

— Значит, так и будете прятать?

— Ладно, — Эшмат-ата разом сник. — Потом скажу. Еще обдумаю малость.

— Тогда нечего и заикаться, душу человеку бередить! — попрекнула мужа тетушка Салима. — До могилы донесете то, что затаили на сердце, ангелов смерти разгневаете...

— Ох, не поминать бы тебе про могилу!

— Уж не бессмертным ли stolпом вселенной мните себя? — усмехнулась тетушка Салима. Однако обернулась к мужу, давая понять, что слушает его.

— И Рустам, и Зеби, и Сарвинисо — наши внуки, так?.. — повел он речь издаലെка.

— Да вы говорите пояснее. Или я сама не знаю, что внуки?

— Вот ведь торопыга, в точности как покойная сестрица моя! — Эшмат-ата упрямо не желал спешить. — Ты бы лучше слушала, не перебивала. Не молоденькая, чтоб непоседой-то быть...

— Вай, да говорите же!

— Я и говорю: пора бы нам невесту присмотреть Рустаму.

— Неужто ему грозит холостым остаться на весь век?

— Э, непутевая! — Старик рассердился, повысил голос. — Ведь знаешь, про что речь, а прикидываешься... Я хочу сказать: вот, мол, Зеби, а вот Сарвинисо...

— Нет и нет! — сразу оговалась Салима-хола.

— Отчего же?

— Послушайте сперва, — она не замешкалась ни на миг, точно уже давно что-то надумала и решила. — Ведь и я, небось, прикинула на весах так и этак. Оставьте! Не падо нам самим лишать их счастья.

— Вот чудно! — искренне удивился Эшмат-ата. — Разве

же я говорю, давай счастья их лишим? Моя забота: как бы устроить им жизнь, чтоб легкой да сладкой выдалась...

— Наш Рустамджан вырос джигитом — самому Алпамышу под стать. Так кто же за него дочь свою не выдаст? — Тетушка Салима теперь говорила медленно, будто каждое слово прикидывая на вес, чтобы показать: уж она-то в этих делах поушкой своего старика. — Вот и давайте сосватаем для него девушку из такой семьи, которую всем родом-племенем подпирают. Чтoб дитя наше бедное вкусило жизни изобильной да легкой... А внучки — они ведь точно яблочки в самом соку, любому придутся по вкусу. За байских сыновей выходят проще простого!

— Хе... — Эшмат-ата недобро усмехнулся; похоже, совет жены показался ему оскорбительным. — Вон ты куда клонишь! Кто же тогда из нас двоих таится от другого? Жизнь-то земная — всего лишь миг... А ты, значит, всегда горевала, что жизнь жила с бедняком?

— Э, у них совсем другое... — Тетушка Салима выглядела обескураженной: никак не предполагала, что так обернется разговор. — Я что хотела сказать: пускай дети не испытают тех тягот, какие нам на долю выпали. Только и всего...

— По-твоему, значит, человеку одю требуется; живи себе в холе да неге?.. Не на себя надейся, а на щедроты чьи-то? — старик распялялся все сильнее. — Или не знаешь, кто раб своих желаний — у того и совесть рабья!

— Да разве ж я упираюсь, по рукам-по ногам связать вас хочу? — не сдавалась Салима-хола. — Ну, а все-таки найдутся и такие, что наших внучек сумеют оценить...

На том и прервалась их беседа; подошла Сарвинисо к побогатому дастархану звать.

На следующий день тетушка Салима, отдавая старику накупне выстиранную рубаху, внимательно поглядела ему в глаза. Кто его знает, недотепу? Еще проболтается, головы закружит молодым... Не лучше ли вчерашний разговор скорее довести до определенного решения? Размышляя об этом, она бросила:

— Про что намедни толковали, так тому и быть!

— Впустую не надейся, — Эшмат-ата натянул на себя рубаху, с трудом поднялся. Взял прислоненный к столбу посох, тихонько постукивая им, отправился на улицу. Возле ворот обернулся. — Право, женушка, оставь ты это! Пусть молодые поступают, как хотят, волю им дадим. Нечего бить в бубен раньше времени. А там, может, потихоньку выведаем, что у них самих на душе.

— Вай, да с ума вы, что ли, сошли? — всплеснула руками Салима-хола. — Как это им волю дать?

— А что ж! Внуки-то еще и поушней нас с тобой окажутся.

— А мы, значит, уж вовсе из ума выжили?

— Что у них на челе написано, сумеют прочитать! — Старик побрел к калитке давая понять, что не имеет охоты продолжать разговор. — Раб божий, каких только желаний нет у него... Эх, создатель, только тебе одному все ясно!.. Ну, в общем, о наших юнцах ты, старая, не сокрушайся, на свой аршин их судьбу не меряй.

— Нет, нисколечко не думает он про завтрашний день внуков наших! — проворчала ему вслед Салима-хола.

Едва Эшмат-ата переступил за ворота, вышел на улицу, на душе у него помрачнело. В таком состоянии заглянуть бы к кому в гости, скинуть оковы с пог, с сердца снять тяжесть... Должно быть, все же слишком проворно выскочил он со двора на улицу — колени задрожали, от спазмы в горле трудно стало дышать. Он присел на суну возле калитки, под высоким кряжистым тутовником. Ладони сложил на посохе, уперся в них лбом, немного перевел дух.

Прохладный ветерок гладил лицо. На небе временами набегали редкие, ленивые облачка — словно утомленные верблюды, отставшие от каравана. С тихим треском подпрыгивали на ветру, опадали наземь подошедшие листья тутовника, слегка желтоватые, и густо-зеленые, блестящие, как золото, и совсем сухие, изжелта-красные. А только вчера были совсем зеленые... Эти листья — словно жить им еще целую вечность — не хотят поддаваться даже сильному ветру, перешептываются... Вот теперь умолкли — призадумались... Молодые веточки оголяются, теряют всю свою красу. Глянь: вот один листок отломился от ветки, а потом — ну, точно ребенок шаловливый, что не желает слезать с материнских колен, — минуто лениво кружится в воздухе и лишь затем летит к земле, будто повинуюсь неумолимому року. Да, время, природа — они такие, долго ждать не любят...

Старый Эшмат то узнавал, то не узнавал идущих мимо, с опозданием, медленно, будто хворый, ладонь к глазам козырьком прикладывал, глядя вслед тем, кто проходил с вежливым «салам», снова и снова в мыслях возвращался к опадающим листьям. Было время, он даже и подумать не мог, что сделается когда-нибудь вот таким, как сегодня, — немощным, будто плесенью обрастающим. Бывало, по земле ступал — земля сотрясалась. Прошло все, миновало, будто и глаз не успел зажмурить. Пожалеешь, да что проку? Вот он каков теперь — сам у себя на виду... Словно таким и на свет родился...

— Дедушка! — из дому донесся голос внучки Сарвинисо. Обрвав свои невеселые раздумья, Эшмат-ата оперся на посох, встал, вернул во двор.

— Звала, внученька?

— Чего-то бабушка плачет, — тихо проговорила девушка, подойдя вплотную. — Что ее разобидело?

— Вот и спроси у нее самой.

— А бабушка: спроси, мол, у деда. — Она опять вопрошающе глянула на старика. — Вы ничего плохого ей не сделали?

— Сказать тебе правду?

— Дедушка, ну, пожалуйста!..

— Бабка твоя плачет из-за того, что сожалеет: дескать, состарилась я, — Эшмат-ата улыбнулся в усы. — Вернулась бы молодость, вот что у нее на уме.

— Вай, бабушка, миленькая! — Сорвавшись с места, девушка кинулась, обняла старуху. — Да ведь ты и так будто молоденькая... Вон какая крепкая, свежая!

Салима-хола исподлобья глянула на мужа, смягчившись. Сильно сгорбилась ее старик, даже против вчерашнего. И веки вон как пожелтели... Такое у него обличье, будто не сегодня-завтра предстоит ему с белым светом расставанье, да еще и успеет ли простяться... Подумать только: ведь совсем недавно был молодец молодцом!

— Ну, отец Шахри, садитесь-ка вот сюда. — Тетушка Салима уже несколько не сердилась. — Похоже, отдохнуть вам по мешало бы.

— Ох, Сарви, занятная же, право, бабушка у тебя! Такой женщины душевной мир еще не видывал! — Кряхтя и опираясь на руку внучки, Эшмат-ата взобрался на помост. Он понял: старуха больше не сердится и объяснил это тем, что она согласилась с его мнением. Усевшись, поглядел на внучку. — А вот братца твоего что-то нынче и слыхом не слышать.

— Не иначе Хайдарали, будь он неладен, опять задержал у себя парня: дескать, то, другое в доме нужно сделать, — вместо девушки отозвалась Салима-хола. — Да и тетку свою наш Рустамджан любит прямо до смерти...

— А и верно, — подтвердил старик, — Наряписо — взглятая Шахринисо. Рустам как взглянет на нее, будто матушку родимую видит.

— Сиротка ты мой горемычный! — Салима-хола сокрушенно покачала головой, глаза увлажнились. — Ни на отца, ни на мать родную наглядеться не успея...

При этих словах бабушки, при виде ее слез Сарвинисо уже не могла сдержаться. Сорвавшись с места, убежала в дом. Стиснув лицо ладонями, беззвучно, горько заплакала. Не только о судьбе двоюродного брата — круглого сироты. Вспомнила и свою покойную мать...

Когда она думала о Рустаме, душу ее то охватывала смутная

шемящая тоска, то внезапно, прогоняя тоску, разливалось чувство сладостное, притом еще более гуманное, неизъяснимое. Да, сходная судьба у них обоих!.. А что же он, братец Рустам, делает сейчас, вот в эти минуты? Может быть, вдвоем с Зеби... Неужели она и впрямь любит его! Да нет, у нее совсем другое на уме!

«Рустам, братец милый! — шептала девушка, сама того не замечая. — Неужели вы не догадываетесь: она только и мечтает, как бы взобраться повыше? Хоть повесят, да пусть на высокой виселице... А на меня вы глядите, словно на малого ребенка! Да ведь она, Зеби, знать вас не хочет!.. Смазливим личиком ее прельстились? Добро, хоть бы капельку она вас любила!..»

— Сарви! — прозвучал голос деда.

Девушка вздрогнула. С головой потонула в сладких мечтаньях, увлеклась безмолвною беседой — всем тем, чего в жизни вкусить ей не судьба... Она взяла себя в руки, вышла во дворик, к помосту.

— Пожалуй, не придет сегодня Рустам, — проговорил Эшмата. — Джугару я велел смолоть, так ты оставь, не пужно.

...Она-то ждала: вот-вот появится Рустам, брат! От слов деда все в ней упало — будто арбуз держала, а он выкатился, да об землю...

«Неужели только и свет луны ему, что из дому тетюшки Наринисо? Даже не подумает: ведь тревожатся о нем дедушка с бабушкой... А что я его жду-не-дождусь, так про то где ж ему догадаться?! — вихрем пронеслось у нее в сознании. — Ладно, меня не любит — пусть! Но чтоб эта Зеби его игрушкой своей сделала?! Не позволю, не допущу!»

— 2 —

Незгоды жизни старят человека, с ног валят. Вот и Эшмата с тетушкой Салимой — совсем уж к земле клонятся. Посмотришь, иные ровесники — еще бравые, крепкие, ни дать ни взять — нест дубовый, каким в ступе зерно толкут. У людей принято траур носить, слезы лить по отцу-матери покойным. А если родители своих детей хоронят — такое согнет, иссушит вконец. Их дочь Шахринисо — самая старшая, первый ребенок, вышла замуж в соседний Янгпурган. Целых два года хворала после смерти мужа да богу душу и отдала. Из двух сыновей младший Акбар помер еще раньше, едва ходить научился; старшему Рустаму шел всего лишь девятый год.

Муж Усманали все был здоровенек, да вдруг вернулся с поля, жалуется: живог схватило. Всю ночь стоял, метался, глаз

сомкнуть не мог. Позвали табиба кишлачного, тот посоветовал прикладывать к животу больного горячие лепешки, вываренные отруби. Только где там быть проку? На вторые сутки близ полудня только крикнул Усмани что есть силы, да и умолк навсегда...

Так лишился Рустам отца. Что тут поделаешь? И что его ждет впереди?

От этих мыслей у Шахринисо всю душу изгрызло. Отец с матерью, Эшмат-ата и тетушка Салима, дни и ночи проводили у нее в доме.

— Доченька, — говорит ей однажды отец, — нам со старухой думается: перебралась бы ты к нам в Бачкыре.

— А как же сынок, Рустам?

— Неужто его одного оставлять?

— Ну, а дом, земля? — она глянула на старика с укоризной. — Ведь он тут родился и все унаследовать должен...

— Только б тебе поправиться, а это все устроим, — Эшмат всем сердцем хотел успокоить дочь. — Шеркузи, деверь твой, не оставит дом без присмотра, а там видно будет. С элликбашни я сам еще раз потолкую.

— Отец, милый, — у Шахринисо слезы сверкнули в глазах. — Если б у деверя моего хоть с ноготок было милосердия, тогда можно бы ваш совет принять...

— А что такое? — искренне удивился старик. — Ты же не в нахлебники к нему поровишь.

— Да ведь он... первые поминки еще не справили по его старшему брату... — Шахринисо волновалась все сильнее. — А он уже из кожи лезет, чтобы нас из дому выжить! Вам про это известно и все-таки предлагаете дом оставить на его попечение...

— Ну, дом-то, пожалуй, можно и продать, — Эшмат-ата смутился. — Да и землю. Что в ней проку, всего полтанапа? За ту же цену купим у нас в Бачкыре.

— Нет... — Шахринисо задумалась, подыскивая слова помягче, чтобы понапрасну не огорчать отца, и без того ему столько горя и хлопот. Кроме того, ей хотелось, чтобы он в эти минуты забыл про ее болезнь. — Папочка, вы с мамой уже достаточно потрудились — то и дело бегаете сюда, свои дела забросили. Как-нибудь проживем, благо, сестрица Наринисо тут же, всего два дома до них... А если мы переселимся, подумайте — кто же огонь разожжет в светильнике хозяина дома покойного?

Так и не согласилась она переехать в кишлак к отцу с матерью — тревожилась за будущее сына. Подошла осень. Хайдарали, муж Наринисо, собрал урожай джугары с их крохотного поля в полтанапа. Десять связок стеблей навязал, развесил под

потолком в прихожей у них в доме. Урожай-то сняли, а землю, как требуется, не обработали — не вспахали под зиму, навозом не удобрили. Сильно печалилась об этом Шахринисо, когда наступили холода. Ведь по весне все эти заботы лягут на плечи Рустама — он один в доме мужчина...

Как-то Шахринисо всю ночь глаз не смогла сомкнуть — замучил кашель. Наутро, когда Рустам поднялся сандал разжечь, она позвала его, по лбу погладила.

— Сынок... Сбегай в Аккурган.

— К тете Хасиятхон?

— Да. Скажи, мама просит прийти. Если возможно, и приведи ее с собой.

Мальчик собрался в минуту: горячие угли из очага в сандал перебросил, чайник поставил — и бегом за ворота. После полудня вернулся с Хасиятхон, младшею теткой.

— Сестрица, голубушка! Ведь я и сама собралась было к вам! — с порога начала она, сразу же поспешила к сестре, не давая ей подняться с постели.

Как страшно изменилась Шахринисо! У Хасиятхон сердце упало. У сестры не липо — обмылок синий... Исхудала вся, кожа к костям присохла. И откуда только взялась эта хворь безысходная? Хасиятхон осторожно присела к изголовью сестры, ласково проговорила:

— Знаете, милая, Рустам у вас загляденье, джигит настоящий!

— Весь в отца... — Шахринисо слабо, задумчиво улыбнулась. — У него и походка точно такая: ступит — земля дрожит...

— Ох, только бы жизнь у него такой же не оказалась! — вздохнула Хасиятхон и добавила, чтобы еще больше отвлечь да порадовать старшую сестру: — Верно, у него и глаза отцовские, и брови.

Шахринисо опять улыбнулась, промолчала.

— Да, глаза у мальчика с искрой, брови вразлет, — продолжала свое Хасиятхон. — Пожалуй, как и у вас тоже.

— Жизнь бы только похужей не выдалась, — горько усмехнулась Шахринисо. — Пусть долгая жизнь будет ему суждена!

— Зачем вы, сестрица? — Хасиятхон взяла себя в руки, открыто, с улыбкой глянула на сестру: дескать, нет причины сокрушаться. — Не говорите так. Право же, вы и с виду хоть куда...

— Э! — Шахринисо слабо отмахнулась, скривив губы. — Своей недуг самому и видней... Может, еще поправлюсь. А сейчас, сестрица, вот что я хочу тебе сказать...

— Говорите!

— Слушай, младшенькая, — она запнулась, комок подступил к горлу. — Стареют наши отец да матушка... Шарнисо с мужем — у них только и заботы о своих детях. Так что у меня вся надежда на тебя одну.

— Как же иначе, ведь мы родные сестры! — Хасиятхон старалась не давать волю чувствам и в то же время подбадривать большую, чтобы той легче было говорить. — Друг от дружки таить нам нечего.

— Вот и я говорю: совсем старые делаются отец и мама... — повторила Шахринисо.

— Верно, — отозвалась младшая сестра. — Так пусть же долгой будет их жизнь, нам на счастье.

— Хасият! Пока я жива, душа с телом не рассталась, прошу тебя, сестра: Рустам не отталкивай, когда осиротеет. Люби его паравне со своей дочкой Сарвинисо!

— Сестрица, что вы?

— Да, да! Прошу тебя, пока душа с телом не рассталась!

— Не говорите такого, не говорите!

Рустам сидел у очага и без звука слушал беседу матери с теткой. Наконец не выдержал — уткнувшись лицом в колени, заплакал навзрыд. Изю всех сил старался, чтоб не было слышно, однако больше не мог. Мальчуган выскочил из комнаты, остановился у порога. Вот теперь немного легче! Он опять шагнул в комнату — и прямо к матери:

— Мапочка, не пущу тебя туда, куда папа ушел! — одной рукой он обхватил ее за шею, ладонью смахивая слезы, что катились по щекам. — Милая мама... не оставляйте меня! Никуда я не пойду! И вас никуда не отпущу, мамочка!

— Никуда твоя мама не уходит, — Хасиятхон погладила мальчика по бритой голове.

— Сынок, не плачь, не нужно, — еле проговорила Шахринисо.

— Да я уже не плачу...

В эти минуты Рустам выглядел таким серьезным, опечаленным — совсем не похожим на десятилетнего мальчика. Тете Хасиятхон удалось наконец уговорить его пойти на улицу: поди, мол, поиграй. Только какие игры!.. Вышел он, смотрит: из-за хлева, что у них в дальнем конце двора, выглядывает тетушка Сиддыка, жена дяди Шеркузи. Подслушивает... Завидя Рустама, поманила его:

— Ну, что твоя мама, поправляется?

— Да, — кивнул Рустам. Идти на улицу ему уже не хотелось. Он собрался вернуться в дом, сказать матери и тетке, кого видел во дворе, оглянулся...

— Ие, дедушка приехал!

У столба, вкопанного посреди двора, стоял привязанный серый ишак деда Эшмата, впряженный в арбу... Рустам со всех ног кинулся в дом.

Эшмат-ата, войдя, поздоровался, спросил, как, дескать, живете, будто не знал, как...

— На день раньше приехали, чем обещали, почему? — вопросом на вопрос ответила Шахринисо.

— Э, дочка, — сразу отозвался старик, он решил не мешкать. — Холода настали. Давай-ка лучше зиму проведи возле матушки своей. А чуть весна, сюда вернешься, отпустим тебя...

— Верно, сестрица, так и сделай! — поддержала отца Хасиятхон. — Как говорится, на людях и недуг не в тягость.

— Да разве тут что возразишь? — Шахринисо сделалось ясно: хоть и против желанья, а не миновать того, что предлагает отец. — Один говорит — сюда перебирайся, другой — туда... А этого сиротку, значит, так и оторвем от родных мест?!

— Лишь бы голова цела, найдется ему пристанище, — не уступал Эшмат-ата. Старикну хотелось сказать дочери: мол, взгляни ты на себя, о себе подумай... Но, чтобы вкопец не огорчать больную, выбирал слова помягче. — Если суждено тебе подняться, приедем сюда по весне, домишко твой подправим. У нас в саду тополя молодые как раз пошли в рост.

— Соглашайся, сестрица, — мягко, но настойчиво повторила Хасиятхон.

— Ну... хорошо... — Шахринисо подавила вздох.

— Так тому и быть, дочка! — Эшмат-ата разом приободрился. Не теряя времени, с помощью младшей дочери стал отвязывать с потолка снопы джугары. Шахринисо поднялась на поги, раскрыла сундуки, вынула нужное к зиме Рустаму и ей самой. Вместе принялись увязывать вещи в узлы, выносить, грузить на арбу. Все перетаскали. На ворота навесили замок.

— Да будет так, чтоб еще раз увидеть все в целости да сохранности! — негромко, спешно проговорила Шахринисо слова прощальной молитвы своему жилищу. Не решалась думать, таила от себя самой мысль, навечно или нет прощается она и с домом, и с соседями, и со свояченицей, которая даже не вышла, чтобы сказать ей «до свиданья»...

«Что ж, прощай, может и навсегда, милый дом, куда ступила я невестой! — шептала она, с помощью младшей сестры взбираясь на арбу. — Только бы Рустам, сынок, с пути не сбился!»

Зима в тот год выдалась необычайно мягкая. Но все равно Эшмат и тетушка Салима дни и ночи проводили в тревоге: не приключилось бы чего с большой дочерью. Обошлось. Только кашель ее мучил. Как говорится, болезнь — вес-таки еще не

смерть... Толокно с кукнаром давали больной — вроде помогло. Мало-помалу живой огонек засветился в глазах у Шахринисо. Чтобы ее подбодрить, Эшмат-ата, как только выпадал свободный день, отправлялся в Янгикурган, проведать дом покойного зятя, и Рустама обычно брал с собой.

А сама Шахринисо, еще и зима, как говорят, подол не подвернула, только об одном стала думать: скорее бы домой. Все ее помыслы о доме: там, дескать, на ноги живо поднимусь. Как будто Усманали, покойный муж, ждет ее там-не дождется, все глаза проглядел...

За день до возвращения в Янгикурган Шахринисо увидела мужа во сне. Будто всей семьей собрались они у себя в доме. Усманали — точно такой же, каким был, когда только поженились. Голосу его, смеху звонкому — в доме тесно... И будто в каждой комнате, в каждом углу зажигает Усманали по светильнику. Здесь же и Рустам. Отец дает ему в руки светильник, называет: «Это твой. Смотри, чтоб не потух!» Потом ласкает его, спрашивает: «Может, и тебя увести с собой?» Она, Шахринисо, тут же, косы распустила. Смеется, глядя на мужа и сына: «Вай, да куда это вы думаете его вести?» А потом уже с тревогой подступает к Усманали: «Оставьте сына!..» Тут она вздрогнула и проснулась.

Сон — неспроста, намекает на что-то.

«Сердится Усманали, — рассудила про себя Шахринисо. — Дескать, не оставляй дом без светильника».

Дрема больше не приходила, она погрузилась в невеселые раздумья. Сон, в котором причудливо отразилось все то, о чем беспрестанно размышляла много дней подряд, растревожил ей душу. Без звука, про себя Шахринисо принялась умолять покойного мужа: «О мой повелитель! Вы ушли, молодую меня вдовой покинули... Сегодня же мы вернемся в наш дом. Только не укоряйте нас, не трогайте, господин мой! Не покидайте места вашего успокоения! Рустама не тревожьте, не уводите его! Ведь он, дитя наше, — единственная память в этом мире о нас двоих!..»

На следующий день Шахринисо, хоть и с трудом, окончательно стала на ноги. Эшмат-ата запряг ишака в арбу. Все те спопы джугары, что по осени приѣз к себе, снова на арбу взвалил, сил не пожалел. И уже после полудня открывал ворота в Янгикургане.

Словно в один миг ожил запущенный двор, приукрасился. Как будто духи предков, что сюда наведывались, навстречу гостям вышли: дескать, благополучно ваше прибытие, ни о чем не тревожьтесь, мы уберем вас от каких угодно бедствий...

— Вот, сынок, — Шахринисо погладила Рустама по плечу, — опять мы в нашем доме. Тебе уж скоро десять... Теперь-то мы сами горячую золу сумеем подгрести к своей лепешке.

— Мама, мама! — звонкий голосок девочки донесся с дальнего конца двора из-за ограды. — Братец Рустам приехал! Говорили, тетя Шахринисо померла, а она — вот она, живая!

— Тише ты! — прикрикнула на девочку тетушка Сиддыка. — Ишь разоралась... Привезли чахотку на наши головы, мать с отцом у себя не удержали... А ты гляди, — пригрозила она дочурке, — чтоб ни шагу к ихнему дому!

И все это слышали здесь, во дворе у овдовевшей больной Шахринисо. Только один ветхий хлеб между дворами своячениц... Шахринисо как услышала — сердце у нее зашло от обиды и боли, сознание помутилось, она так и упала, где стояла. Эшмат-ата кинулся к дочери, воды холодной зачерпнул пиалой, губы ей обрызгал. Рустам увидел мать, распростертую на земле, — испугался да как закричит... Минут пять прошло, пока Шахринисо раскрыла глаза.

После этого Эшмат вышел во двор, остановился у загона, вполголоса окликнул Шеркузи. Он не заметил Сиддыку, которая стояла тут же, притаившись, подглядывала. Завидев старика, она тихонько, на цыпочках, ускользнула в дом и уже оттуда крикнула коротко:

— Нет его!

Эшмат-ата пожалел, что не удалось им встретиться. «Неужели человек может быть таким ядовитым, безжалостным? — размышлял старик. — Ох, нужно его одернуть! Сам ведь не поймет, что творит, не раскается...» Хотелось ему отчитать как следует бессердечного Шеркузи, — жаль, не вышло.

Он уже направился было к воротам — решил повидаться с кишлачным эликбаши. Но, не дойдя, повернул обратно. Хоть и сильно сдал старик — годы берут свое, заботы одолевают, — а все же не клопнит голову, ступает по земле тяжело, по бодро.

— Дочепька, — войдя на женскую половину, он опустился на корточки у изголовья Шахринисо. — Послушай, что скажу... Правду говорят: старикам ведомо то, чего сама райская пери не знает... Оставь ты этот двор и дом! Бесчестные люди, что возле вас живут, — в могиле рядом с тобой лежать недостойны, а не то что соседями быть...

— Отец, — голос Шахринисо звучал твердо, резко, — у них-то в доме все свечи горят — не гаснут! До сих пор успокоиться не могут, бессовестные, — не удалось оттягать у меня двор да клочок земли!

— Пускай своим подавятся! А твой двор мы продадим, — Эшмат-ата тоже заговорил решительно. — Пусть в загробном мире добьются своего, если сил достанет...

— Ждут ведь, ждут смерти моей! — Шахринисо вскрикнула, но глаза остались сухими. — А вы же видите, отец: никак я не умираю... И не помру, не оставлю сыночка моего! — она порывисто обняла Рустама: — Не плачь, родной, драгоценная память о муже, о покойном отце твоём! Не умру я! Хочу своими глазами увидеть, как сбудутся твои желанья!

И она разрыдалась, слезы побежали ручьем. Слышат соседи — пусть слышат! Это, может, ее последние рыдания... Безутешно плакал и Рустам. Влажными сверкающими глазами он то и дело поглядывал на мать, па деда. Мать в слезах — это привычно. А вот то, что у деда увлажнились седые ресницы.. От этого зрелища его огорченное сердечко пыло еще сильнее, нестерпимей...

— Ну, довольно слезы проливать! — внезапно проговорила Шахринисо так спокойно, уверенно, будто от болезни избавилась враз и навеки. — Пусть аллах простит меня, по—не помру, сынок! Будет, как сказала!

— О создатель, сделай так, тебе это не трудно, — отозвался Эшмат-ата и невольно повторил: — Да, не трудно...

— 3 —

Пословица недаром сложена: корова пестра снаружи, человек — внутри. До того, как Усманили богу душу отдал, между свояченицами вроде никаких взаимных обид не водилось. Разве что иногда поспорят: дескать, загон для скота, что между дворами, подвинуть бы нужно в вашу сторону, а другая в ответ: мол, нет, в вашу... Настоящий раздор начался после того, как на двадцатый день поминок по усопшему читали у него в доме коран. Тогда и сам Шеркузи, и Сиддыка вместе со вдовой читали с утра и до вечера. Перед всеми выказывали себя самыми близкими для Шахринисо людьми...

— Об одном теперь моя забота, — призналась Шахринисо брату покойного мужа. — Что станется с Рустамом? Ведь не успел отец завещать сыну имущество. А раз так...

— Пускай сердце ваше будет спокойно! — опередив мужа, затараторила Сиддыка. — Разве его покинет дядюшка родной? Да и я сид моих не пожалею для вашего сына!

— Живите, ни о чем не тревожьтесь, будто и нет никакой болезни, — вступил в разговор, явно заискивая, Шеркузи. — А уж

Рустама мы не дадим в обиду. Все-таки брата моего сын родной!

— Ох, я так вам благодарна, — вздохнула Шахринисо. — Словно теменем до неба достала... Ну, слава богу, есть у моих сыновей и дед, и бабушка, и тетки родные.

— Э! — Шеркузи махнул рукой. — Да где они все? Далеко! А ведь говорится: лучше солома возле рта, чем ипеница за версту...

— Верно, так и есть! — убеждающе вставила его супруга.

— Невестушка, — тотчас подхватил Шеркузи, словно только и ждал удобного момента, льстивая улыбка разлилась по лицу, глаза сощурились, масляно заблестели. — Нужно бы поскорее известить элликбаши да с ним имама кишпачного...

— Зачем? — удивилась Шахринисо.

— А чтоб вам, значит, никаких хлопот. И чтобы детей ваших никто не попрекнул: вы, дескать, безотцовщина... Вот и составьте бумагу, чтобы старшего сына на мое имя переписать. — Ему прямо-таки не терпелось выложить, что, мол, и дом, и землю тоже на меня переведите, но он сдержался, полагая: если вдова согласится отдать сына, все прочее само собой устроится. И он снова принялся обхаживать ее и улачивать: — Вы же знаете, у нас нет сыновей. Вот я и приму его в семью.

— Я вам говорю, свояченица, — опять встряла Сиддыка. — Ни о чем не кручиньтесь! Будут ваши сыночки с нами наравне: мы голодные — им голодать, мы сыты — они тоже...

— Душа покойного брата вашего да услышит эти слова, да возрадуется! — потупившись проговорила Шахринисо, тоска сдавила ей сердце, но обычай требует благодарить, и она благодарила.

— Душу покойного тревожить — могяла травой не порастет! — взвился, будто ужаленный, Шеркузи.

— Рустамджан вырастет джигитом настоящим, — оживилась Шахринисо. — Людям добро творить не устанет... Отец его покойный тоже всегда твердил мне: дескать, твой сынок джигитом будет хоть куда.

— Так как же... — Шеркузи решил не упускать момента и все сворачивал на свое. — Завтра и зайвим?

— Кому? — Шахринисо прикинулась недогадливой, хотя ей давно уже стало ясно, из-за чего суетятся родственники. — Кому вы хотите заявить?

— Да я же сказал, — Шеркузи ощутил досаду, но старался говорить как можно мягче. — Чтобы вам, значит, никаких больше хлопот...

— Пожалуй, нет нужды торопиться, — Шахринисо, избегая прямых слов, хотела внушить деверю, что не согласна с его предложением.

— Все равно, — не уступал Шеркузи. — Бумагу нужно составить, Чтобы после никакого беспокойства.

— Сперва надо бы посоветоваться, — мягко, но решительно отозвалась Шахринисо. Было ясно: она не спешит в ловушку, расставленную дотошным родичем.

— Что ж, ладно. Счастливо оставаться! — озадаченный Шеркузи поднялся первым, за ним Сиддыка.

— Знаешь, отец Мафират, — первой нарушила молчанье Сиддыка, когда супруги переступили порог своего дома. — Если опа, и верно, начнет со стариками да родней толковать — дело дрянь. Родни-то у нее — что семян у пресной дыни...

— А вот я завтра же с утра приведу сюда элликбаши, — высказал Шеркузи то, что уже давно пришло ему на ум. — Пожалуй, чтоб начальство ублажить, не миновать нам выложить отрез ластика на одеяло, тот, что ты на дне сундука бережешь.

...Вернувшись от элликбаши, Шеркузи, успокоенный, сел завтракать. Он получил твердое заверение начальства: дескать, пока ты жив-здоров, пусть никто не точит зубы ни на детей покойного брата, ни на его имущество. Элликбаши сам обещал пожаловать для разбора дела сегодня же после полудня. И явился в точности, когда обещал. Сразу направился во двор к Шахринисо, отворяет дверь в прихожую, — оказывается, здесь, в гостях у дочери, Эшмат-ата.

— Э-э, добро пожаловать, Мулла-Ашур! — радушно приветствовал его старик. Шахринисо поспешно прикрыла платком лицо.

— Вы сами здесь? — проговорил элликбаши, стараясь не выказать досаду и растерянность. — Значит, я как раз вовремя пришел.

Мулла-Ашур живо овладел собой, приосанился. С важной миной человека всеведущего изрек несколько общих фраз — о мире земном и потустороннем, первое, что подвернулось на язык. И наконец, как бы между прочим, поведал о причине своего визита.

— И Шеркузи осведомлен об этих ваших соображениях? — в упор поглядел на него Эшмат-ата. — Еще могила покойника Усманади остыть не успела...

— Шеркузи об этом не знает, — элликбаши опять было смутился, но тут же нашелся. — Ты-то ведь обо всех заботишься с тех пор, как у себя в кишлаке стал аксакалом. Ну, а мы вот решили позаботиться о твоих внуках.

— Наши внуки на улице не останутся. И нам в тягость не будут.

— Это верно, — эликбаши преисполнился важности и заговорил назидательно, будто ханский указ читал по бумаге: — Но только, если кто детей к себе примет, нет нашего позволения, чтобы к нему же отошел и этот двор с домом, и поле в полтанапа. Ибо все это — наследственное владение братьев Усманали и Шеркузи. А посему наш совет: пусть и дети останутся здесь!

— Но братья не были должниками один у другого! — не выдержала Шахринисо, вступившись за честь семьи. — У каждого свой дом, свое поле...

— И вдова покойного жива пока еще, — добавил Эшмат-ата и строго повел глазами на дочь: тебя-то, мол, разве спрашивают? Потом с негодованием вперился прямо в упитанное лицо эликбаши. — Смерть, она всех равняет. Так что за нужда торопиться?

— Да и не собираюсь я на тот свет! — едва сдерживая слезы, с болью проговорила Шахринисо. — Им нужно, чтоб я умерла поскорее?!

— Да этого никто вам не желает, — с деланным сочувствием заверил Мулла-Ашур. — А только мы с той целью, чтобы, значит, пока вы не поправились, о детях не было вам заботы...

— Успокойся, дочка, — многоопытный Эшмат-ата понимал, что сейчас не следует раздражать должностное лицо. — Мулла-Ашур, мы понимаем: вам дурные намеренья чужды...

— Само собой! — живо согласился эликбаши. — Кроме бога общины, какие у нас еще заботы?

— Время еще есть, мы посоветуемся в кругу родственников, — примиряюще молвил Эшмат-ата, чтоб избавить гостя от необходимости и дальше лгать и лицемерить. — А пока давайте поговорим о чем другом.

— Нет, недосуг мне, — отказался эликбаши, помышляя об одном: как бы скорее улизнуть. В то же время он не мог уйти опозоренным, вроде бессильным исполнить задуманное. Потому, уже переступив порог, обернулся и с начальственной суровостью изрек: — Значит, вы не забывайте. В чей бы дом ни переселилась семья покойного — без нас дело решенным не будет!

Эшмат-ата проводил эликбаши до самых ворот. На душе у старика было тревожно. До этого момента он видел, как стойко, мужественно вела себя дочь, — и сердце у него в груди согревалось, будто даже таяло, подобно горячей свече, которая не умещается в подсвечнике. А вот теперь — ну, ровно дупул на эту свечу какой-то негодяй, загасил огонь...

— Не отчаивайся, дочка, — проговорил Эшмат-ата, возвратившись в дом. — Каких только людей нет на свете...

— Отец, — отозвалась Шахринисо, голос у нее дрожал от волнения. — Вот теперь-то я вижу: плохо, если сейчас умру. И как прежде думала — что же с детьми станется без меня, — так думаю и сейчас... А потому не поддамся хвори проклятой, не согнуть ей меня!

Всем силами хотелось бедной женщине подбодрить себя. И жить, жить — назло, в отместку Шеркузи с его женошкой!

А уж они-то всякий день то и дело прислушивались: что происходит здесь, на осиротевшем дворе? Ждут ее смерти.

Как, сегодня не показывались?! Вроде бы нет... Шеркузи и Сиддыка теперь старались рта лишней раз не раскрывать — ведь даже помыслы свои они силились сохранить в тайне. С родственницею овдовевшей — никаких спосений, во двор к ней в шаг не ступят. У Шеркузи в эти дни хлопот было хоть отбавляй: он теперь в лепешку готов был разбиться, вон из кожи лез, чтобы люди в кишлаке не узнали, о чем шел разговор с невесткой в поминки на двадцатый день. Ну, а у бедной Шахринисо одна забота: выздороветь, чтобы судьбу сыновей устроить. Все свои силы отдавала она тому, чтобы отвратить надвигающуюся смерть свою.

Верно говорится: бедняку повезло на охоте — не повезет в игре. Или по-другому: кого бог ударит, того и пророк посохом заденет. Шахринисо немного оправилась от болезни — взяла себя в руки, убедила, что осилит недуг. И как раз накануне сороковин — поминок по Усманали — младший их сынишка Акбар заболел корью. Сгорел мальчик всего за несколько дней...

«Ну, теперь конец и самой Шахринисо!» — в один голос решили «родичи», да и соседи по махалле. Хоть в открытую этого не высказывали, она все же догадывалась. И новая беда ежеминутно ей напоминала: нельзя, не годится — умереть, пропасть ни за что, пужно держаться изо всех сил! Ведь у нее оставался Рустам. Пусть хоть немного в разум войдет. И на этот раз не сломалась Шахринисо. Но Эшмата и тетушку Салиму вконец согнуло горе, вышавшее на долю внуков.

...Когда приехал отец, Шахринисо разводила огонь в очаге. Старик, увидав дочь за делом, до того обрадовался — голова закружилась. Всего неделя янновала, и такая перемена! Вот бы старуху-то поскорее обрадовать... Она ведь паказывала, бедняжка, с робкой надеждой в опечаленном сердце: дескать, приезжай с добрыми вестями. Вспомнив об этом, Эшмат-ата приблизился к дочери, тропув за плечо, приподнял ее. Поглядел в лицо — и радостью грудь переполнилась, прямо будто городом править его вдруг поставили.

— Да ты дочка, совсем такая же, как прежде, до болезни! — у старика от радостного волнения колотилось сердце. — Что значит, в свои силы поверила!

— Отец, а вот вы похудели, — Шахринисо не могла оторвать глаз от его лица, будто впервые увидела бог знает с каких времен. Да и верно, поглощенная своими бедами, она уже давно не обращала внимания, не смотрела вот так же пристально, как выглядит отец. Совсем недавно у отца щеки были загорелые, со здоровым румянцем — в точности лепешки только что из тандыра. А теперь?.. И на мать уж сколько времени не глядела со вниманием. Должно быть, и та недалеко ушла от отца...

— Вы о себе побольше заботьтесь, право, — ласково укорила старика Шахринисо.

— Ну, как Рустам, где он? — поспешил перевести разговор на другое Эшмат-ата.

— Понть коней Хамракул-бая поехал. Слуга байский приходил. Пускай, говорит, ваш сынок всякий день в полуденное время четырех коней бая отводит понть на Джар-Арык. А мы вам, дескать, за это и землю вспашем, и полить поможем. Сам бай, мол, так решил. Ну, впучек ваш и побежал, про все забыл.. До коней-то он охотник.

— Вроде неладно это; парнишка с кулак величиной — а уже к баю в услужение...

— Пусть. Руку набьет, глаз наметает.

Выпив пиалу чая, Эшмат-ата засобирался в обратный путь. Горько было уезжать старику, не повидав Рустама. Вспомнилось ему, как совсем недавно тетка Сиддыка шумела у себя во дворе позади хлева: мол, не нашли для окаянных у себя места отец с матерью, — и сердце захолонуло... Шахринисо вроде бодро управлялась с домашними делами, и хоть это утешало старика.

Внезапно с улицы во двор вбежал Рустам. Тюбетейка в руке, сам запыхавшийся, улыбается — рот до ушей. Словно в этот мир впервые явился.

— Что у тебя в тюбетейке? — заинтересовалась мать.

— Это вам!

— Ну-ка, покажи!

— Вот!..

— Кишмиш, всего-то, — подивился Эшмат-ата и хлоннул внука по плечу. — А радуешься, будто серебра-золота притащил.

— Если тебе дают, никогда не бери, стыдно! — произнесла наставительно Шахринисо. — Понял?

— А это дедушка бай сам дал мне.

— Дедушка бай? — изумилась мать.

— Сам, говоришь, дал? — не поверил дел.

— Ну конечно! — недоверие взрослых забавляло мальчика. — Дедушка меня очень полюбил. Из четырех коней, говорит, один так и будет твой. Я теперь на него сажусь, когда поить гоняю...

— А еще что он сказал? — допытывался Эшмат.

— Я, говорит, сам тебя и приодену понаряднее.

— Вот, чует мое сердце! — старик хлопнул себя по коленям. — Хамракул-бай... ох, это такой человек — что называется блошиного сала лизнул! — он обернулся к Шахринисо, которая сразу притихла, заговорил предостерегающе: — Вот как на ладони: опасаясь я, чтоб не обернулись бедой для Рустама наследственный дом да полтанана земли.

— Но ведь я-то еще жива. — Шахринисо опять повторила то, что уже много раз повторяла в эти дни. — И не нужно вам так волноваться.

Эшмат-ата промолчал. Он был доволен, если хоть что-нибудь успокаивало душу дочери. Да, состояние у нее сейчас — все равно что погода в горах: налаживается — не спеши ликовать, портиться стала — слишком горевать не торопись. Только начал Эшмат-ата собираться в обратную дорогу — замечает: у дочери даже лицо побелело. Вот она уже и прямо держаться не в силах, склонилась над сандалом. Глаза потухшие, неживые. Кинулся к больной в растерянности, глянул на нее справа, слева...

— Воды... — скривив губы, выдохнула Шахринисо.

Рустам в один миг — только деду предостерегающе рукой махнул, дескать, сам сделаю, — сорвался с места, подал матери воды в пиале.

— Отец... только с вашей помощью... — были первые слова, когда она пришла в себя, раскрыла глаза, все силы собрала. — И еще сыночка... Рустама...

Шахринисо слабо улыбнулась. Поманила мальчика, велела сесть рядом с собой.

— Не робей, сынок, — она оживилась, щеки порозовели. — В нынешний год мы с тобой вдвоем все полевые работы справим!

— 4 —

Хамракул-бай исполнил то, что обещал. На третью неделю после того, как Шахринисо возвратилась от отца с матерью, байские батраки глубоко, старательно вспахали то небольшое поле в полтанана, что осталось после Усманали его семейству. Все, что нужно им сделать по хозяйству, бай поручил своим людям;

одному из них, молодому сироте, за высокий рост и худобу прозванному Лайлак-Аист, даже велел менять подстилку у скота Шахринисо.

Ох и всполошились настырные супруги, Шеркузи и Сиддыка, ох и заметались, будто куры с обожженными лапами, когда проведали, что в дело вмешался сам Хамракул-бай! Ведь уж они-то держали ухо остро: шевельнись змея глубоко в норе подземной — услышат... Вот до чего забота тяжкая обрушилась им на головы! Если уж бай присвоит поле покойного брата, то сумеет оттянуть и землю самого Шеркузи — поля-то у братьев смежные. Бай коли уж вмешался — он отыщет способ. Даже не заметишь, как сам, собственными руками, со своего согласия отдашь то, что совсем было зубами ухватил... Теперь как бы и своего не лишиться... Как же расстроить байский замысел? Думали, гадали муж и жена — ничего путного не надумали. Сочли за лучшее снова обратиться к эликбаши, у него выведать то, что им требуется.

— Каков будет ваш совет? — приступил Шеркузи к Мулле-Ашуру, молитвенно сложив ладони. — Только на вас вся надежда. Если достанется нам земля, три года подряд половина урожая с нее — вам!

— Есть один способ, — эликбаши погтем поскреб бороду — Пока мать не померла, нужно сумеешь вашего строптивного племянника от услужения баю отвадить. Лучше всего если б сам мальчишка того добивался. Не то, упаси бог, проведает бай про хлопоты наши — беда нам на головы!.. Все дело в том, с кем именно быть мальчишке.

— Само собой ..

— Насчет тебя ни у кого и сомнения быть не должно. Право на твоей стороне: ты — дядя родной! — убежденно продолжал эликбаши. — Забирай себе мальчика и всем объявляй: дескать, не хочу я допустить, чтобы опустел дом старшего брата покойного... Ну, а если мальчик с тобой — придется баю прикусить язык. Ведь он чужой все-таки!

— А с бумагой на мальчишку что будет?

— Это уж оставь нам, — эликбаши лукаво сощурился. — Земля станет твоей. Но, как говорится, у вас одна печаль — у нас другая. На будущий год среднюю замуж думаю выдавать. А лишнего дома — нет... Так вот, значит, будто продашь ты мне двор Усманаля, для виду...

— Да ведь жива еще эта чахоточная, — помрачнел Шеркузи. — Придется ждать.

— Авось, долго не протянет. Словом, не забывай про дом-то.

— Идет! Только сперва давайте одно устройм, — беспечно бросил Шеркузи. Он даже не дал себе труда задуматься, каким условием связал его хитрый элликбаши.

— Как одно устроится — зависит от другого, — счел нужным напомнить Мулла-Ашур.

Шеркузи поспешно кивнул, давая понять: намек усвоил. Про себя заключил: «Большое дело — заполучить землю без хлопот, по-доброму. Элликбаши, видать, дело уразумел, нашу руку держит».

— А ты только все портишь, — выговаривал он жене после того как изложил затею Муллы-Ашура. — Выходки твои в те дни, когда они от отца возвратились, всякую меру перешли. Ты и Рустама настроила против нас. Со всех ног бежит парень, едва завидит меня, не говоря уж о тебе...

— Ребенок в ласковом слове нуждается, — согласилась Сиддыка. — Не нажимом, а лаской, незаметно, по головке погладив, к рукам его следует прибрать. Цепь накинуть, скрутить так, чтобы и сам не заметил. Конечно, вы этим должны заняться...

Только и этот хитроумный план оказался впустую. Рустам глаз не казал к дяде во двор. Если дядя его звал, мигом убегал к матери. Тетку Сиддыку он и вовсе видеть не желал. Да и мать, наверное, сильно встревожило бы, если бы он видался с обоими родственниками. «Дедушка бай куда лучше их, — не однажды думал мальчик. — Уж он-то не заставит слезы лить ни меня, ни матушку мою!» Ну, а Шеркузи прямо волком выть готов был от того, что никак не удается схватить Рустама за полу. Ничего не выходило из их затей; от этого муж и жена теперь часто со злобою пререкались, один на другом вымещали неудачу. Силой своего добиться — руки коротки. Лаской — тоже никакого толку. И вот Сиддыка, как ни в чем не бывало опять стала захаживать во двор к овдовевшей свояченице. Только разговор у них теперь не вязался. Замолчала, замкнулась в себе Шахринисо, наслушавшись оскорблений...

— Неладное это — мальчонку с кулачок баю в услуженье отдаете, — всячески выказывала Сиддыка свое «расположение» к Рустаму. — Оставьте, не мучайте бедного ребенка! Ведь и дом у него свой, и земля...

— Пусть его. Глаз намедает, руку пабьет, — холодно отзывалась Шахринисо, для нее в тягость были эти визиты Сиддыки, и слушать ее было мученьем. — Знаете, бай даже собственных детей, случается, чужим отдают в услуженье — пусть, мол, ребенок человеком станет... А с помощью нашего бая-бобо мы поде засеяли. Глядишь, джугара вырастет ядревая...

Такие слова для Сиддыки — все равно что пощечина. Умолкла она, будто словом подавилась, глаза в землю. Тут Рустам, запылавшись, прибежал с улицы. Видит, в доме тетка Сиддыка. Он даже через порог не перешагнул — со всех ног обратно. Гостя краешком глаза поглядела на Шахринисо — та стоит недвижно, смотрит на нее в упор. Как будто молча насмехается над ней эта хворая — такая, что глянет человек, вздрогнет от испуга; как будто выговаривают ее глубоко запавшие глаза: чем быть такую бессовестной, как ты, лучше б тебе умереть в одночасье... Позабыв и молитву прочесть на расставание, выскочила Сиддыка во двор — и к себе за ограду.

— Чего она приходила? — спросил у матери Рустам, появившийся с улицы тотчас вслед за ней. — Не беспокоила вас?

— Да нет, — Шахринисо в душе порадовалась: сын разговаривает совсем как взрослый. — Устыдилась того, что сама навтворила, вот и пришла.

— Ух, не люблю ее! — все тем же тоном проговорил Рустам. — Супруга дедушки бая в тысячу раз лучше ее!

— Ты только им не рассказывай про наши раздоры, — в задумчивости произнесла Шахринисо.

— Почему?

— Родственники все же... В конце концов, может, и помирился.

— Вы тоже не любите их, да?

Шахринисо чуть было не высказала ему все, что на уме, однако решила отложить до другого раза. Попив чаю и перекусив, мать и сын отправились в поле. Они шли вдоль арыка — Шахринисо, повязанная платком из алачи, спрятав лицо, с небольшим, ладным кетменем, что отец оставил в последний приезд. Рустам тоже с кетменем, старым, со сточенным лезвием.

И каждый из знакомых односельчан, попадавшихся навстречу, провожал их удивленно-сочувственным: «Товба!»

— Все же болезнь — еще не смерть, — рассуждали люди. — Кто бы подумал, что Шахринисо выдюжит?

— Шахринисо джугару сама поливает!

— Сына взяла в подмогу, да и отправилась рыхлить борозды...

— Ну, а что делать бедняжке, коли без мужа осталась?

— Стойкая душа, оказывается, бывает у человека!

Вот такие разговоры пошли теперь по кишлаку. То, что Шахринисо сама вышла в поле, одних задело за живое, у других пробудило сострадание. Нашлись и такие, что, не долго думая, подходили, брали у нее из рук кетмень, сами принимались

махать; а вы, дескать, не мучайте себя, лучше поправляйтесь быстрее...

— Говорю тебе, сынок, — вечером за дастарханом поучала Рустама Шахринисо, — если человек не позволяет себе распуститься, все свои силы напряжет — то и с любым недугом справится! А ты испугался: мама помирает...

— Я теперь все приведу в порядок, — мальчик от радости сам не ведал, что говорит. — Ведь я уже большой!

— Молодец, сын! — одобряла Шахринисо. Оттого, что сын растет таким рассудительным, послушным, душа у нее будто на крыльях взлетала к горным вершинам. Думалось ей вырастить сына стойким перед лицом каких угодно тягот. «Не умерла я все-таки почему-то, — время от времени говорила сыну Шахринисо. — Был бы жив отец, другое дело... Но и сейчас, вместо него, разве же я тебя не выращу?» Она старалась, чтобы он накрепко это усвоил и заодно понемногу растолковывала ему смысл многого, что происходит вокруг.

Когда подошло время урожая, они вдвоем, наравне со всеми односельчанами, собрали спелые початки джугары — даже у бая никого в подмогу не попросили. Вышло вдвое больше, чем в минувшем году. Початки джугары продали недалеко — соседям через два двора, вырученные деньги потратили на одежду для зимы, на скудный запас... Когда узнали про это — не только у Шеркузи, даже у бая, как говорится, дыхание в горле застряло. Тем более Шахринисо попросила старшую жену Хамракула отпустить Рустама, передала: дескать, не обижайтесь, а добро ваше мы не забудем.

«Рустамджан теперь для меня все равно что сын родной, — будто бы сказал Хамракул-бай. — Пусть приходит, когда захочет, наши двери для него всегда открыты. А как в возраст войдет, я сам его и женю».

Хотя Рустам освободился от службы баю, зато, имея руки пезанятыми, так принялся за дела в своем хозяйстве, — как говорят, в огонь кидался, из золы живым выходил.

А те, за оградой и хлевом, только все сильнее сокрушались, видя, как у Шахринисо поправляются дела.

— Здесь собираетесь зимовать? — как-то поинтересовался Шеркузи, все-таки заглянувший во двор к свояченице.

— Да.

— Хорошо надумали, невестушка. — Воспользовавшись замешательством Рустама, который не знал, как держаться при неожиданно явившемся дяде, он взял его за обе руки, ласково притянул к себе. — Один, всего лишь один ноготочек остался от брата покойного!.. — Затем снова обратился к Шахринисо:

— Когда вижу, что его обижают, светлый мир тьмою покрывается.

— А его теперь никто и не обижает, — не приняла его чувственного тона Шахринисо. — Вон сколько у него близких: я, дед, бабушка, тетка. Одет, обут, накормлен...

— Заходи к нам, — обратившись к мальчику, свернул на другое Шеркузи. — А хочешь, завтра возьму с собой рыбу ловить!

— Можно пойти? — живо обернулся Рустам к матери, глаза у него загорелись. На рыбалку — это здорово!

— Ну, что ж... — согласилась Шахринисо, ее порадовало воодушевление сына. В то же время слова благодарности деверю не шли на язык. На иного поглядишь, диву даешься, — размышляла она. — Про себя клянет, а на виду ластится, только что не облизывает. Остерегаться нужно таких людей...

— Руста-ам! — внезапно прорезал тишину голос Лайлака, батрака Хамракул-бая. Мальчик выбежал на зов и тотчас возвратился. «Сказал: бай вызывает», — сам заспешил вдогонку.

«Ага, вот в чем дело, — догадалась Шахринисо. — Завтра байские отары с горных пастбищ возвращаются. Верно, вызвали на подмогу, загоны для овец чистить да готовить». Ну, а Шеркузи все истолковывал на свой лад, ведь он думал только о своем. Делать ему было тут нечего, разговор не клеился — он попросил разрешения удалиться. Шахринисо, будто того только и ждала, воздела руки для краткой молитвы на прощанье.

Пройдя к себе во двор, встав позади хлева, Шеркузи принялся ждать возвращения племянника. Зашел в дом, опять вышел. «Если вернулся, неужели я пропустил?» — подумал с тревогой, раза два вытянул шею из-за своего прикрытия, насторожился, прислушался... Стемнело, но Рустама не видать, не слышать. У Шеркузи от многочасового стояния затекли, заныли ноги. Он уже хотел было удалиться в дом, как вдруг донесся топот. Шеркузи на цыпочках подобрался к углу хлева, осторожно выглянул... Оказалось, Эшмат-ата приехал, ишак привязывает к столбу. «Опять этот богопротивный старикашка! — в сердцах выругался про себя Шеркузи. — Одна нога в могиле, а ходит-бродит, словно кара божья!..» Теперь отчетливо сделалось слышно, как беседуют отец и дочь.

— Шахи, — проговорил Эшмат-ата, — я на минуту всего. Рустама повидать — и назад. Спилел я тополя-то... Весна придет, подновим твой домишко.

Увидев дедова ишак на дворе, Рустам пулей влетел в дом. Шеркузи, заметив его, хотел было скрыться, но подумал: пет реву. Да и старик мог бы заметить, как он к дому пробирается.

Зачем же все-таки бай Рустама к себе вызывал? Теперь он решил во что бы то ни стало дожидаться отъезда старика, а там уж все выясняется...

— 5 —

Так долго тянулась эта зима, что люди извелись вконец, ожидая, чтобы солнышко выглянуло хоть на минуту. Подошло время пахоты и сева, а кое-где на полях снег все еще не растаял — так и лежал грязно-белыми пятнами.

Шахринисо с Рустамом на всю зиму хватило джугары и на еду, и купить что нужно. Когда вышло все припасенное с осени топливо, у Гани-пилыщика за полпуда той же джугары взяли целую арбу сухих дров. В эту зиму, по сравнению с минувшей, и сама Шахринисо выглядела куда здоровей, бодрее. Эшмат-ата и Салима-хола, а также сестры со своими детьми часто навещали ее, какие встречались в доме нужды, недоделки — во всем помогали в меру сил. А Шахринисо, утро ли, вечер, только и знала высматривать, какая ожидается погода. На целых две недели позже того срока, что дехканами издавна установлен, с полей начал подниматься пар. И солнце с каждым днем ярче пекло все сильнее. Шахринисо еще до начала весенней пахоты наняла поденщика, вместе с ним Рустама отправила на работу — велела углубить арык, по которому вода подходит на их поле, рассыпать почву, собранную на пустоши. Омоложенную таким способом землю глубоко вспахали — готово ложе для нового посева джугары.

Работы подвалило на грядущее лето — невпроворот. Вон и виноградник тоже надо бы расширить. Эшмат-ата еще с осени решил: в этом году подновлю домик Шахринисо, больше откладывать не стану. А теперь, говорит, оглядел, прикинул на глазок стволы тех тополей, что срубил осенью, и уже взялся за работу — подгоняет столб к столбу, балку к балке. Как раз сегодня общал приехать, да почему-то не видно его... Шахринисо и Рустам до позднего вечера с дороги глаз не спускали — поджидали деда. И на следующий день ждали до самого полудня. Наконец Шахринисо велела сыну сбежать узнать, что там случилось. Мальчик возвратился перед самым вечером.

— Ворота раскрыты, а в доме никого, — выпалил он, не успев мать даже рта раскрыть. — Соседи тоже не знают, куда делись...

Шахринисо тогда позвала Наринисо, младшую сестру. Та тоже ничего не знала. Только посмеялась над беспокойством старшей.

— Да, наверное, уехали они к Хасиятхон. Ноги есть у людей, чего им на месте-то сидеть?

Как выяснилось потом, еще в полдень накануне Камал, муж Хасиятхон, приехал за тетушкой Салимой и увез ее к себе.

Торопился, всю дорогу погонял ишака: дело серьезное, ожидалось прибавление семейства. Тогда же старик Эшмат поехал сперва на базар, что собирался возле усыпальницы святой Биби-Хувайдо. Взял немного денег — из тех, что подсобрал себе на покуску наса: ведь с пустыми руками не придешь к роженице...

— Ребеночек-то мертвым родился, — такую грустную весть принесли в тот же вечер Эшмату, когда он с базара заехал к себе домой.

— А сама... здорова?

— Да говорят, плоха.

Будто искры посыпались из глаз у Эшмата, едва он это услышал. Вот тогда-то, забыв даже ворота запереть, и помчался в Аккурган, ишака всю дорогу колышком заостренным в холку колот. Что называется, если дела пошли вкривь да вкось — и на похлебке зуб сломаешь... Едва Эшмат приехал, Хасиятхон лишилась памяти. В доме плач. Дочку Сарвинисо, чтоб не напугалась девочка, увели к соседям. Когда вошел Эшмат-ата, бабка-повитуха оставила больную.

— Хасият, доченька, — глотая слезы, Салима-хола осторожно гладила дочь по голове, — посмотри, отец приехал. Ох, горькая доля мне на челе написана!

— Мать Шахри, — остановил ее Эшмат. — Не бросай слов попусту и мысли ненужные оставь. Она поправится! Воп какая была Шахринисо, уж и надежду все потеряли... А теперь вздо-равливает.

— О боже, прими мое покаянье! — взмолилась Салима-хола, чистым полотенцем она осторожно промокала на лбу дочери капельки пота, сверкающие, точно бусины. — Доченька, да открой же ты глаза!

— Отец, — едва слышно проговорила Хасиятхон, с трудом разлепив веки, — скорбеть мы заставляем вас в этом мире...

— Открой глаза! — видя, что дочь вконец теряет силы, стал упрощать Эшмат-ата. — Не пугай ты матушку!

— Сарви, доченька, — запричитала Хасиятхон, на минуту приходя в себя. — Отец, вы здесь... Сарви-джан, где ты, родненькая?

— Приведите Сарвинисо, — Эшмат обернулся к стоявшему в стороне Камалу. — Увидят дочь, соберется с силами.

— Сарви... Сарви... — снова и снова повторяла больная. Обводя глазами стоящих возле нее, она, похоже, никого не узнавала.

Когда Камал выбежал за ворота, торопясь к соседям за дочерью, его догнал громкий горестный всплеск рыданий...

Скорбная весть полетела к ближним и дальним родичам.

...Изо всех сил застучали в ворота, Рустам, следом Шахринисо выбежали на улицу. Глянули — и глазам своим не верят: у самых ворот запряженная арба, и Хайдарали, придерживая поводья, скорбно склонился к воротам, а на арбе сестра, Наринисо, волосы распустила, лицо себе царапает.

— Сестрица, родимая! — она спрыгнула с арбы, кинулась к Шахринисо, порывисто обняла. — Что же теперь нам делать-то?!

— Что случилось, по ком плач? — озираясь на людей, что уже собирались возле ворот, вполголоса спросила у Хайдарали Шахринисо.

— Хасиятхон... — со вздохом, так же тихо отозвался свояк.

— Что с ней?

— Сестрица, она покинула нас...

Шахринисо лишилась чувств. Ее уложили на арбу, смочили губы водой. Хайдарали стегнул лошадь. Наринисо до самого Аккургана плакала в голос. Временами приходя в себя, Шахринисо не плакала — не было слез; она горевала молча, лишь изредка прорывался стон. Все ей казалось, будто есть и ее вина в том, что Хасиятхон умерла. Словно гнев аллаха обратился на нее: твоя смерть никак не приходит, так, дескать, вот же тебе!..

— Сарви осталась, — едва придя в себя уже на месте, в объятиях у матери, тотчас вспомнила Шахринисо о племяннице. — Сиротой будет, бедняжка...

К себе в Янгикурган Шахринисо возвратилась только после того, как по Хасиятхон справили двадцатидневные поминки. Ее на руках сняли с арбы, поддерживая с обеих сторон, ввели в дом. Было время полуденной молитвы, потому Шеркузи, а вместе с ним и супруга, не смогли встретить прибывшую, но сразу же отправились к ней расспросить, как и что. У изголовья дочери сидел Эшмат-ата; заводил разговоры так и эдак, чтобы хоть немного подбодрить ее. Он встретил гостей приветливо, словно и не было размолвки. Шахринисо тоже приподнялась, коротко пригласила: «Входите, пожалуйста», — и снова легла, смежила веки.

— Бай-то, Хамракул, совсем плох, говорят, — сообщил Шеркузи как бы между прочим, но глянул на собеседников многозначительно: слушайте, мол, да смекайте... По его тону нельзя

было понять, сожалеет он или, может, суюпчи ожидает за подобное известие.

— Он здоровьем крепок, — заметил Эшмат-ата.

— Какой бы ни был крепкий, — возразил Шаркузи, — а все же не столп — бессмертная опора земного мира...

Гости долго не задержались. Оба они выглядели приободрившимися. И кончину Хасиятхон, и тяжкую болезнь Хамракул-бая — все это Шеркузи воспринимал как события, от которых ярче возгоралось пламя надежды у него в сердце. Оба, муж и жена, страстно желали: пусть у табиба, приглашенного из Коканда, чтобы лечить бая, не останется никакой уверенности в счастливом исходе. Ждали, чутко вслушивались — когда из байского дома дохесутся траурные рыдания...

— 6 —

Когда хоропили Хасиятхон, Рустама вместе с двумя-тремя другими мальчиками отправили в Янгикурган—дом сторожить. Тут Хайдарали присматривал за ним. То и дело наведывались также Шеркузи и Сиддыка, заводили разговоры, расспрашивали, как он питается без матери, не упуская случая любым способом завоевать расположение мальчика. В это время Хамракул-бай, которого в считанные дни скрутила тяжкая болезнь — головокружение, шум в ушах, — вместе с пастухами, что гоняют отары на летние пастбища, отправился в горы; но там его недуг стал еще тяжелее. Услыхав о кончине Хасиятхон, бай вызвал Рустама к себе. Привел мальчика Рахим-Лайлак.

— Ну, как, не боязно тебе дома одному? — спросил Хамракул-бай, легонько хлопнув Рустама по плечу. — Бояться — дело плохое. Давай-ка, пусть, пока мать вернется, с тобой побудет Рахим-ака.

— Очень хорошо, бай-ата! — вместо мальчика ответил Рахим. — Уж я Рустамджана одного не оставлю.

— Послушай, Рахим, — немного позже, улучив момент, бай подозвал работника. — Есть для тебя поручение.

— Сделаю.

— Вот что. Ты, значит, мальчишку чем-нибудь займи, отвлеки. А сам поищи, где у него ключ от сундука. Когда узнаешь, — Хамракул-бай, пристально, со значением, глянул ему прямо в глаза, — опять Рустаму работу задай какую-нибудь. А сам — в сундук... — Бай достал из-за пазухи листок бумаги. — Там бумажка должна быть, точь-в-точь такая же. Ты ее незаметно вытащи, а другую положишь на ее место.

— А что это за бумажка? — обуреваемый любопытством, осмелился напрямк спросить Рахим-Лайлак. — И что я с ней после буду делать?

— Отдашь мне. Я ведь тебя женить собираюсь. А пристанища у тебя нет. Вот я и подумал... Дом и двор тебе достанутся. В общем, чтоб бумага была у меня в руках! Прибыль-то от этого — твоя.

— Чей же это дом и двор? — Рахим ничего не понял, но глаза у него загорелись...

— Виноград ешь, а пз какого сада — не спрашивай, дурень!

Что же все-таки за бумажка? Уж так-то баю охота ее заполучить... Любопытно Рахиму, очень любопытно выведать, какого рода эта бумажка, откуда она... Не нужен ему ничей дом. Лучше в преисподнюю провалиться, чем хотя бы лачугу насильно у кого-то отнять, кровью заставив умыться... Да, но что это за бумажка, если бай так ее домогается? Ему, Рахиму, дом подарить намерен? Все эти вопросы, будто пчелы, роились и гудели в голове у Рахим-Лайлака всякий раз, когда он разговаривал с Рустамом у него в доме. Однажды он чуть было не проговорился мальчику, но вовремя прикусил язык. А может, эта бумажка Рустаму вовсе без пользы? Рахим решил сперва разузнать, что это за бумажка, и только потом доставить ее баю. Но только разве годится — еще кого-то посвящать в тайну?

Под вечер, когда Рустам, наскоро поужинав, убежал на улицу, Рахим — он еще заранее отыскал ключ — дрожащими руками отомкнул у сундука замок, поднял крышку... Вытащив сперва два-три камзола — приданое Шахринисо, четыре вышитых поясных платка, мужскую тюбетейку, легкий халат из алачи, отрез ластика, на курпачу приготовленный, разрыв еще какую-то мелочь, он лихорадочно принялся искать бумажку. На самом дне сундука оказался коран в жестком потертом переплете. Осторожно достав книгу, Рахим сперва поцеловал переплет, потом приложил ко лбу, только после этого раскрыл и принялся листать. Бумажка! Она, такая точно, какую показывал бай!.. Поспешно сунув ее за пазуху. Рахим затрясся крупной дрожью. Когда ночью легли спать, он глаз сомкнуть не мог. Боже великий, что за тайна скрывается в этой бумажке? Рахим горько пожалел, что не знает грамоты. Кого же попросить прочесть? Думал, думал Рахим-Лайлак, да и решил пойти к Сахибназару-суфи — тот сам бедняк и к беднякам вроде благоволит.

Однако того поутру дома не оказалось — ушел в мечеть к утреннему намазу и еще не возвратился, хотя уже белый день настал. А ждать — не с руки. Того гляди, бай проведает, тогда все надежды прахом...

— Ну как? — покручивая ус и самодовольно усмехаясь, спросил Хамракул-бай у Рахима, когда тот запряг волов и собрался с плугом на поле.

— Не удалось пока, — Рахим-Лайлак весь напрягся, чтобы не выдать себя. — Сегодня уж постараюсь...

Он не спеша погнал волов, но вдруг услышал, как бая окликнул из своих ворот Сахибназар-суфи. Дыхание застряло в горле. Рахим стегнул волов, заспешил прочь из кишлака.

— Чего вам? Идите сюда, — неприветливо отозвался бай.

— Ваш Рахим сегодня на рассвете приходил, — суфи не топорился приблизиться. — Наша услуга нужна?

— Рахим приходил?! — бай тотчас пошел, в чем дело. Кинул свирепый взгляд вслед Рахиму — так бы и растерзал его... Ответил спокойно: — Да нет, ничего. Просто он свое исполнил... Извините, мы вас, кажется, обеспокоили, — Потом окликнул удалявшегося в страхе и тревоге работника: — А ну, погоди!

— Бай... ата... — подойдя, заплетающимся языком начал тот, колени у него дрожали. Больше он был не в силах лгать. Под холодным, пропизывающим взглядом бая он сник, согнулся: — Простите... Хотелось узнать, что за бумажка...

— Где она? — Хамракул-бай, казалось, смягчился. Рахим-Лайлак вытащил из платка, которым подпоясывал штаны, сконканную бумажку, протянул баю.

«Та-ак... — Хамракул-бай разгладил бумагу. — Ну, теперь нам не нужны никакие Рустамы. Дело сделано!»

Он поглядел на Рахима со снисходительной улыбкой:

— Нынче мы с тобой вместе попопдичаем.

— Спасибо вам, бай-ата! — у Рахима от радости — рот до ушей, как говорится, хоть танапом измеряй. Прямо-таки себя не помнит. Как велел бай, после нахоты до самого полудня чистил загоны для овец...

А к вечеру по кишлаку разлетелась весть: будто с Рахимом, батраком Хамракул-бая, случился припадок — тут и смерть пришла бедняге. И ведь какой был джигит — по камню ударит, раздробит в порошок... Кто бы ни услышал эту скорбную новость, за ворот схватится, вознесет молитву аллаху. А Рустам — будто во сне. До чего же, оказывается, это легко и просто — был человек и нет его!.. Немного позже люди стали вспоминать, с оглядкой передавать друг другу: накануне Рахим-Лайлак почевал в доме у Шахринисо, рано утром отправился зачем-то к Сахибназару-суфи, а потом... Такого преданного работника враз лишился Хамракул-бай — хоть кто посочувствует...

Как говорится, ишак околел — собаке разговенье. В тот самый день, когда Хамракул-бай, даже головы не подняв, в одночасье отправился в мир иной, будто солнце засияло во весь лик и с особенной щедростью пролило лучи на семейство Шеркузи. На радостях в полдень зарезали петуха, полакомились на обед горячею похлебкой. И к ужину Сиддыка приступила куда раньше, чем в другие дни, — еще солнце не закатилось, а она уже мяски приготовила под плов из курятины.

— Ну, теперь недолго ждать, пока стignet и эта неживучая, — как всегда, в разговоре с женой помянул невестку Шеркузи.

— Прямо будто духи предков ее поддерживают, — недовольно сморщилась Сиддыка. — Вой сколько людей на тот свет отправились, пока дожидаемся ее смерти...

— Нет, теперь ей конец! — убежденно проговорил Шеркузи.

И в его словах был резон. С того дня, как проводили в последний путь Хасиятхон, здоровье Шахринисо стало заметно ухудшаться. Рустам в одиночку, без помощи матери, и вылушил зерно джугары, и посеял. Мальчуган, едва за десять лет ему перевалило, такую работу осилил своими руками! Соседи, да и вся улица только об этом и толковали. И никак не думал Рустам, не ожидал, что неотвратимое надвигается, уже совсем-совсем близко...

— Если б не померла тетя Хасиятхон, мы уже привялились бы дом подновлять, — забегая домой отдохнуть, твердил он матери, нарочно, чтобы поддержать ее дух, вселить надежду...

— Молодец, сынок, у тебя в руках дело спорится! — Шахринисо слабела с каждым днем, чувствовала себя куда хуже, чем в тот год, когда схоронила мужа. Но разве можно и сына лишать надежды? Она ласково погладила мальчика. — Будь стойким, мой родной!

— Если джугара обильно уродится, купим овцу, матушка! Жареным зерном откормим, гладкая станет!... — продолжал Рустам, слушая ее с холодеющим сердцем.

— На наше счастье, дедушка у тебя есть, дядя Хайдарали, — продолжала Шахринисо. — Смотри, сынок, никогда им не перечь!

Эти слова матери поселили тоску в сердце мальчика. Еще ни разу мать не давала ему подобных наставлений. Тяжело ему было хотя бы на мгновенье отойти, больную мать оставить одну. Наконец Шахринисо отослала сына с поручением привести деда. Отослала — и душу себе истерзала раскаяньем. Разве это дело — снова пугать несчастных стариков предвестием возмож-

ного близкого траура?! Неужели такой «радости» заслужили те, кто вырастил детей?..

Рустам с дедом приехали под вечер. Эшмата не узнать: грудь впалая, плечи опустились, глаза потухшие, сам весь словно измятый, раздавленный. Скорбно глядя в одну точку, он присел на корточки у изголовья Шахринисо. Сразу заметил: ей хуже, болезнь, видимо, усливается.

— Больше нет моих сил... терпеть... — прошептала больная. Ей было тяжело, как никогда еще доселе, но она предпочла говорить, не молчать. — Вы бы с мамой... побереглись...

— А вот эти слова ты оставь, дочка, — у Эшмата затряслись губы. — Неужто судьба вспять пошла: отцы-матери над своими потомками должны слезы лить в трауре?

— Дети пусть... с вами остаются... — с трудом, преодолевая одуше, выдавила из себя Шахринисо. — Рустама тоже... возьмите к себе... как Сарвинисо...

Как раз в это время Рустам забылся коротким сном. Шахринисо, похоже, и не теряла сознания. Говорила, говорила с отцом... У Эшмата глаза стали слипаться. Только перед рассветом проснулся — как раз время первому намазу. Глянул на дочь, порадовался: спит... На цыпочках вышел, чтобы совершить омовение перед молитвой. Не догадывался старый: в эти минуты душа горемычной Шахринисо витает уже где-то далеко-далеко... Сладко посапывал во сне Рустам — отныне круглый сирота, без всякой опоры в жизни. На утренний намаз призывал верующих всего кишлака гнусавый голос Сахибназара-суфи.

— О, создатель, не лишай нас твоей благосклонной поддержки! — бормотал Эшмат-ата, поспешая к мечети. — Даруй исцеленье бедной Шахри!

Сиддыку очень тревожило, что Шеркузи не возвратился сразу, как обещал. Приготовить полуденный чай — руки не поднимаются. Обоих супругов сильно напугала внезапная нерешительность элликбаши, притом о причинах он упорно молчал. Мужа и жену из-за этого, что называется, то в огонь бросало, то в горячие угля. А уж с тех пор, как сорокадневные поминки справили по Шахринисо, они и вовсе не могли отыскать конца того клубка, который сами же запутали. Кто же сумел элликбаши сбить с пути?! Может, здесь козни Умара, байского сына? Чтобы отыскать этому противодействие, Шеркузи сегодня с утра направился припасть к столам самого кишлачного имама. Но

неужели имам столько времени не отпускает его? Когда Сиддыка, больше часа прождав мужа у ворот, собралась идти в дом, на дворе у покойной свояченицы заметила два силуэта. Рустам и с ним старик Эшмат! Он теперь присматривал за домом и чуть не ежедневно навещался в Янгикурган. И всегда мальчишка рядом с ним! Сиддыка и сейчас, увидев их вместе, прямо-таки задохнулась от ненависти. «Глаза бы мои на вас не глядели! — прошипела она. — И когда только мы следы ваши заметем без остатка?!»

Шеркузи прибежал запыхавшийся, слова произнести не может, — точно его собаки гнали. Наспех разувшись, бросился на пол, на одеяла. Из его скупых, бессвязных слов сделалось ясно: имам только высмеял его пустые, обреченные на неуспех хлопоты. Шеркузи тогда снова кинулся к элликбаши.

— Братец, — покровительственным тоном начал тот, видимо, решив, наконец, говорить правду, — ты бы уж домогался того, до чего дотянуться можешь. Зачем с самого неба силиться хватать, если шея коротка?

— Не понимаю... — насупился Шеркузи.

— А не понимаешь, спроси у байского сына, — элликбаши грозно глянул на него: какие, мол, еще тут могут быть разговоры. — Ведь это байская земля. Ты же ходишь, голову всем морочишь нонапрасну.

— Ложь! — в гневе вскричал Шеркузи. И тотчас побежал в дом покойного Хамракул-бая.

— Что такое, все ли спокойно? — Умар вышел ему навстречу с фальшивой приветливой улыбкой. Из-за его спины выглядывал имам. «Уже успел, ох ты проклятый, помоями поеный! — со злобным изумлением подумал Шеркузи. — Богоотступник, шарият с ног на голову перевернул... Значит, нынче он перед Умаром расстилается, как еще вчера перед баем... Да ведь ему-то все одно. Пусть козел, только б доплся...»

— Добро пожаловать! — все так же приветливо обращался Умар к «гостю», столбом стоящему у ворот. — Чем могу служить?

— Зачем я пришел, вам, верно, уже сказал почтеннейший имам, — Шеркузи кивнул в сторону духовного наставника: — Или может, вам еще неизвестно?..

— Сейчас скажу, — имам почтительно склонился перед Умаром. — Этот человек пришел домогаться вашего добра.

— Разве я вам должен? — Умар явно глумился над вконец растерявшимся Шеркузи. — Скажите! Если долг на мне, то не стесняйтесь взыскать даже в потустороннем мире...

— Какое право имеете вы на землю моего старшего брата покойного? — пробормотал ошеломленный Шеркузи. — Это вы... бесчестными уловками ее захватили!

— Интересно бы услышать, а у вас какое право на эту землю? — не сдавался Умар, с насмешкой глядя ему прямо в лицо. — Или вы от имени вашего племянника выступаете?

— Да, — твердо ответил Шеркузи; упоминание о Рустаме внезапно придало ему самоуверенности. — Кто же, кроме меня, еще остался у моего племянника?

— А он сам знает о ваших домогательствах?

Шеркузи прикусил язык. А Умар, жестом показав, дескать, погодите, послешли в дом, и сразу же вернулся с какой-то бумажкой.

— Деньги за эту землю почти целиком получил от меня сам покойный Усманали, остальное — вдова его, тоже, увы покойная, — ровным, деловым тоном проговорил Умар. — Вот купчая на землю, которой вы столь усердно стараетесь завладеть. Ваш старший брат мне сам эту бумагу вручил. Правда, про это не знает даже его тесть.

— Не верю! — завопил Шеркузи. — Это мошенничество! Пошел на брата!

— Вы только поглядите, почтеннейший, до чего бессовестными сделались люди, — обратился Умар к имаму с язвительным смешком. — Кругом неправ, а первым кулак подымает...

— Да как вам не жалко сына покойного?! — только теперь сообразив, что земля окончательно уплывает из рук, в отчаянии завопил Шеркузи и рванул захлопнувшуюся у него перед носом калитку. — Бедный мой племянник!..

— Если дед согласится, — Умар обернулся, шагнул к Шеркузи, — пусть мальчик приходит к нам. Я онекуном ему стану. Ведь если сиротам даешь, и тебе воздаст аллах, не так ли, почтеннейший имам?

— Иншаалах! — имам воздел руки над головой. — Эту вашу щедрость всемогущим каламом вишчет всевышний на страницы книги благоденний, хранимой в райской обители, где обитают перы с гуриями!..

И они ушли, а Шеркузи остался перед калиткой как громом пораженный.

Таким-то вот — побежденным и униженным — возвратился Шеркузи к себе домой и долго не мог дать связного ответа на вопрошающие возгласы супруги: как, да что, да неужели? Он был до того подавлен, что не различал ничего вокруг и слова Сиддыки не достигали слуха.

Каким же образом очутилась у них в руках бумага на землю? Неужели брат, ни с кем не посоветовавшись, вручил ее баю как дар, сам и палец приложил вместо подписи?

Когда на соседнем дворе снова появились Эшмат-ата и Рустам, Шеркузи собрался с силами, тяжело поднялся. Ничего не сказав жене, шагнул к двери.

— Куда это вы? — Сиддыка ухватила его за полу.

— Горем своим поделиться, — огрызнулся Шеркузи. — Поняла?

— Нет, не поняла! — обозлилась и она. — Раскис, будто его чахотка поразила...

Но Шеркузи, не слушая, направился во двор Шахринисо. Ему хотелось излить тоску и обиду хотя бы старому Эшмату, пусть ненавистному... Догадавшись о намерении мужа, Сиддыка тенью скользнула вслед за ним, притаилась за углом хлева. Шеркузи даже не обернулся.

— 9 —

Два года миновало, как Эшмат-ата и Салима-хола враз лишились обеих дочерей. И все это время — беспрестанные хлопоты, тревоги, беспокойство. Не сравнялось и двух дней, как они взяли к себе Сарвинисо, — является Камал, отец девочки, всеми правдами и неправдами тщится увести ее с собой. Сарвинисо не хотелось расставаться с отцом; однако после кончины матери она очень привязалась к бабушке Салиме, потому не желала уходить из дедова дома, плакала до того, что свет померк в глазах, Но Камал так и не согласился ее оставить. Эшмат с женой совсем извелись — будто ткацкие челноки, по целым дням покоя не видели.

Дело в том, что Камалу, вскоре после смерти жепы, свояченица Наринисо сосватала бойкую вдову, да не одну — с двумя детьми. Сперва, забрав дочку, Камал часто навещал тестя и тещу, а потом стал приходить все реже и реже. Две семьи, — кажется, девочка одинокой не будет. Только ни она не смогла ужиться с мачехой, ни та с нею. Так бы и улетела бедная девочка к деду с бабкой — тслько крыльев нет... А когда они навещаются в гости, отпускать их не хочет, прямо за полы цепляется, удерживает.

— Пускай Сарвинисо у нас живет, — снова и снова умоляют Камала Эшмат и Салима. — Она всегда останется вашей дочерью. А мы ведь совсем одни .

Наконец и сам Камал заметил у Сарвинисо к мачехе сердце не лежит, сторонится ее девчонка, украдкой слезы вытирает; не

стало ему покоя. Мало-помалу начал он заводить разговоры с Эшматом, опасениями делиться: мол, если сделаем так, оставим у вас дочку, ладно ли дело выйдет?

— Сынок, — утешил его Эшмат-ата, сам едва не плачущий от радости, что, вроде, смягчился зять. — Я все понимаю. И мы всегда вам рады, хоть в здешнем мире, хоть в потустороннем.

— Отец, — отвечал ему Камал, тоже растроганный. — Как хорошо, что вы у нас есть — на счастье Сарвинисо...

— Спасибо тебе, сынок, если так думаешь!

Сарвинисо как услышала, что снова уйдет вместе с бабушкой, сперва от радости распрыгалась. Потом видит: отец хмурый, у нее тоже сердце упало.

— Ну, Сарви, пошли, — позвал бабушка, но она все не уходила от отца, глаз не сводила с него. Остается с чужими... Острая жалость к отцу пронзила сердце. До этого дня она капризничала, надоедала отцу, негодовала, злилась на него за то, что не позволяет уйти к бабушке. А вот теперь девочку терзают сомнения, жаль покидать родной дом. Крепко обняв отца на прощанье, она повисла у него на шее. «Папочка, милый, никому вас не отдам!» — будто кричали ее глаза, ее сердце, все ее существо. Тоска терзала в эти минуты душу Камала.

— Отец, поймите, — на прощанье сказал он Эшмату. — Без дочери мне жизнь не мила. Не осудите, если завтра же приду, заберу ее... Тогда уж не печальтесь!

— Что ж, будь что будет... — потупился Эшмат-ата, глаза у него покраснели, увлажнились.

Сердце у старика согрелось от того, с какой теплотой и открытостью проводил его зять. Но, отправляясь в путь, он с тревогой и беспокойством подумывал, как бы горячая привязанность отца к дочери не возбудила ревности у новой жены Камала. Думал он и о Рустаме. Мальчик остался в Янгикургане, хотя и часто навещал деда. А Эшмат-ата, наоборот, не сумев выиграть тяжбу с Умар-баем, старался теперь приходиться туда как можно реже. Рустам он сумел выволить из-под опеки байской родни — землю потеряли, так хоть тебя сбережем, — но забрать к себе в Бачкыр все же не смог. Не решился Рустам порвать с родным кышлаком, переселиться в другое место; вот прийти в гости к старикам — это с удовольствием...

Двор покойной Шахринисо так и не достался пронырливому Шеркузи. По решению аксакалов махалли, здесь, до того, как Рустам в возраст войдет, поселился один из родственников Наринисо по мужу — вдовый брат ее свекра. А самого Рустам определили воспитанником в дом к тете Наринисо.

Парню теперь шел уже пятнадцатый год, он сделался настоящим помощником Хайдарали — засеять, окучить посев, сорняки выполоть, со всеми делами управиться, пока придет очередь полива. Кроме своей земли, Хайдарали еще за треть урожая арендовал тапак у Умар-бая.

Двоюродные брат и сестра — Рустам и Зеби, дочка Наринисо и Хайдарали, — жили дружно. Парень все готов был исполнить, что бы сестра ни поручила; если чего не знает — выучится, только б ей угодить. Особенно это стало видно, когда Рустаму пошел семнадцатый год. Первой заметила мать, Наринисо. Сама Зеби дала повод: куда бы ни отправился двоюродный брат, она мать замучает — когда, мол, Рустам вернется; прямо жить без него не может... Заметила Наринисо и другое: времяами девушка обходится с ним круто, оскорбляет, не замечает. За это ей от матери сильно доставалось.

В нынешнем году, после того как урожаем собрали, Хайдарали хлопнул тюбетейкой оземь и говорит жене:

— В любом деле Рустам для нас — помощник постоянный. Да вот опасюсь я... Зеби в возраст входит... Не пора ли нам парня отправить к деду в Бачкыр?

— Верно, — сразу согласилась Наринисо, эта же мысль и ей не давала покоя, только мужнины слова она истолковала по-своему. — Старикам радость, если Рустамджан будет с ними. А время подойдет — поженим молодых.

— Э-э... — Хайдарали понял: говорят они каждый о своем. — На дочь-то нашу другие имеют виды.

Догадывался он заранее, какие планы у жены относительно Зеби; и ответ был у него приготовлен. Сам он хотел выдать свою дочь за человека с положением, состоятельного, чтоб земля-воды имел вдоволь. А уж Зеби расцвела всем на загляденье, посмотришь — хоть с луной сравнить ее, хоть с солнцем... И вот до отцова слуха дошло: собирается сватать ее Каримберды, младший брат Умар-бая. Вот так удача, счастье нежданное! Человек богатый, к тому же холостой... Да ведь если это сбудется — в люди выйдет дочь, судьбу свою устроит. Но Хайдарали ни слова не сказал жене, пока все оставалось только слухами, что исходили от байской родни, и нельзя было разобрать, правда это или вздорная болтовня.

Однако вскоре и сама Наринисо обо всем проведала. Только у нее другое на уме. И потому женщине, которая принесла ей эту весть в надежде на щедрый суюнчи, Наринисо заявила, — с умыслом, чтоб байская родня узнала, — что, дескать, Зеби уже просватана за Рустама. Пусть пока это не так — сделается в свое время... Конечно, родичи бая, когда их ушей достигая

слова Наринисо, решили подождать — ведь не позориться же, если заставят убираться ни с чем, даже и дастархана не развернуть...

Об этих последних событиях сам Хайдарали и не подозревал; однако в разговоре с женой имел в виду как раз Каримберды, хотя и не назвал его по имени.

— Сам Умар-бай, слышно, готов оказать нам почтение, — Хайдарали больше не мог таить задуманное от жены. — Ты только подумай, какой почет!

Он был уверен: едва услышав это, жена обрадуется, точно священную ночь рамазана ей удалось продлить. Однако не тут-то было, Наринисо вздохнула — и ни звука в ответ.

— Я говорю, Умар-бай своему младшему брату будет сватать нашу Зеби, — он повысил голос. — Вот-вот сватов пришлет!

— По себе пужно искать, ровню, — укоризненно проговорила Наринисо, — А с такими равняться — как бы у нас поясница не хрустнула...

— Да ведь знают же они, — Хайдарали всем сердцем стремился убедить жену в своей правоте, — знают, что есть у нас, чего нет. Ты о счастье дочери подумала бы!

Он, кажется, хотел еще что-то сказать, но осекся. Со двора полыщались шаги, это Зеби с Рустамом пришли домой с поля. «Молодость!» — с легким уколом зависти подумал Хайдарали, услышав их говор, беспечный смех. Зеби заметила во дворе отца, сконфузилась, заспешила на женскую половину. Хайдарали невольно залюбовался Рустамом. Парень хоть куда — рассудительный, трудолюбивый, проворный, и слово умеет молвить... Но единственной дочери любимой он все же не ровня, нет! Папией доченьке к лицу только парча да шелк... С этими мыслями, немного опечаленный тем, что не сумел жене втолковать свои мысли, намеренья, Хайдарали направился к воротам. Не видел, что Рустам стоит возле дома.

Парень, хоть издали, заметил: дядя не в духе. Подошел к Зеби, задержавшейся на пороге.

— Что это твой отец хмурый какой-то? Я с ним поздоровался, он не ответил...

— Ничего не знаю! — бросила Зеби с озорной улыбкой.

— Скажи правду, — Рустам уже начал волноваться. — Скажи, я слушаю...

— А вы не сильно огорчитесь? — девушка явно хотела его подзадорить. — Из-за меня у них спор вышел.

— Какой еще спор? — парень сразу сделался серьезным.

— Похоже, как бы не пришлось мне уйти от вас далеко-далеко...

— Зеби, не говори такого! — Рустам ощутил дрожь во всем теле, словно его окатили ледяной водой. — Как только у тебя язык поворачивается эти слова пронзительно?

— Разве же моя воля? — ответила она ему вроде беспечно, не задумываясь. — Девушка — что она может?..

— Не говори такого, Зеби! — повторил Рустам. — Дядю мы упросим, умолим!

— Что на челе нанесено — того не миновать...

— Да тебе, выходит, все равно?! — Он смотрел и глазам своим не верил. — Зеби, ты что же это говоришь?

— Зеби!

Голос отца заставил обоих замереть на месте. Зеби опомнилась первая, побежала на зов.

— Где? — Хайдарали вперился в нее гневно выпученными глазами.

— Кто?

— Где?! — крикнул он что есть силы. Видно было: он слышал их короткую беседу от слова до слова. — Я спрашиваю, где Рустам?

— Что вам, дядюшка? — парень, преодолевая себя, шагнул к нему.

— В землю глядеть хочешь меня заставить?! — тихо и раздельно, с угрозой проговорил Хайдарали. Впервые он так разговаривал с племянником. Рустам опешил. Что отвечать? Парень в замешательстве смотрел себе под ноги. Хайдарали, глядя на него в упор, со стиснутыми зубами процедил: — Значит, на добро — злом отвечаешь?

— Я... не понимаю... — пролепетал Рустам, заливаясь краской стыда, отчего — сам не мог понять.

— Ну что вы накинулись на него? — вступилась Наринисо, хлопотавшая у очага. — Будто он у вас ячмень скосил незрелым...

— Скажи своему племяннику, — бросил Хайдарали и отвернулся, — пусть отправляется к деду! Там его с распростертыми объятиями...

— Да ведь и там девушка в возраст вошла, — как бы невзначай заметила жена. — Сарвинисо тоже нам все равно что дочь родная.

— Ей — другое воспитание.

— Какое же? — не сдавалась Наринисо.

— Сама знаешь!

«Конечно! — с горечью подумал Рустам. — Сиротам и воспитание другое...»

Ни на кого не взглянув, он выбежал на улицу. С кем поделиться горем? У него стучало в висках. Уж сколько времени не приходил на кладбище, к могилам отца и матери... Теперь он брел туда, сам того не замечая.

— Матушка... — Рустам остановился у материнской могилы, слезы ручьем хлынули из глаз. — Меня с Зеби разлучают!

«Не падай духом, сынок, не уступай! Что бы там ни случилось, мужчине слезы проливать не годится, — словно прозвучал из-под земли негромкий утешающий голос. — Если она тебя взаправду любит — не отдавай!»

— Я люблю ее, мама! — он опустил на корточки. — Жить без нее не могу!

«Будь стойким, сынок! Жизнь еще сколько подножек тебе подставит, а ты не гнишь, стой прямо!»

— Хорошо, мама, милая! Буду таким, как ты велишь!

— 10 —

Старикам, Эшмату и Салиме, внучка Сарвинисо напоминала Хасиятхон, мать. Ну, просто вылитая! Эшмат-ата как взглянет — от изумления даже за воротник схватится... Глаза у внучки темные, глубокие — точь-в-точь родники, в которых не видать дна. Кто ни посмотрит — сердце так и занает... Ростом Сарвинисо по выше Зеби, двоюродной сестренки, причем та полненькая, а эта паоборот — стройная, тонкая. А лицо — будто в молоко его окунали, молоком и выполоскали, оттого оно кажется особенно круглым да белым. Ну, а губы... в точности, как в стихах у поэтов: бутон, что вот-вот распустится. Девушка молчалива, такой уж прав у нее. Спросите — коротко, скромно ответит. Старательная — с утра до ночи хлопочет по дому. Вышивает розы на поясных платках, а на тюбетейках — «стручки перца», да так искусно — играют узоры, будто живые, даже в глазах рябит, кто ни глянет — диву дается.

В Бачкыре уже немало семейств, желающих заполучить Сарвинисо в невесты своим подросшим сыновьям, Но у Салимы сердце разрывается, как подумает об этом. Ведь однажды Сарвинисо, когда сваты подступили особо назойливо, заявила старикам:

— Что ж, соглашайтесь, если вам так захотелось разлучиться со мной...

И больше ни слова. Слез тоже у нее не выжать. В тупик поставила деда и бабуку. Они только переглянулись молча. Что же у внучки на душе?

— Не иначе, кто-то есть у нее на примете, — высказал предположение Эшмат-ата. — Кого-то, видать, ждет она.

— Бог ее поймет! — сокрушенно вздохнула тетушка Салима. — Она ведь не то, что иные девушки, — не поделится, не откроется. Каждое словечко хоть клещами из нее вытягивай...

Они готовы были выслушать признание Сарвинисо. Но у той — все внутри, на дне души. Правда, порой так охота поделиться хотя бы с кем угодно, высказать горе, что грызет, съедает ее всю... О, если б сердце Рустама не занимала другая! Не верилось бедняжке, что Зеби любит его так же беззаветно, как она сама. Ждет, ждет Рустама, а когда он, наконец, явится, да еще не уходит сразу же — и вовсе будто на высоком костре сгорает. Ведь он с ней обходится всего лишь как с младшею сестренкой. А в мыслях у него одна Зеби. Это-то и терзает Сарвинисо всего безжалостней. Точно угодила она в крепкий капкан и вырваться не в силах. Знает: от капкана ключ — в руках у Рустама, а он, видимо, даже и не подозревает...

Но — всему наступает предел. Не давала девушке ни минуты покоя эта рапа в душе что словно, палила внутренним огнем, — и уже вот-вот готова была вскрыться.

«А что на сердце у Зеби? — раздумывала она, отправившись, с позволения бабушки, навестить семейство тети Наринисо. — Если она и вправду его любит — что ж, так и быть, не откроюсь, одинокой пройду по жизни...»

— Сестрица, — шепотом позвала она Зеби, когда обе, отужинав, улеглись рядышком спать. — Когда твоя свадьба?

— Что за свадьба?

— Да с братцем Рустамом...

— Рустаму что... он и в ус не дует! — Зеби не в силах скрыть волнение, заговорила раздраженно. — Если б он как следует постарался, уж я бы его не выпустила, отца и матушку уговорила бы...

— Ну, а теперь? — настороженно спросила Сарвинисо.

— А теперь заприметило меня одно почтенное семейство, — беспечно бросила Зеби. — Что поделаешь, сестренка!

— Неужели?!

— Вот как? Моя судьба устраивается, а ты, вроде, обеспокоена? — Зеби снова начала сердиться.

— Разве это честно — обманывать?

— Да кого?

— Рустама, конечно...

— Сам, значит, не постарался, так тебя в это дело впутыва-
ет?! — с вызовом спросила Зеби. — Я что ли отказ ему дала?

— И с такими-то мыслями ты готовишься к свадьбе! — те-
перь Сарвинисо не могла скрыть горечи и тревоги. — Что же
будет с Рустамом?

— Разве он не мужчина? — Зеби говорила все так же бес-
печно. — Найдет себе ровню...

— Но ведь он так любит тебя!

— Сам тебе сказал?

— Зачем? И без того видно.

— Что поделаешь...

— Не говори так, не увиливай! — Сарвинисо с мольбой схва-
тила сестру за руки. — Не толкай его в костер, сжался!

— Сказать тебе всю правду?

— Скажи...

— Каримберды-байбача — вот с кем меня помолвили.

— И ты уже согласилась?

— Я все обдумала, — взгляд Зеби сделался пустым, отсут-
ствующим. — Авось, выйдет неплохо...

— Да разве так можно — на авось?!

— А что? Аллах не оставит...

— Значит, ты по своей воле идешь за него? — тихо и отдель-
но спросила Сарвинисо. — Так?

— Значит, так... — Зеби отвернулась. — А что ты думаешь,
самая богатая семья в кишлаке.

— Какое бесстыдство!

— Это ты о ком?

— О тебе! — Сарвинисо вся дрожала от негодованья, так что
даже Зеби ощутила. — Да, о тебе!

— Ну, а тебе-то какая печаль? — удивилась Зеби. — Только
что я про Рустама говорила, ты вроде была недовольна...

— Знаешь, сестра, — Сарвинисо вся сотрясалась, будто в ли-
хорадке. — Ты ведь уже не раз пыталась завести о Рустаме раз-
говор. Тогда мне слышать не хотелось. Не по душе мне было, что
Рустам к тебе склоняется... Но ты так понимала, что не люблю
я его вовсе. Нет! Люблю! Теперь не скрываю — люблю! Еще с
детства, с малых лет!

— Не пужно так шутить, — Зеби не верила своим ушам, на-
столько неожиданными были слова сестры. — Ты хочешь выз-
вать у меня ревность, да?

— Боюсь я, что влюбишься ты в него, если часто будем о нем
говорить, — не слушая, продолжала Сарвинисо. — Ревновала
я его... к тебе.

— А сейчас?

— Я завидовала тебе, — вздохнула Сарвиннiso. — Только ведь ты не ценила его...

— Да, пожалуй, он в самый раз по тебе. — Зеби глянула на нее испытующе. — И теперь я не буду помехой у тебя на дороге.

— Он тебя любит, тебя, одумайся, сестрица! — умоляющим тоном проговорила Сарвиннiso. — Не терзай ты его!

— Ну, ты опять про то же! — отмахнулась Зеби.

Сарвиннiso с головой закуталась в одеяло. Но не вытерпела молчанья. Опять легонько толкнула сестру. Так откровенно, задушевно поговорили — а что выяснили? Что останется в душе? И что они решили? Что ответит она, Зеби, лежащая молча, должно быть, задумавшись? Сарвиннiso прислушалась в ожидании... Но в эти минуты Зеби думала совсем-совсем о другом. У нее перед глазами, будто живой, встал Каримберды. Липо белое, чуть бледное... Горячит лихого коня, который и без того словно огнем весь пышет... На коне скачет — ну, в точности батыр из сказки! Ей, Зеби, это особенно по праву. Уже дважды она видела его, и оба раза верхом. Вот как сейчас — в памяти каждая черточка...

— 11 —

Когда в начале зимы у Мадамина, по прозвищу Джурабаши, —одного из влиятельных баев Бачкыра, родился сын, после обычного чтения корана был задан трехдневный той с увеселениями, в числе которых — скачки на приз, а также улак. Народу собралось — как говорится, земля и небо всех не вместят. И у каждого на языке — имена самых знаменитых улакчи, клички прославленных коней, что отличились в первый же день богатого тоя. Рустам, тоже побывавший на празднестве, домой вернулся до того возбужденный — даже не может толком всего пересказать Сарвиннiso, вместе с дедом и бабушкой пришедшей к ним как раз в эту пору.

— Хорошо, если б и ты посмотрела, — сказал он также Зеби, вроде пожалел, что и она не торопится вместе с ним. — Славно бы там повеселились!

— Не беда, — вместо Зеби отозвалась Салима-хола. — Еще и завтра будет той, и послезавтра. Не надоело тебе или мало видеть — так завтра и поиди...

— Еще бы не пойти! — лукаво бросила Сарвиннiso. — Хоть силой, да вырвемся.

— Я тоже пойду, — Зеби улыбнулась Рустаму, будто спра-

шивая: «Вы довольны?» — Конь Умар-бая сравнится с Байчибаром, которого сам Алпамыш оседлал?

— Завтра поглядим, — сказал Рустам, ему было приятно, что речь зашла о гнедом коне Умар-бая, привлечшем на скачках всеобщее внимание. — Пять призов взято в один день — легко ли?

— Да и всадник у него что надо! — вмешался в разговор внуков Эшмат-ата. — Бай не даст своих коней в руки кому придется. — Вот я и говорю! — отозвался Рустам. — Младший брат бая Каримберды — джигит настоящий!

— Это брат Умара? — Эшмат-ата вздрогнул и насторожился.

— У всех на устах только его гнедой! — все так же с восторгом проговорил Рустам.

— Да уж он, слышно, до небес подпрыгнуть может, — подтвердила Сарвинисо. — Байчибару не уступит, верно. И этот Карим тоже хват настоящий.

На следующее утро Зеби не заставила себя поторапливать — живо собралась и отправилась вместе с Рустамом и Сарвинисо. Вот и широкий пустырь, огороженный арбами, у которых связаны оглобли. Народу — тьма, говор стоит несмолкаемый. И еще подходят люди, будто с неба сыплются. Иголка упадет — земля не достигнет...

— Сегодня еще больше народу, чем вчера, — заметил Рустам, ведя сестер к тому месту, где собрались женщины и девушки. — Вон, видите? — и он показал на рослого, крепкого джигита вехом на гнедом коне. Впереди ватаги скачущих по полю улакчи, этот всадник пытался отпять тушу козленка у противника, которого только что настиг. — Смотрите же! — опять воскликнул Рустам.

Зеби выглянула, осторожно сдвинув чачван. Ей было хорошо видно все поле. Но улакчи в этот миг смешались в кучу, со всех сторон нажимали на гнедого — не видно было ни коня, ни всадника. Зеби обошла сестру, ловко вскарабкалась на стоящую рядом арбу. Вот теперь лучше. Стоя одной ногой на оси арбы, все так же из-за чачвана Зеби провожала взглядом улакчи, которые опять всю гурьбой закружились по полю, отыскивая уже знакомого гнедого.

— Вон, смотри! — ей хотелось, чтобы с ней вместе ликовала стоящая внизу Сарвинисо. — Впереди, обходит белого... Вот что значит конь из нашего кишлака!

— Да я вижу... — отозвалась Сарвинисо.

— Верно говорили про него — такой и есть!

Теперь и белый, и гнедой вырвались далеко вперед. Туша козленка под коленом у всадника на белом коне. Всадник на гнедом приблизился вплотную. Вот он обеими руками ухватился за ту-

гу, потянул к себе... Обе лошади шли копыто в копыто, мчались по полю, будто смерч...

— Победа за вами, Гаффар-амаки!

— Каримберды, не уступай!

— У гнедого-то, смотрите, будто крылья выросли!

— Да и белый спуску не дает...

— Все равно у Гаффара тушу не отнять!

— А этот Каримберды — тоже крепкий. А ведь молодой совсем!

Толпа кричала, гомонила, одни выкликали то, другой — другое, временами взрывался громкий хохот. Взгляд Зеби — не отрываясь, вскачь за гнедым; ожидая его победы, сердце заранее волнится злорадством — противник сдает... Оба коня со всадниками кружат по полю. Остальные улачки, сбившись в кучу, медленно топчутся по кругу в середине — ожидают, когда оба соперника оторвутся один от другого. Гаффар-амаки все не выпускает добычи. Каримберды смекнул: трудно надеяться, чтобы обстановка изменилась теперь же, он махнул рукой, подзывая самых нетерпеливых улачки. И человек пять, словно только и ожидали, — рванулись по прямой наперерез двоим, пытаясь втиснуться между ними, с разных сторон ухватились за тушу. Опять пошла свалка, всадники смешались. В сердце Зеби на миг закралось сострадание к Гаффару, однако всею душой она желала победы гнедому и его всаднику.

— Туша была у Гаффара-амаки... — Сарвинисо глянула на Густама, как бы спрашивая: верно ли?

— Каримберды нечестный прием употребил, — обернулся к ней Рустам.

Их слова не достигли слуха Зеби — всем сердцем, всеми помыслами она была с теми, кто держался за тушу. Трое, секунду спустя — уже только двое — на гнедом коне и на сером... Но вот еще мгновение — и туша в руках Каримберды! Дважды описав круг по своему полю, он с добычей в руках остановился перед аксакалами, вручавшими призы, поднял гнедого на дыбы, приветствуя аксакалов. Зеби стояла совсем близко, видела отчетливо и коня, и всадника. Гнедой — в точности Гырок, сказочный конь прославленного Гороглы. А всадник — сам прекрасный и отважный Равшанбек.

...Вот он спрашивает Зулхумара, своего отца:

Отец мой, любовь меня ждет, — отпусти!

Нет, воина честь меня ждет, — отпусти!..

Но это не сказка, не легенда. И на гнедом коне — Каримберды, тот самый, что из одного с нею кишлака. Припухшие,

словно у киргиза, веки, густые брови срослись на переносице, а нос — крупный, с горбинкою... Молодой, статный, сидит на коне так лихо, будто в небо готов устремиться, звезду достать и принести... А глаза шустрые, словно на ниточках, — быстро-быстро озирается по сторонам. Молодые парни, впрочем, все так же!... Внезапно ей вспоминается Рустам, она мельком взглядывает на него. «Бедняжка, сирота! — с неожиданной жалостью думает Зеби. — Не то что шелудивой лошадежки — даже ишака нет, чтобы оседлать, выехать перед людьми... Да, у кого что на челе написано!...»

И взгляд девушки снова устремляется к Каримберды, который прогуливает коня тихим шагом, чтобы остудить. Казалось, этот молодой богач знаком ей давным-давно, он краше всех на свете... Тут она вздрогнула, точно пчела опустилась на лицо — показалось, что победитель глянул на нее. Теперь она уже не гладела на состязание с таким удовольствием, как совсем недавно. Только глаза по временам вспыхивали — они, против ее воли, все искали кого-то.

...Никак не ожидала Зеби, что летом столкнется с ним лицом к лицу. Дело было так. Хайдарали поручил Рустаму полить посевы джугары: дескать, сохнут колосья; а воды попросил у Умарбая. С утра и до самого полудня Рустам сперва окучивал посевы, затем, отведя воду из большого арыка на поле, подравнивал борозды.

— Смотрите, — пошутила Зеби, принеся ему полдник из дому, — вода-то у вас высыхает, не успевает посевов достичь...

— Дядя сказал, у бая выпросил воды... — Рустам и в самом деле встревожился: вода почему-то не текла. С нижнего края поля он поспешил на верхний. Сразу же вернулся.

— Кто-то воду перекрыл, — смахнув пот со лба, он опустился на корточки. — Я убрал запруду.

— Ну, так я пойду...

— Не торопись! — забеспокоился Рустам. — Куда тебе спешить?

— Вас от дела отрываю... — девушка улыбнулась. Тут же, будто прогоняя ее улыбку, вблизи раздался перестук копыт. Оба замерли, потом быстро осмотрелись. Взгляды Зеби и подъехавшего Каримберды встретились, будто искали друг друга... Мгновенно Зеби опустила глаза, лицо задернула чачваном. А Каримберды, коротким криком подогнав коня на вал вдоль арыка, привстал на стременах и... внезапно вытянул плеткой по лбу Рустама, который даже выпрямиться не успел.

— За что бьете? — парень гневно глянул на всадника, но сдержал себя.

— Ты у кого спросил позволения, босяк?! — грозно рявкнул Каримберды, снова поднимая плетку.

Но Рустам, подскочив, ловко перехватил плетку и вырвал у него из рук. Лицо Каримберды побагровело. Оба замерли, вперив один в другого округленные от ярости глаза. Каримберды растерялся. Что тут поделаешь? Спешиться и схватиться на земле?.. Скрипнув зубами, Рустам поднял было плетку, но сразу опустил. С ненавистью посмотрел вслед ускользавшему в бешенстве байскому сынку. Потом, не глядя на девушку, молча принялся за работу — стал кетменем подгрэбать землю к кустам джугары. А Зеби приняла его сдержанное мужество за трусость. Вот Каримберды — это джигит! Точно пылающий, раскаленный уголек кто-то кинул ей в самую душу, и вот это событие, бесчеловечно-жестокое, как будто нарочно произошло для того, чтобы уголек раздуть, заставить разгореться ярким пламенем. В мыслях Зеби уже паделаяла Каримберды самыми возвышенными качествами. Весь его облик глубже и глубже проникал в сердце девушки, вытесняя Рустама, стирая даже его след.

...Подумав об этом, сейчас, в темноте, Зеби подавленно вздохнула. Вот что у нее на уме... А что у Сарвинисо, этой наивной простушки?..

Немного погодя Зеби все же уснула.

А Сарвинисо всю ночь так и не смогла сомкнуть глаз.

— 12 —

Как-то, еще не стемнело, Рустам возвратился с поля. Глядь, а тетя оживленно беседует с гостями — вдовою покойного Хамракул-бая и еще двумя-тремя женщинами. Сердце у парня так и захолонуло. Едва пригубив поданную теткой пиалу, он подвинулся и вышел во двор.

— А, сынок! Поди-ка сюда, — окликнул его Хайдарали. Он был в добром расположении духа. Только что с нетерпением развернул дастархан с угощениями, присланный, согласно обычаю, байским семейством, слоеную лепешку разломил. — Значит, свадьбу мы готовим. Сосватали мы нашу дочку за Каримберды, байского сына.

— Как за Каримберды?! — Рустам вскинулся, будто ужаленный. — И она... сама... согласна?

— Согласие отца — благословенье бога! — с важностью, наставительно произнес Хайдарали. — Какие же родители затевают дело и с дочерью советуются?

Рустам слушал его будто во сне.

— Устал я что-то сегодня...— бросил он дяде и сразу ушел. Наскоро постлал себе на помосте, который сам недавно сколотил около хлеба.

Поговорить с Зеби, обязательно, чего бы это ни стоило! Может, она еще и сама не знает? А узнает — что с ней будет?

Парень вертелся, точно на горячих углях, то и дело порывался встать. Каким образом пройти на женскую половину к Зеби так, чтобы никто не заметил? Но ведь нельзя, обычай не велит...

Только на рассвете, когда Хайдарали вышел совершить первый намаз, Рустам пробрался в дом, вполголоса окликнул Наринисо:

— Тетушка!..

— А... чего тебе?

— Мне нужно пару слов сказать сестрице Зеби. Простите, пожалуйста, тетя! Всего два слова...— умолял он.

— Что за спешка?

— Тетя, милая,— не удивался Рустам.— Сразу же уйду!

— Ну, ладно,— Наринисо, конечно, догадалась, в чем дело. Жаль племянника, очень жаль, но против воли мужней не поймешь... Однако как оно все еще выйдет? — Ладно, сейчас разбуджу. Только недолго.

Зеби почему-то даже не удивилась, увидев Рустама на женской половине. Взгляд ее был рассеян. Но не это искал Рустам в глазах Зеби — он сейчас хотел бы увидеть в них смятение, мучительный порыв, горение любви, что стоит на пороге, за которым — разлука...

— Посмотри на меня! — Рустам весь пылал, точно раскаленный уголь. — На меня посмотри!

— Ну... смотрю...

— Ты знаешь... про одно дело?

— Знаю. Это воля родителей.

— А ты сама?! — почти закричал Рустам. — А я?!

— Судьба... вздохнула Зеби. — Что на челе написано, то и сбудется. А сами — что мы можем сделать?

Ей в этот миг все же хотелось сказать брату, как его любит Сарвинисо, но она почему-то сдержалась.

— Можем сделать! — Рустам пытался поймать ее взгляд. — Мы сумеем упрямить, умолить отца твоего и матушку!

— Помолвку они не нарушат.

— Помолвка разве важнее любви?! — глаза парня сверкнули отчаянной решимостью. — Возьмемся за руки и пойдем! Не бойся вичего!

— Не выйдет дело...

— Значит... — Рустам все еще не хотел верить. — Ты сама согласна? Так?

— Вам тоже найдется пара, — только и ответила Зеби. И эти ее бесцветные, равнодушные слова наконец отрезвили Рустама.

— Прости меня, Зеби, — оскорбленная гордость юноши заговорила в нем. — Я уйду.

И снова она даже рта не раскрыла.

У Рустама не хватало сил проститься с тетушкой, которая уже озабоченно хлопотала по дому. Он бросился прочь со двора.

Как он будет жить в этом мире без нее? Сразу, в единый миг лишиться всего! А он ведь безгранично верил ей. И неужели так легко оказалось их разлучить? Выходит, для нее все это было игрой, забавой? Если Зеби обманула — кому он, Рустам, сможет отныне верить?

«Прощай, Зеби! Прощай, погребенная любовь моя! Все кончено! Кто умер и похоронен — весточки о себе уж не подает!..»

— Люди, я вам не верю! — вырвалось у него. — Больше не верю никому!

— 13 —

...Рустама в Бачкыре давно ждалась. Ведь уж вторая неделя, как не показывался... Эшмат-ата и Салима-хола совсем известились. «Братец только на одну Зеби смотрит, что ему до родичей! Но неужели она, Зеби, не может, наконец, сказать ему всю правду?! Не может решиться — или все-таки не хочет упускать?» — мучительно размышляла Сарвинисо. Разве справедливо это — превращать в игрушку человека, столь дорогого ее сердцу?!

— Сарви, — сказал наконец старый Эшмат-ата, — я бы сам отправился, да чую, сил не хватит. Хоть бы ты весточку принесла из Янгикургана.

Сарвинисо точно этого только и ждала: живо накинула паранджу — и в путь. Однако далеко не ушла. Едва калитку открыла, а на пороге — тетушка Наринисо.

— Совсем заплонили вы Рустамджана — с усмешкой встретил дочь Эшмат-ата. — Копечно, даровой работник... Где же он?

— А разве он не приходил? — забеспокоилась Наринисо. И тотчас рассказала о последних событиях в семействе. Значит, Рустам и здесь не появлялся... Всех в доме это повергло в глубокую тревогу.

— Напрасно вы все это затеяли, — сокрушался Эшмат, он беспокоился сильнее всех. — Что за нечистый дух отбил разум у Хайдарали?! Псалодное творите...

— И куда же это он подался, мой Алпамыш? — ударилась в слезы Салима-хола. — Да могла ли я даже помыслить о таком? Бедное дитя мое! Как бы он руки на себя не наложил!.. Ва-а-й, горе-то, горе!..

— Плохого не думай! — укорил ее Эшмат-ата. — А слезы побереги для радостного дня... Не из таких пустоголовых наш Рустам...

В тот день Наринисо осталась в доме родителей. Тетушка Салима посоветовала было мужу потолковать с Хайдарали. Однако Наринисо убедила стариков: Хайдарали ни за что не согласится отменить решение; и дело уже слажено, так что и надежды нет. Поутру простилась и пошла восвояси.

Совсем печально стало в доме старого Эшмата. Глянула Сарвинисо на деда с бабкой — сердце замерло. Оба точно пришибленные, кажется, и дышать-то смогут, только если появится Рустам... Нет, нельзя так.

— Придет обязательно братец Рустам! — убежденно заявила Сарви старикам. — Не поверю я, чтоб он бросил нас, в дальние края подался...

— Придет, конечно, — глядя на нее, и Эшмат принялся утешать жену — Вот увидишь.

— Да когда придет-то? — вздохнула старая Салима.

За весь долгий день даже крошки хлеба не пригубили, не растילהли дастархан. И вдруг, уже после полуночи, — стук в ворота. Открывать пошел сам старик. А Сарвинисо, следом Салима-хола, — будто ветер, за ним, к порогу.

— Пришел, сынок? — обнял его Эшмат-ата, к груди припал.

— Я в Коканд направляюсь, — глухо пробормотал Рустам. Парень явно опасался, чтобы женщины не услышали. Однако Сарвинисо уже живо зажгла светильник, и теперь все три пары глаз были устремлены на ночного гостя. Лицо поблекшее, глаза ввалились.

— Стосковались мы по тебе, — проговорил Эшмат-ата.

— Стосковались мы по тебе, — эхом отозвалась Салима-хола. — Свет очей наших, одна ты у нас опора!

— Соскучились по тебе... — невольно и у Сарвинисо вырвалось то, что скопилось на душе. Капли слез набухли на ресницах. И стыдно сделалось Рустаму: такое беспокойство всем причинил!.. Грешником почувствовал себя. Взгляд его скользнул по Сарвинисо. «Эх, Сарви, сиротинка бедная! — А уж любила тебя мама больше жизни, тетушка моя Хасиятхон... Не у одного меня беда, а я только о себе эти дни думал!..»

— Сарви, живо согрей поужинать, — велел Эшмат-ата. — Видишь, брат пришел издалека.

Но Сарвинисо вдруг разрыдалась. Ничего не могла с собой поделать, слезы так и посыпались из глаз. Что это с ней? Ведь пласивым характером никогда не отличалась. Все трое были поражены. Переглядывались, растерянно упрасивали девушку:

— Будет тебе!

— Перестань же!

— Сарви,— заговорил Рустам; в голосе прозвучали забота, ласка.— Ну, что ты, о чем?..

— Не тебе одной с матерью довелось разлучиться,— мягко прекнула Салима-хола.

Слезы внучки она объяснила только тем, что вспомнилась девушке покойная мать...

— 14 —

После того, как выпал первый снег, парни Бачкыра стали у себя в михманханах устраивать вечеринки — гап. Рустама, внука старого Эшмата, хоть и нелюдимым каким-то стал, решили не исключать из своего круга, пригласить пришли. Но Рустаму не хотелось даже разговаривать ни с кем в эти дни, слышать никого не было охоты. Искал себе дела, всю силу вкладывал в работу,— только в этом искал утешенья.

— Сынок,— попытался все же подействовать на него Эшматага. — Я-то уже перестал посещать гапы стариковские, не до веселья мне... А ты со сверстниками время проводи! Ведь хуже нет, когда от людей отрываешься. Что о тебе подумают, что скажут?

— А, пусть говорят, что хотят! — отмахнулся Рустам и снова умолк. Однако Эшмат принялся убеждать: на людях, мол, и развлечешься и отвлечешься.

Тетушка Салима приняла сторону Рустама.

— Ну, отправится он на этот гап, ну и что? Вы, мужчины, любите поболтать, позубоскалить. Заладили: гап, гап... Будто без гапа рога у вас вырастут.

Рустам невольно улыбнулся и почувствовал нежность к своим старикам. Одни они у него. Ведь только ради них он здесь и остался. А там, у себя в кишлаке, разве обрел бы он покой? Там, после свадьбы, каждый соболезнавал бы ему: дескать, что поделаешь, по одежке протягивай ножки, сирота, кто позволит тебе соединиться с избранницей? А здесь все же не так угнетает тоска...

— Сегодня видела я во сне тетю Шахринисо,— сообщила Сарвинисо однажды за завтраком. Нехорошо, конечно, выдумывать, но как иначе высказать наболевшее?..

— Бедная моя доченька,— вздохнула Салима-хола.— Что поведала душа ее горемычная?

— Говорила... дескать, не в меня пошел Рустамджап.

— Как так?! — не выдержал Рустам.

— Ой... даже и не знаю, как сказать... — Сарви засмузилась. — Ну, так и быть... Не по сердцу, говорит, мне, когда царень, мужчина, себя истязает: печалится, надежду потерял на все доброе. Уж так я подивилась ее речам! — Сарви замолкла, краснея за свою святую ложь.

А Рустам опустил голову, задумался. Вспомнил он, как ходил к матери на могилу.

Немного погодя Салима-хола собралась куда-то по делам. Рустам паскоро позавтракав, тоже решил одеться и выйти из дому. Сарвинисо сидела не шевелясь, глядя в одну точку. Рустам у порога натягивал сапоги, обернулся, посмотрел на девушку. И вдруг разглядел, будто впервые ее увидел, выражение смелости, так и светившееся в глазах Сарвинисо, и в то же время душевную мягкость, искренность, затаенную нежность. Рустам, сделав усилие, вызвал перед глазами облик Зеби и в нем попытался отыскать те же черты...

Как-то минувшею зимой он сгребал снег во дворе у дяди Хайдарали. Зеби, стоя возле дома, глядела на него. А снег все падал и падал, так что у Рустама даже минутки не оставалось перевести дух. И лишь об одном он думал тогда: пусть бы только Зеби всегда была вот так же рядом...

Вот ведь чудо: он и не вспоминает о ней, и не зовет ее молча, в мыслях, — а все, каждый свой шаг, любой предмет, что бы ни попало на глаза, неизменно связывает с ней, Зеби. Так и сейчас: он торопится выйти на улицу, словно Зеби там поджидает его. Вышел во двор, оглянулся на плоскую заснеженную кровлю дома. Снова перед глазами Зеби — смотрит с тихой улыбкой... «Нет, Зеби, не думаю я больше о тебе!» Рустам, твердо ступая, пошел к воротам, снег жалобно закрипел под сапогами. Плач его растоптанной любви... Как будто он нарочно, с болью в сердце, давит ее каблуками... Но его ли вина?..

Так и не дошел Рустам до ворот. Зачем идти куда-то без всякой цели? Он вернулся в дом, когда с ковра еще не собрали дастархан. Сарвинисо удивленно подняла голову. И тотчас лицо Рустама посветлело, как будто навеки простился он с наваждением — образом Зеби.

— 15 —

...Ну что ж, Зеби, сделалась ты невесткой, молодухой? Сделалась, да еще как! Что ни мадеишь — все тебе к лицу, в любом наряде будто огонек сверкаешь. Свекровь Джаннат-хола, мамаша

Каримберды, три раза на день менила наряды молодой невестки. Пусть люди посмотрят да позавидуют, какая доля той выпала! У Джаннат с той поры, как Умар, старший ее сын, унаследовал все добро покойного Хамракул-бая, одно на уме — себя пока-зать. А уж невестке, Зеби, нарядиться да украсить — только подай! Очень ей это по праву — одно надеть, другое сбросить, третье примерить... Едва услышит Зеби, что какая-нибудь из сверстниц собирается прийти поглядеть на нее, так весь день от зеркала не отходит, платье за платьем перебирает, украшение за украшением: какое в глаза сильнее бросается, так что смотреть больно?

— Вот это на тебе — ну прямо уголь раскаленный, так и пы-ласт! — восхитится Джаннат-хола, любясь невесткой в новом платье. — Кто бы ни пришел, пускай глядит! Да пусть попросят: мол, покажи другие свои наряды, кольца да браслеты... Ты и не стесняйся — пусть любят, пусть знают...

— Ладно... — лениво соглашается Зеби. И снова, в который уж раз, оглядывает свое богатство: браслеты, кольца, подвески, каких прежде и во сне-то не видывала, не больно может разли-чить; платья, камзолы, рубахи, еще одеянья, каких и называть-то правильно не умеет. Коробочки с украшениями, какие, на ее взгляд, подороже прочих, откладывает поближе, чтоб были под руками.

— Н-ну, могла ли ты хотя бы помыслить, что сделасьяся об-ладательницей всего этого? — горделиво улыбаясь, руки в боки, спросил ее Каримберды, однажды войдя к ней в тот момент, ког-да она вот так же перебирала коробочки: мол, не забывай, счастье твое, что взял я тебя замуж. — Верно, маменька твоя только рот разинула, когда увидала все это?

— А, милости просим! — завидев мужа, Зеби проворно вско-чила на ноги. Хвастливые слова его пропустила мимо ушей. Ста-ла расстилать по полу курпачи, одну на другую, с поклоном при-гласила садиться. Глубокие черные глаза ее сделались еще боль-ше, брови — гуще, чуть припухшие веки еще сильнее набухли, а ресницы стали длиннее. С вожделением глядел на нее Карим-берды. Всего полгода миновало после их свадебного тоя. И красо-та Зеби все ярче раскрывалась день ото дня. Каримберды таял перед ней прямо на глазах, и Зеби, чувствуя это, кокетством, игривыми взглядами все крепче прибирала его к рукам. И грудь у молодой жены стала заметнее, того и гляди не уместится под просторным домашним платьем... Застыдившись, Зеби при появ-лении мужа запахла ворот.

— Вон как ты распустилась, расцвела, — бормотал Каримберды. — В себя только и пришла, когда ко мне в руки попала...

— Что, что? — Зеби, удивленная, не понимала, куда он клонит.

— Говорю, красивой сделалась.

— Неужто прежде была дурнушкой? — возразила она нгриво. — Зачем же меня выбрали?

— Нарядить можно и палку, — с важностью уставившись на жену, назидательно проговорил Каримберды, всем своим видом намекая: дескать, твой первый долг — мне угождать, какая ты там ни раскрасавица.

— Золото — оно и среди грязи золото, — отрезала Зеби и тотчас спохватилась: муж, верно, обиделся. Хотелось ей слышать от него совсем другие слова, нежные, сладкие, да чтоб вдоволь, и чтобы глядел он на нее — не нагляделся... «Ты самая красивая, единственная, нет тебе равных! Люблю тебя! Только ради тебя и живу!..» А он... Хотя и видно, что ослеплен ее красотой, — ни за что этого не покажет. И глядит на нее совсем не с обожанием, а с жадностью... Чтобы подольститься к мужу, Зеби поддвинулась к нему вплотную, попыталась обнять.

— Гнев ваш — вон, на самом кончике носа сидит...

— Не по праву мне, — Каримберды, не глядя на нее, поднялся на ноги, — когда женщина своему супругу вот такие слова говорит... бесстыдные!

Ему и в самом деле не нравилось, что жена, разряженная, в драгоценностях, мнит себя равной ему. «Смотрите, как она себя холит да обхаживает — дочь женщины низкого рода, чьи уши во всю жизнь не ведали даже железных серег», — в сердцах думал он. «Даже красота моя — от вас, благодаря вам!» — вот каких признаний он ждал от жены. Но Зеби, видать, и в мыслях такого не допускала. И Каримберды, догадываясь об этом, теперь уже каялся: зачем твердил ей «люблю!», «как ты красива!». «В тайне нужно это держать от женщины», — запоздало сетовал он на себя.

— О чем вы задумались? — нарушила молчанье Зеби. Сердце ее тосковало по нежности, ждало ласковых взглядов, признаний в любви. Вся охваченная этим ощущением, она отважилась робко схватить мужа за руки. Однако у него это вызвало только раздражение.

— У тебя что, вовсе нет стыда?! — он отстранился. По правде говоря, и ему захотелось прижать ее к груди, но он подавил в себе этот порыв. Наоборот, решил дать ей почувствовать свой характер.

— В чем я провинилась! — Зеби все еще не теряла надежды вызвать мужа на душевный разговор: — Сядьте же вы, чего вдруг встали?

— Ты все равно, что назойливая муха, — вырвав руки из ее ладоней, Каримберды шагнул к двери, толчком распахнул. — Чего липнешь? — язвительно спросил он и переступил порог. — Раба неблагодарная! — уже из-за двери донесся голос Каримберды.

Зеби поникла, опустилась на курпачи, потом вскочила, вышла из комнаты, вернулась... Чтобы хоть чем-нибудь отвлечься, снова принялась рыться в драгоценностях. Но сейчас они уже не пылали таким огнем перед глазами, как полчаса назад. Она скинула платье, надела другое — из алого хан-атласа, уставилась на себя в зеркало.

— Не любить меня, кажется, нет у него резону... — шепотом рассуждала она. — Но почему, почему он все время раздражает-ся ни с того ни с сего?!

Этого Зеби никак не могла понять, сколько ни раздумывала. А между тем все любовалась на себя в зеркало, поворачивалась и так и этак. Наконец как будто начисто забыла все огорчения, даже заулыбалась.

«Женщина для послушания создана, — вспомнились Зеби материнские наставления. — Ведь вот муж не бьет меня, как другие... Благодарить следует аллаха и за это... Повиновение — долг женщины».

— Зеби! — голос свекрови прервал ее раздумья. — Ведь ты же огонь в очаге не развела...

— Сейчас, матушка! — Зеби со всех ног кинулась исправлять упущенное. Каримберды, разозленный, надутый, тем временем тоже вышел во двор, мать следом за ним. «Гляди, совсем слушаться тебя перестала!» — с таким выражением на лице Джаннат-хола кивнула сыну, указывая на невестку, что проворно управлялась с очагом. И Зеби, лишь мельком глянув на обоих, сразу поняла, что он о чем-то говорил со свекровью... Муж, тяжело ступая, удалился в ичкари. Уложив дрова в очаге, вздув как следует огонь, Зеби прошла за ним следом. Остановилась на пороге, с трудом переводя дыхание.

— Если можно, простите меня! — заговорила она, все еще надеясь смягчить его. — Так тяжело на сердце!..

— Ты на свою красоту не полагайся!

— Разве я про то говорю, что красива?

— Хоть и не говоришь, вижу, что на уме...

— В чем же моя вина? — у Зеби навернулись слезы.

Гаримберды, не сказав больше ни слова, поднялся и вышел, стукнула дверь. Невольно вспыхнула ненависть к нему. Сразу же одернула себя. Упаси бог! Ведь это муж! Муж, который закрутил ее в парчу, жемчугами осыпал!.. Но тут же почему-то вспомнился Рустам. Что если б Рустам узнал о ее теперешней жизни? Облик Рустама, внезапно как будто вспыхнувший в ее воображении, — его высокий, стройный стан, округлое лицо, глубокие черные глаза, всегда сверкающие, такие же, как у нее самой, его торопливая речь, громкий смех, — заставили ее вздрогнуть. Тревожно огляделась: будто она была здесь, в ичкари, наедине с Рустамом и опасалась, как бы кто вдруг не вошел.

— Нет! — воскликнула она, словно обращаясь к самому Рустаму. — Теперь вы для меня чужой. И оставьте меня в покое...

Ведь у нее муж, чья рука достанет куда угодно! «Он меня любит! — убеждала она себя. — Скоро придет и утешит... Останусь верной, преданною женой, пусть хоть меч у меня над головой сверкает!»

В ворота постучали. Зеби кинулась открывать, забросила гостя сетку чачвана за голову, прижалась к матери и, не в силах сдержаться, расплакалась навзрыд.

— 16 —

Крепко задумался старый Эшмат-ата, да и было от чего: супруга, тетушка Салима, день здорова, а три дня с курпачи не поднимается. Сам-то он не ведал другой заботы, кроме одной: пока он да старуха глаза навек не сомкнули, пристроить бы к месту Рустама и Сарвинисо. А к девушке сваты вереницей идут. У деда с бабкой с утра до вечера только и разговоров на эту излюбленную тему.

— Слышь, старая, — снова завел Эшмат-ата, когда жена подняла голову с подушки. — Хоть ты разузнай, что у внучки на сердце. Не тянуться бы ей до самого неба!

— Даже и не примечаю я для нее теперь никого, кроме Рустама, — старушка вразумляюще глянула на мужа. — Вы бы у него повыведали, что на душе, а не у нее.

— Что ни старее, то умнее делаешься, — усмехнулся Эшмат-ата. — Да ведь я давно говорю — они прямо созданы друг для друга!

— Тсс... пришла! — Салима-хела одними глазами показала на Сарвинисо — та от колодца принесла воду. Эшмат-ата — точно кто его покликал — носох в руки, тяжело поднялся, будто

с увесистым мешком на плечах, глянул на старуху: дескать, пусть дело заварится, — и сам к воротам.

— Дедушка! — окликнул его однако Рустам; парень заготовлял дрова, чтобы продать на базаре, он указал на внушительную груду чурбаков. — Смотрите, вышло на целую арбу. Как раз хант наступит, привезу вам с бабушкой на рубаху новые...

— А для Сарвинисо?

— И для нее тоже, — Рустам тронул на себе поясной платок. — Вчерашние денежки лежат, не шевелятся!

— Сваты вконец измучили, — Эшмат-ата увел разговор будто в другую сторону. — И что нам с девкой делать?

— Хорошо выходить замуж, если ровня отыщется, — не глядя на деда, проговорил Рустам. — Сверстницы-то ее давно уж ребятишек пячат...

— А твои сверстники? — поймал его на слове Эшмат-ата. Парень покраснел. Уж с каких пор он точно знал: разговора не мигновать; однако настал срок — и он растерялся. Что тут скажешь?

Не дождавшись ни звука в ответ, Эшмат-ата присел на одну из валявшихся на земле чурок покрупнее. Заговорил тихо:

— Мы тебя наперво хотим пристроить. Бабушкино здоровье — сам видишь, мое не лучше... Имеешь кого на примете, скажи. А нет — вот она, Сарвинисо.

— Сарвинисо?! — Хоть и по сердцу пришлись парню деловые слова, все-таки очень уж неожиданными они ему показались. Сарвинисо... Красивая, умница, не хуже Зеби. Но слова кого-то полюбить — не сможет он, нел... Сам несчастный — пусть, по несчастною сделать еще и Сарвинисо? Ни за что.

Однако Эшмат-ата заметил: услышав «Сарвинисо», парень умелк — вдохнул и выдохнуть не может. Старик счел это знаком согласия.

— Значит, так и сделаем, сынок, — он поднялся на ноги. — Узнает бабушка твоя — от радости головой до неба достанет.

— Дедушка... — в голосе Рустама зазвучала мольба. — Вы сказали — Сарвинисо?

— Ну да! Не глухой же ты.

— Нет! Не могу я дать согласия, — он понурился. — И не нужно, чтоб она узнала про этот разговор.

— Как так, почему? Ведь во всем Бачкыре не сыщешь девушки, равной Сарвинисо, двоюродной сестренке твоей, хоть по уму, хоть по красоте, хоть по трудолюбию...

— Сваты почти все идут от байских сыновей! — подхватил Рустам с болью. — Вот давайте и говоримся с одним. Пусть солнце согреет плечи Сарвинисо... Достояна она счастья!

— Поди-ка ты, сынок, текучей воде слова такие скажи! — по-няв, что на сердце у парня, Эшмат-ата и сам разволновался. Неожиданно для себя самого выпалил: — Мы уже всем сватам прямо так и заявляем: сами сосватали, мол, нашу Сарвинисо за Рустама!

«Что вы, зачем так спешить?!» — хотел было он воскликнуть, по осекся. Неслышно подошла Сарвинисо; пока он укладывал чурки потяжелее, она молча принялась сгребать мелочь. И словно полная луна взошла над головой Рустама. Краем глаза он поглядывает на девушку. Торопливо сгребая щепки, она склонилась к самой земле, и от этого длинные ресницы совсем скрыли ее глаза. Но вот она почувствовала его взгляд — встретились глаза двоюродных брата и сестры... В одно мгновение будто ослепили друг друга, огнем обменялись. Девушка отвела взор, тяжело вздохнула.

— Сарвинисо... — начал Рустам и осекся. Как сказать ей то, в чем самому себе еще ни разу не признавался?..

— Вы что-то хотели сказать? — охалка щепок, которую Сарвинисо прижимала к груди, внезапно выскользнула у нее из рук, и она спова нагнулась, чтобы подобрать.

Убежать бы... Уж сколько ночей она не спала, все думала о нем. Вела с ним бесконечные, такие сладостные беседы... И это все одна лишь мечта!.. Но сейчас она, Сарвинисо, и Рустам встретились лицом к лицу. Что же скажет он?..

— Сарвинисо, — глухо повторил он. — Что говорила бабушка?

— А что она должна была говорить? — робко спросила девушка, и в ее взгляде в этот момент светилось столько нежности, ласки; в то же время отваги, веры!..

Не подозревая, что больно затрагивает самые нежные струны в душе сестры, Рустам почему-то говорил прямо противоположное тому, что было сейчас у него на сердце.

— Сарвинисо, — повторил он громче и настойчивей. — Я не желаю тебе зла. Ты красивее Зеби, умней ее. И пускай жизнь у тебя будет такой же счастливой.

— Я вовсе не завидую тому, как живет сестрица Зеби! — ее неожиданные гордые слова точно прожгли Рустама.

Сарвинисо подхватила щепки и со всех ног бросилась в ич-кари.

Очнулся Рустам, огляделся... Нет ее! Скорее в дом, сказать ей, Сарвинисо, что она — твое солнце, которое на свет тебя выводит!.. Нет, невозможно! Она просто пожалеть его, одинокого, решила. Но он не допустит этого. Ведь только нищие просят о милосердии.

Рустам схватился за грудь, точно искал лезвие, которое серд-

це ему пропзило... Вот сейчас нащупает и выдернет, отбросит прочь! Но никак не мог найти это безжалостное лезвие.

— Схожу в Янгикурган, — отрывисто бросил он, только заглянув в дом и сразу же выйдя в прихожую. — Скоро возвращусь...

Все трое — дед, бабушка, Сарвинисо — лишь молча переглянулись. Ни один не решился спросить: зачем?

— Пойду-ка и я за ним следом, — робко попросила Сарвинисо. — Как бы не постучался он к сестрице Зеби... Беды тогда не миновать.

— Верно, доченька, ступай! — в один голос принялись ее потирапливать старик и старуха, поверив, что опасения ее основательны: — Уж тебя-то он послушается.

«Бедный, бедный Рустам, — тревожно думала Сарви, кутаясь в паранджу от свирепого дорожного ветра. — Сбило его с толку несчастье, совсем в отчаянье повергло. Нельзя допускать, чтоб вовсе он не верил людям после предательства Зеби. Не обо мне речь, о нем... Только бы совсем головы не потерял, убьють ведь его, собаками затравят!..

Когда Сарвинисо вошла в кишлак, вдалеке показался силуэт Рустама. То ускоряя, то замедляя шаг, она шла, стараясь не терять его из виду. К дому тетки Рустам не свернул. И мимо ворот Зеби проскользнул поскорее! Свой дом тоже оставил позади. Вот уже и окраина. Сарвинисо шла и шла за ним следом. Вот Рустам вошел за ограду кладбища. Девушка тоже остановилась, огляделась. Не видать...

Рустам шагал напрямик, с хрустом ломая кусты сухого янтака; он и не слышал, что Сарвинисо уже идет почти рядом... Вот он остановился над могилою матери, склонил голову... Затаяв дыхание, Сарвинисо неотрывно следила за ним.

— Мамочка, вот и опять я пришел... — прошептал Рустам.

— Рустамджан!

Вздвогнув, он медленно обернулся. Сарвинисо плакала, спрятав лицо в ладонях. Как будто теплый луч солнца коснулся груди Рустама. Это она, Сарвинисо.

— Сарвинисо! — голос его окреп. В нем уже не слышалось ни растерянности, ни скорби. Словно благословил его материнский прах.

Девушка подняла голову, одними глазами спросила: «Что?» Капли слез блестели у нее на ресницах.

— Прости меня! — проговорил он, не отрывая от нее взгляда.

— Идемте, — тихо позвала она. — Поклонимся тетушке и пойдем отсюда.

И пошла первой. Рустам двинулся следом.

Разгар лета. Накаленные солнечные лучи, что называется, до самых погребов достают. Огненные цепи солнца затягивают шен людские — и кажется, земля и небо расплываются в знойном мареве. С утра еще подувает слабый, едва заметный ветерок, но и он не в силах устоять перед жарой — к полудню совсем скрывается куда-то. На деревьях ни один листок не шелохнется, не прощелестит. И так же, как эти листья, молчаливы, придавлены люди, которые в этот час неторопливо возвращаются из Бувайды с базара.

— Вот тебе, значит, и «вышла замуж»! — словно про себя прогудел один из идущих с базара, нарушив общее безмолвие. — Какому полоумному взбрело в голову этакое дело?! Чтсб его дому сгореть!

— Последние настают времена, светопреставление близится! — с тяжким вздохом вступил в разговор другой. — Такие дела — в семи снах не померещится.. Похоже, от этого еще и на головы потомков наших беды посыплются.

— Э, поглядим еще, как оно там выйдет! — возразил третий.

Рустам брел вместе со всеми, повесив голову, глядя в землю. «Неужели верно? — стучало в сознании. — Дома ничего не стану говорить, пока не определится, так или не так...» Что станется с дедом, бабушкой, Сарвинисо без него, Рустама? Сказать им обо всем — не выдержат... Но и не говорить — тоже нет никакой возможности. Все равно ведь и без него узнают. Что же делать?

— Ну, о чем толкуют на миру? — встретил его вопросом Эшмат-ата. Старик хворал — не было сил переступить порог, выйти в прихожую.

— Толкуют разное... — Рустам сдерживался, чтобы не высказать все открыто. — Слухов не счесть, не упомянуть...

— Все ли спокойно? — Эшмат-ата заметил, что парень не в духе, заволновался. — Ты не приболел ли?

— Не приболел, да только глаза бы ни на что не глядели.... В смятенье народ! — не в силах дольше сдержать себя, Рустам заговорил с болью и злобой: — Указ вышел от ак-падшаха!

— Какой указ?

— Парней и мужчин отправлять далеко в страну урусов, лес пилить и на всякую черную работу, — понемногу Рустам пересказал все, что услышал на базаре и по дороге к дому.

— Ох, наказание тяжкое! — Эшмат-ата опустил на пол у самой стены, глаза возвел кверху. Салима-хола так и замерла, сердце будто остановилось.

...Всю ночь, до самого рассвета старики о чем-то шептались. Сарвинисо, хоть ничего не знала, тоже не сомкнула глаз ни на мгновение. Она слышала, как Рустам улегся снаружи на айване, все вставал и бродил по двору как душа неприкаянная. Что-то произойдет наутро?

А наутро юзбаши обошел один за одним все дворы в махалле и всюду растолковывал царский указ о призыве мужчин на черную работу для войны, которая длилась уже целых два года.

— Мы вам вот что хотим поведать, — глухо кашляя, заговорил Эшмат-ата сразу после того, как юзбаши изложил суть дела. — Вам ведомо, что за жите у нас. Если б здоровье у меня, как прошлый год, тогда, конечно, другое бы дело...

Рустам стоял тут же, задумчиво понурясь, не вмешиваясь в разговор старших. Тетушка Салима, несмотря на зной, зябко куталась в белый кисейный платок, не сводя глаз с юзбаши. А тот, выслушав хозяина, нимало не смутился, однако и говорить дальше не спешил. В комнате воцарилась тишина: муха пролетит — слышно.

— Воля ак-падишаха — закон! — приосанясь, проговорил наконец юзбаши. — Конечно, кому охота дитя родное от себя да от дома отрывать? Однако воля ак-падишаха — закон! — нелепо повторил он.

— Да ведь не у всех так же, как у нас, — осмелел от отчаянья Эшмат-ата. — Вы сами видите: я лишь подобие человека... От кого нам ждать подмоги? Одна опора у меня — Рустамджан. Он кормилец.

— Ну, а я что могу поделаться? — как будто смягчился юзбаши. — Попробуйте принасть к стопам его светлости мингбаши...

Пока еще никому не было прямо сказано: дескать, тебя забирают на работы, однако каждый в душе тревожился. Миновало четыре дня — и вот всех мужчины махалли созвали в мечеть. Слово имама, за ним юзбаши было кратким. Сразу же был прочтен поименный список тех, кого забирали, и тут-то началось... С гневными воплями проталкивались мужчины на улицу. А здесь, в ожидании, чем кончится дело, собрались женщины, старики, ребяташки. Такой крик поднялся, что весь кишлак в минуту оказался на ногах.

— Поймите, люди, — пытался урезонить народ юзбаши, выставляя себя сочувствующим общему горю, — для ак-падишаха ведь нету разницы, бедняк ты или бай... Всем идти — так сказано!

Эшмат-ата, который приплелся к мечети загодя, раньше многих, невзирая на то, что Рустам уговаривал его не ходить, теперь зорко примечал все вокруг, внимательно слушал. Его озадачил список имен, который зачитал юзбаши. Оказалось, в этот список

попали и сыновья баев, в том числе совсем уж престарелых, а также казиев, торговцев. «Неужели, — рассуждал про себя Эшмат-ата, — так они и станут сидеть сложа руки, глядя, как угоняют сыновей?! Нет, надо подождать, аркан подальше закинуть...» Возвратившись домой, старик не отходил от ворот — сидел, ждал, что нового расскажут прохожие. Скоро стало ясно: каждый, кого назначили на тыловые работы, ищет средства избавиться; все бегут туда, где можно найти защиту. Тогда и Эшмат не пожалел усилий — уговорил-таки Рустама не сидеть сложа руки. Оба немедленно собрались и направились в кишлак Биби-Хувайдо — подать прошение самому мингбаши. Рустам усадил деда верхом, ведя ишака в поводу.

У канцелярии мингбаши — народу видимо-невидимо. Если каждого выслушать, понадобится год и еще двенадцать месяцев в придачу. В гущу толпы и не протолкнуться. Издали они видели: у входа размахивает руками, что-то говоря людям, невысокий толстяк, рябой, с воровато бегающими глазками.

— Таджи, он миршабом служит у мингбаши Мамаджана, — пояснил внуку Эшмат-ата. — Неужто самого нету?

— Его светлость мингбаши изволит выйти сию минуту! — громко возвестил миршаб и сразу сорвался на крик: — Да успокойтесь же вы, не папирайте!

Дверь приемной отворилась, и на суду возле самого порога поднялся дородный человек — козлиная бородка обрамляет багровое, упитанное лицо с внушительным носом, и сам он похож на нетуха, досыта накормленного добротным зерном. В толпе притихли, сдержанно заговорили:

— Сам мингбаши...

— Что-то он возвестит?

— Мусульмане, — с хрипом раздраженно заговорил управитель. — Тысячу раз мы вам толковали: так решил сам ак-падишах! И люди, означенные в списке, послезавтра должны отправиться. А если кто вздумает перечить... смуту заводить — того в Сибирь, на каторгу!

— Ведь нету, нету теперь в списке-то сыновей Матхалик-бая да еще Камала-мясника. А сначала были. Оба из нашего кишлака... Это как же? — тотчас подступил к мингбаши сгорбленный старик, сморщенный, редкобородый: он тянул за поясной платок высокого, тонкого в талии круглолицего парня. — Если нету ихних сыновей, то и от других нечего требовать!

Рустам признал этого старика: был он из Аккурмана, доводился каким-то родичем покойному мужу Шахринисо. Однажды приходил навещать родственника, с ним вместе сын Ярмат, вот этот

круглолицый стройный парень. Тогда они познакомились и даже сдружились после, встречаясь по базарным дням.

— Один-единственный у меня сын! — продолжал надрывая кричать старик. — Вы сами, что ли, поможете семейству моему?! Не-ет, вы с баев начните, вот тогда мы поверим, что беда — на всех равна!

— Почтенные люди тоже не в стороне, — степенно ответил мингбаши. — Дети байские отправляются еще и прежде прочих.

— Ложь! — тотчас прозвучал смелый выкрик.

— Вот бог у меня над головой! — мингбаши возвел глаза к небу, подвиг руки. — Хотя бы всеми уважаемый Умар-бай из Янгикургана... Еще вчера отправил Каримберды, единственного младшего брата своего! Тяжкая беда обрушилась на ак-падишаха — господина нашего, и разве достойно при этом не сказать: возьмите последнее! Ведь наши баи ныне всем жертвуют ради ак-падишаха.

— Еще бы, — язвительно вставил все тот же старичок из Аккургана. — Богатеи наши с ак-падишахом заодно. Как говорится, у себя из-за пазухи берут — себе в голенище суют...

Толпа заволновалась, загудела угрожающе. Послышались выкрики:

— Что, ак-падишах нам в каше похлебку молоком забелит?

— Все до нитки отняли, теперь сыновей отнимаете?!

— Хватайте этого бесчестного! Вот этого! — в ярости заревел мингбаши, показывая на аккурганца; щеки у него еще сильней побагровели, жилы на висках вздулись. — Сам господин пристав спросит с вас, со смутьянов, с тех, кто камни мечет в ак-падишаха! — Он резко повернулся, шагнул к двери: дескать, больше не о чем толковать.

Таджи-миршаб, расталкивая людей, устремился было туда, где стояли Ярмат с отцом. Но его, словно невзначай, так толкали и тискали плечами, что он, видать, испугался: как бы не затерли насмерть... Бросился назад, взобрался на супу, заверещал:

— Разойдетесь немедленно, или солдат позвать?!

Нехотя, по-одному, по-двое, люди стали разбредаться, — кто с проклятиями, кто в мрачном молчании. Эшмат с Рустамом тоже тронулись в обратный путь. Пока в вечерних сумерках брели до дому, язык не поворачивался слово произнести. Упорно размышлял старый Эшмат: неужто и вправду байские сыновья первыми отправились в путь по указу ак-падишаха?

— Ну, что там? — всполошилась тетушка Салима, увидев, что дед и внук возвратились молчаливые, подавленные. Саринисо тоже прислушалась, стараясь унять тревожный стук сердца.

— Вот, дедушка расскажет, — нехотя бросил Рустам.

— Уехал муж нашей Зеби... — это все, что нашелся ответить Эшмат-ата сузруге и внучке.

— Уехал так уехал, но мне хоть бы и в потусторонний мир отправился! — еще сильнее заволновалась Салима-хола. — С Рустамом что будет, с Рустамом?

— Похоже, нет никакого средства... — дрожащим голосом проговорил Эшмат-ата. — Разве ж мы одни? Всем приходится одинаково...

...На другой день с утра Салима-хола велела внучке открыть заветный сундук, набрать в деревянное блюдо полмешочка отборного неочищенного рису — такого, что каждое зернышко в дупле зуба уместится. Сарвинисо набрала рису и отправилась к соседям — в ступе потолочь, чтобы шелуха отстала. А Эшмат-ата поручил Рустаму на вечер пригласить в гости имама, суффи, а также двух ближайших соседей.

— Зачем они понадобились? — осторожно спросил Рустам, не торопясь выполнять поручение. Про себя подумал: «Видно, дед посоветоваться с ними насчет меня хочет». Однако ответ деду был неожиданным.

— Сынок, — пояснил Эшмат-ата, — мы желаем, чтобы молитву прочли... на обручении ваше — твое и Сарвинисо.

«А она-то сама что скажет?» — чуть было не сорвалось у парня с языка. Но он промолчал. «Неладно это, обручать Сарвинисо без ее согласия, будто по рукам-ногам связывать, — промелькнуло у него в сознании. — Не стать бы мне виновником ее несчастья...» Свои опасения он так и не решился высказать вслух. Что поделалась? Пусть это свершится с ним и с нею — его Сарвинисо!..

Эшмат-ата ожидающе молчал, видно, не имея намеренья повторять сказанное. И Рустам пошел, куда послали.

...Молитву прочли невнятной скороговоркой — точно в рукав халата. Проводив гостей, все четверо за опустевшим дастарханом беседовали допоздна — так, словно ничего особенного не произошло. Эшмат и тетушка Салима принялись было уговаривать Рустама, чтобы он провел эту ночь в доме, вместе со всеми. Но он не захотел и отправился к себе в кладовую, тая намерение поговорить с Сарвинисо наедине. Долго расхаживал он по двору из конца в конец, покашливая, чтобы дать знать о себе. Сарвинисо, обо всем догадавшись, места себе не находила. Стыд не пускал ее выйти из дому.

Рустам, потеряв терпение, тихонько окликнул с порога:

— Сарвинисо!

Тишина! Только слышать, как тяжело дышат во сне старики.

Затаив дыхание, Сарвинисо прошмыгнула к двери, вышла на порог... Будто свет засиял, прогоняя ночную темень!

— Рустам-ака... — в ее голосе прозвучали разом и счастье, и мука.

— Я хочу тебе сказать, Сарвинисо!.. — Осмелев, Рустам осторожно взял ее руку. Так, рядышком, держась за руки, сели на край помоста у стены кладовой. Локоть к локтю... Как сладостно обним, каким покоем дышит ночь!

— Рустам-ака! — не отнимая рук, девушка повернулась к нему. — Нам нужно быть стойкими.

— Нужно быть стойкими, — как эхо, повторил он.

— Всевышний, — снова заговорила Сарвинисо, устремив на Рустама взгляд, полный нежности, — видно, хочет испытать волю, терпение, которыми он нас наделил.

— Я готов!

— Я тоже, — отозвалась она. — Буду ждать вас!

— Где бы я ни оказался, — как клятву произнес Рустам, сжимая ее запястья, — любые преграды сумею разметать, но приду — на крыльях прилечу!

— Вы обязательно вернетесь, Рустам-ака, — высвободив ладонь, Сарвинисо робко погладила его руки. Поддавшись воле нежности, захлестнувшей его, Рустам взял ее тяжелые косы, поднес к лицу, вдыхая их слабый аромат... Казалось, в эти мгновения перешептываются их сердца... Сарвинисо готова была заплакать.

— Вы — солнце мое... — вырвалось у нее заветное, затаенное. — Пришли, сверкнули — яркими лучами заполнили темницу сердца... Буду вас ждать!

...Не утихало биение двух сердец, не иссякали слова признаний. Оба совсем забыли, что уже наутро им разлучаться.

— 18 —

Умар-бай и в самом деле поспешил отправить младшего брата своего Каримберды. Но только в Коканд — счел за лучшее сплавить подальше от людских глаз да пересудов. И Каримберды принялся разъезжать из дому на старую отцовскую дачу под Кокандом и обратно. Приезжал домой и назад отправлялся всегда затемно. Да и баловал жену посещениями не часто. «Если буду с ней проводить поменьше времени, — рассуждал он, — сердце ее вернее заставлю смириться». Каких-либо перемен к худшему в жене он не замечал. Даже наоборот: пополнила она, похорошела, румянец заиграл на щеках. У Каримберды мелькнула догадка...

— Ну-ка, подойди, сядь вот сюда, — позвал он жену.

Зеби, словно птичка, скользнула, ковра едва касаясь, и по-

слушно уселась бок о бок с мужем. Обычно Каримберды был очень скуп на разговоры с женой; тем более теперь он и не думал рассказывать, с какой целью скрывается от людей. А Зеби и не спрашивала, почему да отчего. Приходит муж, она: «Добро пожаловать!»; оставляет ее: «Уже уходите?» — и больше ни слова. Каримберды вполне устраивало подобное обхождение супруги. Но сейчас, наконец, он внимательно оглядел фигуру Зеби, очень уютно пристроившейся возле него. Без труда можно было заметить: лицо ее, шея, стан,—даже пальцы пополнели, налились... И как он раньше не взглядел?..

— Привольно тебе, видать, живется, а? — огорошил он жену вопросом.— Сама — хан, тень твоя — майдан... Гляди, как растолстела.

— Ох, не от приволья это... Хочу сообщить вам кое-что. Да только стесняюсь...

— Что же? — вскинулся Каримберды.

— А сперва суюнчи пожалуйте!

И она, пряча лицо в ладонях, поведала: у них будет первенец. Потом глянула ему в глаза жалобно, просяще: ну, хоть теперь-то, мол, смягчилось ваше сердце?

— Вот оно что! — Каримберды хотя и ощутил радость, но только слегка осклабилась.

На лице у Зеби заиграла улыбка, какой давно уже не видели на нем.

— Совсем скоро отцом сделаетесь. Если сын родится, дадим имя Бахрам,— зардевшись проговорила она.— Как у шаха Бахрам-Гура в сказках. Ладно?

— Родишь, тогда и поговорим,— хмуро отозвался Каримберды.— А пока о чем речь? Может, еще девчонка будет...

...Ушел муж. А горечь от слов его недобрых осталась. Словно саблей с отравленным лезвием полоснули они по сердцу молодую женщину. Перед взором у нее точно живая встала несчастная Хасиятхон, ее тетка, от родов умершая. Да и не в боязни родов дело. Разве она, Зеби, не живет, не смея глаз раскрыть? До сего дня Зеби и не задумывалась над тем, что ведь она стояла перед выбором, два пути перед ней открывались... Вот теперь муж пеласковый заставил вспомнить, задуматься. Даже мать и отца — хоть и в одном кишлаке живут — не видала уже сколько. Стесняются они прийти дочку проведать, редко посещениями балуют. Что поделаешь, байский дом... Самой Зеби выйти со двора — гоже непозволительная роскошь. Что еще скажет свекровь, допустит ли подобное?..

— Сходить бы мне дом родной проведать,— решила она наконец, робко тронув за рукав Джаиннат.

— Скажите об этом хозяину дома, — наставительно произнесла свекровь. И добавила: — Что-то ты с ним не уживаешься... И вообще твой дом здесь.

Видно было: свекровь вмешиваться в это дело не хочет, предоставляет невестке поступать по своему усмотрению, — а там пусть сама и ответ держит. Зеби собралась и пошла. Сама не помнит, как достигла милого дома, где появилась на свет и выросла.

Наринисо как раз собиралась отправиться в Бачкыр, к престарелым родителям.

— Вот, хорошо, что пришла! — обрадовалась мать. — Вместе и навестим. А то дед и бабка, с тех пор как Рустама забрали, в себя прийти не могут. И отец сейчас у них...

— Завтра или послезавтра схожу, — вздохнула Зеби. Не приведи бог, муж прослышит, что она в Бачкыр наведывалась... Но матери про это не скажешь. — Пожалуй, вместе с зятем вашим я наведаюсь туда, — поспешно добавила Зеби, чтобы мать не усомнилась, будет ли исполнена ее просьба. — А пока вернетесь, я здесь побуду...

Не с легким сердцем Наринисо пустилась в дорогу. Хотелось ей сказать дочери: мол, если твой муженек в Бачкыр поедет, жди чуда — красный снег выпадет... Но решила смолчать, не огорчать дочку: и без того, видно, несладко ей, неладно на душе.

...Сколько прелести, милой простоты здесь, в этом скромном дворике ее родного дома! Все — и покосившийся айван, и старые скрипучие ворота, и виноградные лозы, что обвились вокруг трех тутовых деревьев перед самым домом, даже прокопченный очаг, — все сегодня кажется Зеби чарующе прекрасным, будто в сказке. Вот она подошла к топчану — столько раз братец Рустам сидел на нем, устав после тяжелой работы... Прилегла здесь и она. Так много дней дожидалась минуты, чтобы выплакаться досыта. Ведь там лишена даже этого!.. Вот, наконец, она одна. Теперь можно поплакать от души.

«О если б вернулось то, что было год назад! — со щемящей болью в сердце оживляла она в памяти те счастливые мгновения. — Уж я бы знала, как мне поступить... Горе! Не вернется, что миновало!..»

Перед ее взором вставал Рустам. Весь будто в огне. Твердит одно: «Разве помолвка важнее любви?.. Значит, ты сама согласна?!» То вдруг являлся Каримберды, со словами: «Можно даже щепку нарядить... На муху назойливую ты похожа! Раба неблагодарная!..» А Рустам, как говорится, ни земле, ни небу не доверял ее, жизни ради нее не пощадил бы... Взглядом своим ласковым будто уверял: «Только для тебя одной живу, Зеби!..» Уж он-то

смог бы доказать это на деле. Слова перед ней Каримберды: вечно руки в боки, на нее едва поглядывает, разве что с презрением...

«Рустам-ака,— шепчет она,— вы считаете меня счастливой. А я... А ведь я, грешница, вас все-таки люблю!..»

«Не верьте! — тут же обрывает она себя.— Не верьте, Рустам-ака! Я — невестка в самом «счастливом» семействе кишлака. У меня столько нарядов и побрякушек, что даже думать про вас — у меня и времени-то нет!..»

Эти последние слова уже не в сердце прозвучали — вырвались из уст. И заставили ее саму содрогнуться. Внутри у нее то все воспламенялось, то мгновенно словно покрывалось коркой льда. Первое — когда давала волю своей тоске по Рустаму. А второе — когда звучал холодный голос рассудка: «Раскрой глаза! Ведь ты мужняя жена!.. Если тайные мысли твои станут явными — тебя камнями побьют, как обычай велит с неверными женами поступать. Что тут поделаешь? Опозоришь только себя и Рустама заодно... Ты — жена байского сына, так неужто ты не благодарна судьбе?»

Но чем упорнее она старалась думать совсем о другом, тем он, Рустам, придвигался все ближе... Мерещились его глаза, вздрагивающие на нее с неизменной лаской, его стройный стан, даже легкое царапинки, что временами появлялись у него на лбу после работ в саду... Звучал в ушах его мужественный сдержанный голос...

«Сейчас я в родительском доме,— пыталась обмануть себя Зеби.— Здесь только и вспоминаю Рустама. А когда возвращаюсь к себе, то даже на порог своей памяти его не допускаю...»

Как во сне, она поднялась, прошла в дом, огляделась по углам, заглянула в ниши. Не осталось ли чего-нибудь после Рустама? Пошарила в старой одежде — и отыскала ветхую рубаху из алачи. Эту рубаху она когда-то сама скроила и сшила для Рустама! Почему же он оставил ее здесь? Чтобы не напоминала о вероломстве Зеби?.. Чьими руками сшиты рубахи, которые он носит так же бережливо сейчас? Может быть, руками Сарвинисо? «Что ж, если так, Рустам должен быть твоим, а ты — ему принадлежать,— мысленно обращалась Зеби к двоюродной сестре.— Я для него чужая. Люби его, береги его, Сарвинисо!..» И все же как больно!

Не в силах сдержать порыва, Зеби крепко прижала старую рубаху к груди. Слабый запах источает материя, такой памятный... Вдруг Зеби ощутила, как что-то шевельнулось у нее под сердцем. Положила ладонь под грудь. Ручьем побежали слезы. Конечно, хватит бесплодно терзаться. Она отбросила рубаху. «Только одно имя — Каримберды,— должна я повторять. Ведь он же отец твой!»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

— 1 —

Странное, дотоле неведомое чувство охватило Рустама, едва впереди забрезжили дома и деревья Бачкыра. Глаза словно шире распахнулись, огонь в них засветился, и внезапно исчезла, развеялась темная пелена, что окутывала его на протяжении долгого странствия. Теперь все вокруг — и пыльные кривые улочки, и деревья тутовника с подрезанными ветками, и кусты тамариска вдоль дороги, и неподвижный аист на макушке тополя, что величаво озирается в своем гнезде подобно сторожу у амбара, — весь родной кишлак точно встречает его словами приветия: «Долгожданный, родной, добро пожаловать!..»

В мыслях — дед, бабушка; а сердце — тук, тук, вторит шагам... Уж старики, наверное, ждут не дождутся! И глаза, верно, выцвели, втука поджидая... Ох, да еще как знать — живы, здоровы ли? Мудрый непоседа дед, ласковая, добрая бабушка — уж теперь, видно, вконец сторбились, к земле клонятся. Каково-то им было прокормиться без его молодых крепких рук. А может... Когти горестной догадки терзают душу. Нет, нет! Быть того не может! Рустам даже руку вскинул, отмахиваясь от нахлынувшей откуда-то тоски, снова заставшей солнце.

Сарвинисо, моя Сарвинисо! А ты что делаешь в эти минуты?

— Сарвинисо! — это имя Рустам неожиданно для самого себя произносит вслух. — Сарвиджан, солнце мое негасимое!

Вдруг слезы на глаза навернулись. И что это с ним — в один и тот же миг то радость охватывает, то горестно. Не покидало странное ощущение: чем ближе он к цели, тем далее она отступает... Что за притча? Ведь он такой парень — как в народе говорится, брось его оземь, к небу подпрыгнет. Все тяготы тыловых работ вынес, разлуку стерпел, а вот теперь словно меж двух огней...

Легко ли было целых пятнадцать месяцев провести в изгнание, без единой весточки о родном кишлаке? Ведь вон в какую даль, его забросило, словно злым волшебством, еле обратно добрался. Да и уходил-то как?

...Та памятная ночь, когда Рустам и Сарвинисо впервые открыли друг другу сердца, будто нарочно раньше срока скинула и свернула черную завесу тьмы. А еще раньше первых лучей солнца на кишлачные улицы выплеснулись крики, плач, горестные стенанья. Все, что произошло в тот день, чередой проходило теперь перед глазами Рустама...

— Чье имя в списке указано, пусть собираются к Биби-Хувайдо! — орал юзбаша, переходя от дома к дому, колотя в калитки. — Ну-ка, поторопитесь! А то как бы миршаб не наведался, ну взял на заметку!

Возле мечети тем временем собралось всего несколько человек, бобыли, о которых и поплакать-то было некому. А из тех домов, что обошел юзбаша, доносились глухие голоса мужчин, крик, плач женщин и ребятишек, однако никто не выходил.

— Ну, видно, придется миршабу с вами потолковать! — сквозь зубы бросил юзбаша. У мечети отвязал коня, вскочил в седло. Жестом велел нескольким вовсе обездоленным: пошли вперед! И погнал их к Биби-Хувайдо.

— Да-а, с ак-падишахом шутки плохи, — вздыхал Эшмат-ата, пока женщины собирали в дорогу Рустаму нехитрую одежку и кое-какую спедь. — Но ты, сынок, о нас не тревожься. Был бы ты здоров, а уж мы как-нибудь... — Бодрится дед, а у самого в глазах слезы.

— Соколенок мой! — заплакала старая Салима, затрясаясь всем сохшимся телом. Показалась она Рустаму в ту минуту несчастною горлицкой: холодно, голодно, а она зернышка не сыщет и бьется, бедняжка, о стреху кровли, спасенья ищет...

— Сарвинисо, крепись, — изо всех сил стараясь не выказать душевную боль, наставлял Рустам невесту, растерянную, будто перед ней сон, а не явь. — Береги стариков дорогих наших — одна ты у них остаешься.

— Только бы вы... — девушка пыталась что-то сказать, но слезы комом застряли в гортани. Молча побрела к ичкари. Рустам, стесняясь деда и бабушки, не решился пройти за ней следом. Спустя мгновение Сарвинисо вышла сама.

— Большие не стану плакать, — девушка вытерла покрасневшие глаза концом головного платка, выпрямила спину. Глаза ее засверкали.

Вдруг с улицы донеслись выстрелы, тотчас за ними — топот всадников. Эшмат-ата глянул на Рустама: дескать, видишь, разве я не говорил?

...Парни из Бачкыра в полдень прибыли к Биби-Хувайдо под конвоем миршабов. Народу сюда нагнали, как говорится, не только на земле, на небе не поместятся. Кишлак напоминал двор, где справляют поминки. Мало того — что-то здесь накануне произошло. Канцелярия мингбаша — в плотном кольце многотысячной толпы. Расталкивая понурых людей, снуют туда-сюда вооруженные миршабы. Стараясь, чтоб они не услышали, в толпе угрюмо перешептываются:

— Сбежал-таки мингбаша!

— Удалось, значит, плуту?!

— Из-за него горя сколько. Сосед вот в беду попал.

— А что с ним?

— Да не с ним. Сына затоптали в свалке... богу душу отдал. Еще и двое местных миршабов на тот свет отправились... А вот эти, что из города, стрелять начали. А то не ушел бы кровосос-волостной.

От этих разговоров мороз по коже. У стены заметил нескольких мужчин, связанных веревками, с цепями на руках. Да и то стражники глаз с них не спускали. Рустам опасливо спросил у стоящего рядом:

— За что это их... повязали?

— Обвиняются в убийстве.

Рустам оглядел арестованных одного за другим, словно запомнить хотел. И внезапно среди них увидел высокого парня, тонкого в талии; парень что-то взволнованно говорил товарищам по несчастью.

— Ярмат! — не выдержал Рустам; но тотчас послышался грозный окрик и миршаб направил в его сторону револьвер. Рустам невольно попятился, хотя, конечно, в такой толпе его было не разглядеть. А Ярмат озирался в беспомощном изумлении, никак не мог понять, кто это позвал...

Все это вставало теперь в памяти у Рустама, и его сердце чем ближе подходил он к кишлаку, тем сильнее колебалось между страхом и надеждой, точно шест в руках у канатоходца. Скорей покончить с неизвестностью!..

Он прибавил шаг. На первый взгляд казалось: в кишлаке никаких перемен. Те же дувалы, пыльные тутовники, только домишки бедняков, казалось, обветшали еще больше. Да, кишлак, все тот же... Час совсем ранний, на улочках никого. Должно быть, и его родные еще спят. Вот и их домишко, дувал немного подправлен — кто это постарался, помог старикам? Значит, все хорошо?.. О, шелковица-то белая у калитки, оказывается, спилена! Жаль немного... Калитка не затворена. Рустам вошел во дворик, заглянул в дом. Никого. Сердце захолонуло. Присел на супу-топчан, снял заплечный мешок, бросил рядом. Не зная, что делать, за что приняться, опять вышел на улицу. Двое ребятшек попались ему навстречу. Признал их — соседские. Вытянулись здорово.

— Не знаете, где... хозяин дома? — осторожно спросил у них.

— Сейчас придет, — не глядя на Рустама, ответил мальчуган постарше. — За насом она ушла.

— За насом, говоришь! — удивился Рустам. — Кто же?

— Да бабушка!

— Салима-хола?

— Да нет, новая хозяйка! — мальчуган наконец призвал Рустама. — Как вы уехали, и дедушка Эшмат, и бабушка Салима... — Он замолчал, голову опустил. А мальчишки помладше, несмышленишки, разбежались по своим дворикам, звонко сообщая старшим:

— Рустам-ака приехал!

Они с полным правом рассчитывали на суюнчи за добрую по-
восьть...

Соседи встречали Рустама с выраженным скрытого горя в глазах. А он, будто уже осведомленный обо всем, не задавал никаких вопросов.

Растегнул ворот казенной рубахи, точно стремясь выгнать наружу боль, что терзала душу. Где же вы, дорогие, с которыми так страстно хотел увидеться? Где вы, бабушка родимая, дедушка, что бывало, когда приезжал Рустам, с дороги глаз не спускал, чуть только стук в дверь — он уже на пороге? И похоронить-то не успел, почести старшим последние не воздал. Всю жизнь теперь каяться...

— Сарвинисо отец увел, — вздыхая рассказывали соседи, видя, как молча убивается Рустам по деду и бабушке. — Поспешил бы ты, сынок! Уже хлопочут, чтобы замуж выдать. Увел ее отец — хуже, чем по рукам-ногам связал... И дом продал тот же дядюшка твой...

Мысль о Сарвинисо заставила встрепенуться застывшее сердце Рустама. Он выпрямился, поднял голову. Словно вдруг проснулся. Сидит в чем-то доме, людей вокруг себя собрал... В этом же самом дворе он играл, бывало, малышом, здесь он держал Сарвинисо за руки, вдыхая аромат ее волос. А вот теперь и дом этот, и двор — чужие...

Когда солнце стало скрываться позади садов, Рустам, благодарно распростившись с соседями, направился в Аккурган.

«Неужели я покпну тебя на произвол безжалостной судьбы, моя Сарвиджан?! Нет, хоть тебя вырву из ее рук, выполню последнюю волю стариков дорогих!» — твердил он про себя, вступая в узкие улочки Аккургана, когда все вокруг уже погрузилось во тьму.

— 2 —

— Ак-надишаха свергли с престола! — принес Шеркузи весть, услышанную на базарной площади. — Говорят, возвращаются те, кого на работы угнали.

— Как так?!—вытаращив глаза, подвинулась Сиддыка. — Что ж теперь будет?

— То и будет! — фыркнул Шеркузи. Он испытывал и желание высмеять те новости, о которых сам старательно выпрашивал встречных-поперечных, и в то же время не скрывал злорадства.— Говорят, нынче баи сделаются бедняками, а бедняки — баями...

— Разве ж баи согласятся?

— Кто теперь услышит их вопль о помощи, ежели падишах будет сам из бедняков? — Шеркузи самодовольно улыбнулся.— Теперь-то над Умаром потешимся! Уж дня два, как его не видать.

— Ох, правдивы бы оказались ваши слова!

Супруги — что там ни будь — прямо-таки в себе не уместались от радости: приближается срок по квитаться с Умар-баем. Разве не он так коварно отнял у них лакомый кусок, прямо изо рта вырвал. Про себя оба уже считали своими те полтанапа, что остались от Усманили. Правда, одно мешало...

— Того гляди Рустам зайвится, — понизив голос, однажды сказал жене Шеркузи.— А дома-то и не осталось, куда ему прийти. Старики-то его... Хоть бы уж нам, что ли, принять его...

— А нам что с ним делать? Обуза, ни гроша за душой! — вскинулась, протестуяще затрясла головой Сиддыка.— Да, кроме того, и Мафират в возраст вошла. Что скажут люди, если мы в дом примем парня в самой силе?

— Темная ты, темная! — Шеркузи презрительно прищурился.— Пораскинь-ка: если судьба на бедняков благосклонно воззрится, нам Рустама лучше бы из рук не выпускать. Ведь парень — что надо, по всем статьям!

— А... а вот окажется у баев рука крепкая, все и пойдет на старый лад! — сперва немного опешив, нашлась Сиддыка.— Выдадим дочь за нищего, да и останемся с посом!

— Я ведь не тороплю: мол, сейчас же все и сладить,— Шеркузи глянул на супругу с опасливым уважением: соображает! — Посмотрим еще, в какую сторону вода потечет...

— Это другой разговор.

Однако время шло, и куда вода бежит, пока неясно было. Смута вокруг. Супруги на всякий случай вынули из сундука, поближе к рукам переложили халат из бекасама, шелковый поясной платок, тюрбетейку с узорами «перцем» — припас на сватанье Мафират.

— Придет Рустам, вот и нарядим его,— решила Сиддыка.— Кто же еще-то подобный почет ему окажет?

— Он и сам парень что надо,— повторил Шеркузи уже не однажды сказанное.— Если баям конец, Рустам самое малое станет юзбаши. Вот попомнишь мои слова!

Между тем остроглазая Мафират, прекрасно осведомленная относительно планов отца и матушки, все ждала, чтобы поскорей вновь пришел к ним аккурганский Ярмат, дальний их родственник. «А не то,— думалось девушке,— прежде чем он покажется, приедет их Рустам, того гляди, той свадебный затеют...» Для Мафират было бы это горше смерти. Очень ее оскорбляло и мучило, что Ярмат, с тех пор как вернулся с тыловых работ, у них в доме почти не показывается, разве что забежит на минутку. «Да знает ли он, с каким нетерпением я его поджидаю? Когда встретились наедине, он вроде бы хотел что-то сказать, выбирая момент, глаз от меня не отрывал... Обиделся, что ли? Отец с матерью не очень приветили его, опасаются, ведь он в убийстве вроде участвовал в тот день, когда на работы забирали... А вот теперь своего любезного Рустама поджидают, словно тот пастух из сказки, что птицу счастья заприметил».

— 3 —

Камал-ака не придавал особого значения тому, что Сарвинисо сговорили за Рустама. После смерти обоих стариков он забрал дочь домой и теперь во всем следовал советам второй жены. Красота девушки между тем полностью раскрылась: как говорят, белое сделалось белым, алое — алым; стап, будто у пери, глаза, подобные алмазам,— все радовало взгляд мачехи. Когда она маленькой замарашкой — дичком была — одно, а теперь — совсем другое. Выдавать Сарвинисо за человека, у которого ни земли-воды, ни крова над головой — этого не одобрит сам всевышний. А про девушку прослышали те, у кого в руках немалые денежки позвякивают. Сам Умар-бай из Янгикургана прислал эликбаши — справиться, дескать, просватана Сарвинисо или нет. «И с чего глаза у бая разгорелись? — раздумывала Кумринисо.— Две жены, да еще сверх того приглядывает? А впрочем, мало ли кому выпадает судьба становиться младшею женой сверх двух, а то и трех старших? Если он поторопится да денежки за калым пришлет — так чего же нам нос воротить? Сарвинисо тоже про себя, небось, порадуется — ведь не каждой привалит счастье сделаться байской женой...»

— В летах человек...— когда заговорили об этом, хмуро заметил Камал-ака, похоже, не очень одобряя доводы жены. — Как оно еще выйдет?

— Не вы ли сами говорили, мол, крепок он, куда до него нашим парням? — притворно удивилась Кумринисо. — Ну, а если и помрет бай в положенный аллахом срок, так толика его богатства и шестому колену отпрысков дочери вашей достанется.

— Согласится ли еще Сарвинисо?

— Уж я сама с ней потолкую, — Кумринисо спешила воспользоваться сговорчивостью супруга. — Вы-то свое согласие даете? Она уж верно обрадуется! Разве для виду только поплачет... Мягкое ложе да сладкий кусок всякому по праву.

Камал-ака не возражал. «Верно, — думалось ему, — птичий язык птица и понимает. Женщина женщину тоже, видать, поймет». И он все отдал в цепкие руки Кумринисо.

А по ней, так бай хоть в эту же неделю забирай к себе молодую жену! Но что-то тревожило Кумринисо: приготовления к свадьбе как будто замедлились. Пора уж и той управлять по случаю прочтения брачной молитвы. Самой Сарвинисо пока ни слова не было сказано.

Как-то она спросила мачеху, заметив очередного байского посланца:

— Кто это к нам все приходит?

— А, родичи мои! — отмахнулась та.

Свои планы Кумринисо не решалась раскрывать до самого свадебного тоя. А на тот день с утра задумала отправить Сарвинисо в кишлак Чака, в дом родственников своих, чтобы вечером ее привезли — уже к самому обряду бракосочетания. Опасалась Кумринисо, что заупрямится девушка, и поэтому смекала, как бы обманом своего добиться. Но накануне вечером снова прикатил янгикурганский элликбаши и враз омрачил ее радужное настроение:

— Все еще не приехал наш бай из Коканда. — Вчера встретились мы с ним там в судебном присутствии у Камила-казы. Говорит, повременить следует пока, мол, успокоим всю эту кутерьму... — элликбаши отчего-то при этих словах поежился...

А еще неделю спустя он снова пожаловал, принес иное известие:

— Приезжает бай. На этих днях и справим той.

— На что же?... — деликатно намекнула Кумринисо.

Элликбаши достал из-за пазухи пачку бумажек.

— Вот, половину калыма я привез, чтобы, значит, никаких сомнений не было. А остальные в Коканде возьмете у самого... Той свадебный, по всей форме, дескать, после проведем, чтоб и соседи пока не знали. Потому — времена беспокойные. Не едет в город отвезем, говорит, сразу же и хутбу велим прочесть.

— Ладно подумал.— Кумринисо не отрывала глаз от денег, которые степенно пересчитывал муж.— А той устроим, это не убежит...

— Не убежит...— эхом повторил за супругой Камал, продолжая мусолить бумажки...

С утра Кумринисо принялась хлопотать, снаряжаясь в Коканд. Прихватили сыновей, обеих дочурок поручили Сарвинисо. Наказав ей калитку заложить, никому не открывать, оба супруга поспешили обтупивать дельце.

...Уж, конечно, какая-то кроется тайна в том, что отец и мачеха сверх всякой меры стали вдруг ласковы да предупредительны с ней, Сарвинисо, и в том, что они ее к родственникам мачехи собираются отвезти. Весь день работа валилась у нее из рук. Вог и вечер наступает, а родителей даже следа нет... Сарвинисо поправила запор на калитке, прихватив сестренку, ушла в дом. Внезапно в калитку постучали раз, другой. Она бегом кинулась через двор, сестры сводные уцепились за подол — и следом за ней.

— Кто?

— Сарвинисо?!

— Вай, неужели вы? — забыв обо всем, она распахнула калитку настежь, кинулась Рустаму на грудь. Слезы покатались по щекам... Руки сплелись на шее у Рустама. Дрожь сотрясла все тело.— Неужто взаправду вы? — Сарвинисо отняла лицо от его плеча.— Это не сон?

— Сарвинисо, милая! Вот, пришел я...— у парня тоже слезы покатались из глаз. Он не мог продолжать, расспросами про деда и бабушку растравлять ее и свою душевную рану.

— А пока вы не приходили...— горестно начала она сама.

— Я все знаю,— Рустам с трудом овладел собой.— Что же делаешь...

— От дороги глаз не отрываю — жду вас...

— Соскучились? — спросил с улыбкой Рустам.

— Иные, когда придется трудно, к мазарам святых отправляются,— ведя его за собой в дом, ответила Сарвинисо.— А я, кроме вас, ничего и не видела. Всегда вы перед глазами у меня.

— Теперь мы вместе не только в мечтах, но и наяву,— проговорил Рустам.— Времена тоже нынче изменились...

— Вместе...— в неярком свете свечи она не сводила с него взгляда, полного нежности, обожания. Обе девочки как завороченные разглядывали сестру и незнакомого дядю.

— Глаза твои хочу видеть. Смотри, еще смотри! — Рустам не мог наглядеться на нее.— Сарвинисо, еще, еще...

— Дедушка покойный ради вашего благополучного возвращения ягвенка принес в жертву святым угодникам, — тяжело вздохнула Сарвинисо. — Вот они и помогли.

— Ты для меня — святые угодники! — он стиснул ей запястья. — Одна ты, Сарвиджан!

— Не говорите так, — у нее сверкнули глаза. — Грех это.

— Ты для меня — пир Шахимардан! — повторил Рустам. — Глади же на меня, не прячь глаза! Еще гляди!

— Если я пир Шахимардан, — проговорила она с улыбкой, — то выскажите ваше желание.

— Мне нужна Сарвинисо! Та, которая на весь мир одна!

— Уж так ли нравится?

— Очень! Сарви, свет души моей...

— Ой, родители скоро должны явиться! — опомнилась девушка, совсем про них забыв, про все забыв.

— А где они? — только теперь вспомнил о них и Рустам.

— В Коканд уехали засветло.

— Уйдем отсюда! — воскликнул вдруг Рустам. — Уйдем, за пологом сердца моего спрячу тебя!

— Верю... Но зачем бежать?

— Так ведь они стали помехой у нас на пути. Уже и в Бачкыре о том говорят. Бежим.

— Разве они не знают, что мы помолвлены! — Сарвинисо вскочила на ноги. — Отец любит вас...

За дверью послышался шорох, шаг.

Увидев Рустама, растерялись оба — и Камал, и Кумринисо. Камал-ака первым взял себя в руки. Сдержанно обнял племянника. Кумринисо, приподняв платок со лба, притворно заулыбалась:

— Добро пожаловать, с благополучным прибытием!

Сарвинисо, смущенная, расстроенная, поспешила удалиться. Следом — Кумринисо с детишками. Мужчины остались одни. Но разговор не вялся...

— Здесь останетесь? — когда дастархан был собран, спросил Камал-ака, намекая, что, мол, утомился он, пора и на покой.

— Пойду, если позволите, — ответил Рустам. Такого вопроса он от дяди не ожидал. Снова прочли благодарственную молитву после трапезы. Камал даже не спросил парня, куда, к кому тот направляется, тем более на ночь глядя. Рустаму захотелось хотя бы проститься с Сарвинисо, он свернул было к входу в ичкари... Но, вспомнив, как его приняли в доме у дяди, отказался от своего замысла.

Когда Камал-ака, проводив Рустама, вернулся в дом, Сарвинисо встретила его у порога:

— А где... они? Гость где?
— Иди к себе, — буркнул отец. — Ушел Рустам.
— Почему?!
— Ведь не тут у него тетка, — Камал старался не глядеть на дочь.
— Так ведь я тут! — Сарвинисо почувствовала, как холодеет сердце. Едва удержалась, не выкрикнула: «И здесь тетя была у него!»

— Он же нам не кровный родственник, доченька! — вкрадчивым голоском поспешила вмешаться Кумринисо. — Сама посуди, кому по праву, если холостой парень вот так заявляется сам, ни с того ни с сего.

— Как, ни с того ни с сего? Он же откуда вернулся? У него же никого... — У Сарвинисо комок подступил к горлу. — Папа, милый папочка! Ведь это же Рустам, брат мой! И вам он не чужой... Ох, вот что значит, мамы родной нет у меня!

— Замолчи! — закричал Камал-ака, словно пытаясь заглушить голос совести. — А если еще раз явится, — разошелся он, — проучу его, как подобает мусульманину!

— В чем же он виноват? — не уступала и Сарвинисо. — Ведь он пришел проведать вас, меня...

Камал-ака готов был грозиться и дальше, но Кумринисо властно дернула его за рукав халата — уймитесь! Кинув хмурый взгляд на дочь, он поплелся к выходу, следуя за супругой.

— 4 —

Только теперь, как говорится, луч солнца коснулся плеча Ходжамберды, отца Иргаша. До преклонных лет дожил Ходжамберды и все в бедности, доброй одежды нешивал, вдосталь хлеба не видало чрево; круглый год — все двенадцать месяцев — таскал на спине прутья тамариска, сухие корни саксаула продавал, так и жил. Рослый, крепкого сложения старик этот — густо бородатый, брови кустистые, на халате сто заплат, сам какой-то отрешенный, глаза будто внутрь смотрят — отличался злобным нравом: никому не скажет «салам», ни на чей «салам» не ответит «ваалейкум». А после того как жену его бог прибрал — и вовсе сделался мрачнее тучи. Ребятишки очень уж не любили его. Бывало, увяжутся за ним следом, не отстают; а если он кивнется на них — разбегаются в страхе кто куда. И снова соберутся, забавы ради кричат ему издали: Буваджан-Буво! Так и пристала к нему эта безобидная в общем-то кличка, сделалась вроде имени.

— Если б меч правосудия мне в руки,— не однажды выкрикивал во всеулышание этот Буваджан-Буво,— первым делом истребил бы всех детей до корня!

— Потому-то мы никогда не возвысим тебя до положения властителя! — подшучивали над ним не раз слыхавшие это проклятье взрослые.

Его первенец Иргаш вырос, что называется, возле чых-то дверей. Что его отец, хоть и дик нравом, зарится на чужое добро, этого никто не мог бы сказать. Сам же Иргаш то и дело тянул руку к тому, что плохо лежит; и по той причине, как только начал входить в возраст, на одном месте нигде не засиживался. Потому-то, когда парень окончательно вошел в силу, не было у него определенного места жительства, и дела путного тоже не было. Пробавлялся для виду поденщиной. Женился не однажды, все на вдовах, но не ужился ни с одной. Наконец, при посредстве вдовы святейшего ишана Хазыр-ходжи иби Зикрия-ходжи из Биби-Хувайдо сошелся с некой Каракаш-аим. С друзьями своими, вот они — Кичик-Иргаш, то есть Иргаш-малый, еще Мамаджан-аксакал, Абдураим-рыжий, Таш-палван да тощий Ашур, которого так и звали Ашур-чувак, то есть щепка,— обобрал Иргаш далеко не бедняцкий дом Садык-ходжи в кишлаке Пахта. Дело раскрылось. Трех дней не прошло — Иргаша сцапали, сразу в кандалы. Целых полгода провел в Коканде. Но, несмотря на все перенесенные муки, о сообщниках своих даже словечком не заикнулся. Иск Садык-ходжи поддержали Салиджап-бай, Курадыбай, Абдусалим-бай, Миргафур-бай, Потеляхов, еще другие толстосумы: вот и упек судья Камил-тура Иргаша на пять лет в Сибирь на каторгу. Возвратился он в Бачкыр после февральской революции по амнистии. Односельчане и единым словом не приветствовали его, даже не спросили, как водится: что, дескать, прибыл? Да и сам виновник торжества от радости, что увиделся с ними, не размяк — волком смотрит. А где вожак — там и стая.

— Нынче нам повезло,— заявил Кичик-Иргаш, тут же поспешивший из кишлака Алмурад к своему бывшему предводителю.— Что город, что кишлак, все равно как отара без пастуха.

— Ни за что не примусь, пока не потолкую по-своейски с Садык-ходжой,— возразил Иргаш, пылая жаждой отщепеня.

— Стоит ли к нему вот так прямо и являться? — резонно спросил Иргаш-малый.— Так он тебя и дожидается за дастарханом. Небось, прослышав о прибытии, всех прихлебал на защиту созвал.

— Да я его не прикончу,— не отступался от своего главарь.— Хочется мне только, чтоб покаялся он передо мной, на колени повалился.

— Тоже не простое дело,— гнул свое Кичик-Иргаш.— Для этого прежде нужно дамбы повалить на других плотинах.

— То есть? Говори прямо, змеиный твой язык.

— Мелочь воровскую вокруг себя сплотить, оружием разжиться, силенки подкопить — вот что нужно. Твой Садык-ходжа пыленок. На больших делах нынче нужно удачи пытаться. То ли — дай боже, то ли — боже, возьми себе! Но я так думаю — птица счастья скоро опустится прямо нам на голову!

Старые приятели, придя к соглашению, вдвоем направились в кишлак Машад, чтобы там прибиться в сообщники к Ашурбаю и Султан-муйлаву — отъявленным грабителям, дотоле уже успешным списать недобрую славу. По предложению Иргаша вечером того же дня решили все вместе очистить амбар Бадали-бая в Наймане. Ну, а когда выступили — по предварительному сговору топориками-теща хватили внезапно сзади по черепам «друзжков» — Ашурбая и Султана... Обоих сразу насмерть. Добыча — маузер и пятазарядка, это-то и было целью всего предприятия. Ну, а когда разнесся слух, что у обоих Иргашей оружие завелось — один за другим стали объявляться и лепиться вокруг бывшие дружки, дотоле рассеянные кто где. Отныне где в округе какое воровство — к нему руку могли приложить только с ведома Иргаша. Горестной была судьба тех, кто действовал без его позволения. Поди-ка теперь справься о здоровье у тех именитых, кого в былое время не смели и спросить: кто, мол, ты такой? И Садык-ходжа, который теперь не знал, куда и бежать, тлеющие угли в домашнем очаге загасив, поспешил из своего кишлака Нахта в Бачкыр к Иргашу, прихватив парочку резвых коней, четырех овец, откормленных на убой, да еще две пятазарядные винтовки.

— О достойный сын отца своего! — скрепя сердце воззвал Садык-ходжа, допущенный к Иргашу, который безучастно слушал, даже не ответив на салам нежданного гостя.— С надеждою, что повинную голову, как говорится, меч не сечет...

— В этом ваша просьба? — по-прежнему не глядя на него, бросил Иргаш.— Ну, так живей излагайте!

— Ваша воля,— все с тем же униженным видом промолвил Садык. Тут Кичик-Иргаш заметил: у предводителя на низком широком лбу все больше накапливается складок и глубоко посаженные глаза вроде бы прячутся все глубже. Как бы не заупрямился! Ни к чему теперь ссориться с толтосумом. Кичик-Иргаш

носпешно поднялся, заговорил, сладкой любезностью возмеща суровый прием со стороны предводителя:

— Добро пожаловать, почтеннейший ходжи!

— О, достичь бы вам высокого чина! — живо отозвался Садык, глаза у него замаслились искательно. — Пусть вам впрок пойдет, что добудется... А я всегда к вашим услугам.

Иргаш-малый между тем завел речь о том, что, дескать, не следует баев отлуговать, наоборот — нужно их с собой посадить за один дастархан... Подействовали уговоры — мало-помалу смятился предводитель. В конце концов своими руками накинул халат на плечи Садык-ходжи.

— Пока жив.. до конца дней моих... — залепетал растроганный хаджи, рукавом смахивая мутные слезы. — К вашим услугам всегда! На вас... только на вас вся надежда!..

Спиною пяясь, распростился с обоими Иргашами, выбрался на улицу.

— А ведь, похоже, и верно, — предводитель опустил тяжелую ладонь на спину Кичик-Иргаша; тот даже присел. — Птица счастья вот-вот усядется нам на макушку!

...В одну из последних недель весны от кокандских баев пришло послание, в котором содержалась просьба к Иргашу — пожаловать в знаменитое медресе Нарбута-бия в тот час, когда читается пятничный намаз. То было уже прямым подтверждением истинности предсказания Иргаша-малого. Вместе с посланием прибыли также «приветы» в виде четырех коней и нескольких винтовок; после этого Иргаш-большой, что называется, львом себя почувствовал. А уж когда в точности узнал, зачем призывали...

В Коканде воцарилось безвластие, развелось множество воров, не говоря уже о смутьянах — те еще страшнее. Ведь вор он землю не отнимет, воду не отпилит, дома не отберет... И городские богачи решили на первых порах одним ворам противопоставить других, а с этой целью приручить Иргаша, поставить его на должность курбаши — начальника полиции. Просторное помещение напротив медресе Нарбута-бия — в прошлом один из ханских дворцов — предоставили в его полное распоряжение. Обеспечившись в городе, Иргаш со своими молодцами дни проводил в кутежах, либо отсыпался, а едва темнело — верхами всею ватагою объезжали город. Мало-помалу ему удалось выследить и прогнать из города шайки, дотеле наводившие страх на жителей. Во время стычек на гузарах в окрестностях Коканда двенадцать человек было убито и еще восьмерых привели в город живыми. Таким-то способом и нашли общий язык, сдружились с Иргашем Потеляхов, самый крупный из кокандских торговцев и фабрикантов, да Саяджижан-бай, у которого хлопкоочистительный завод в

старом городе и обширные наделы земли вокруг Даугары, а также прочие толстосумы. В политику Иргаш поначалу не мешался, действовал согласно принципу: пришла пора — и мы в больших беках покрасуемся. Тем временем по его приказам обирали до чиста каждого, будь то бай или последний бедняк, чье имя по значилось в списке, который для него составили высокие «покровители», не забыв, конечно, и себя туда первыми внести. Подобного рода проделки Иргашевских джигитов сваливались на мелких ворюшек; об этом всюду трезвонили казии, имамы, муллабачи — состоятельные учащиеся медресе. Бан между тем готовили Иргаша к работенке поважнее...

— Если даже в нашем очаге вспыхнет огонь,— наставлял его кругленький, жирный, горбоносый, с окладистой бородой Потеляхов на совещании, созванном в гостинной Салиджан-бая,— все равно мы должны отыскать способ, чтобы дым пошел из трубы у этих босоногих большевиков. Между тем в народе множатся толки о... некоторых ваших недостойных делах. Люди перестают верить нашим речам.

— Каков же будет ваш совет? — Иргаш, несмотря на свое возвышение, держался не очень уверенно, впервые в жизни присутствуя на секретном совещании крупных баев.— Мы же ни разу не выходили за пределы, вами поставленные...

— Положим... — буркнул Потеляхов. — Но настала пора прекратить грубую работу...

— А на что же тогда существовать джигитам? — Иргаш с искренним недоумением оглядел баев.— Ведь наши ряды полнятся...

— Расходы мы берем на себя,— успокоил его Салиджан-бай.

— Благодарим. Но тогда чем же нам заниматься? — воззрился на него Иргаш, совершенно сбитый с толку.— Благодаря милостям вашим, мы головою до неба достали. Я лично прилагаю все усилия, чтобы, как это вам угодно, умножить ряды моих молодцов... Простите, господин Потеляхов, кажется, вы еще что-то хотели сказать?

— Да... В общем, продолжение ночных вылазок... — Потеляхов все же удержался, чтобы не произнести «грабежей», — следует считать приемлемым, но...

— Возбуждать в народе недовольство,— подхватил Салиджан-бай, не дав рта открыт вконец озадаченному Иргашу,— это не что иное как могилу копать самим же себе! Нужно искать способ привлечь простой народ, а не отпугивать его.

— Значит,— снова вкрадчиво заговорил Потеляхов,— надо заставить людей поверить, будто не вы, а кто-то другой творит... то, о чем я уже сказал. А для этого нужно, чтобы джигиты госпо-

дина Иргаша принимали обличье этих крикунов большевистских.

— О, ваша предусмотрительность мозги мне высветлила! — до Иргаша наконец дошло. — Вот это дело!

— 5 —

Рустам теперь вовсе не знал, куда податься, с кем поделиться горестями. Дом и двор в Бачкыре потеряны, в чужие руки перешли. В Янгикургане Зеби, туда тоже не сунешься... Податься снова, бездомным и одиноким, в дальние края? Но как же тогда Сарвинисо? Куда он без нее, куда она без него? Остановится Рустам, присядет — хочется идти, пойдет — снова встанет, раздумья одолевают... Когда отпускали его с тыловых работ, он и представить себе не мог, что вот так предстоит ему мыкаться неприкаянному.

Время между тем переступило за полночь. Немного придя в себя и осмотревшись, Рустам обнаружил, что идет по какой-то незнакомой тропке. В ушах — гул, звон. Вот как будто слышался голос Сарвинисо... Рустам от усталости не мог разобрать, в мечтах это или в действительности. Разве же не стремился он к Сарвинисо из дальнего далека, разве нет у него права на нее, по закону же их сговорили? Рустам решительно повернул назад. Кишлак — в объятиях ночи, ни в одном доме ни проблеска света, все погружено в глубокий сон. Один только он бодрствует, только для него одного нету двери, куда бы постучаться... Раза три он порывался к воротам дома дяди Камала, но всякий раз недоставало смелости постучать. Забота о чести любимой не позволяла ему поднимать шум среди ночи... Обойди весь кишлак, Рустам в конце концов снова очутился подле двора Камала-ака. Залаяла собака. Рустам, не подходя к воротам, обошел дворы и опустился возле межи, отделяющей дядин участок от соседского. Куда еще податься... Поднялся только на рассвете.

«Дядя Камал вроде всегда был добрым человеком, какова же причина, что он так переменялся?! — терзался Рустам. — Почему он будто надел халат наизнанку? Может быть уже сосватал Сарвинисо за кого-нибудь другого? Но за кого? Кто он, колючую воткнувшийся между нами? Нет, не могу я так уйти отсюда!» С таким непреклонным намереньем Рустам дождался пробуждения дяди Камала...

Когда в ворота постучали, Сарвинисо подметала двор.

— Отец! — окликнула она. — Пришел кто-то...

— Сарви! — тихо позвал ее Рустам сквозь щелку в воротах.

— Братец Рустам!..— Сарви приникла к щелке, дыхание обоих словно слилось.

— Кто? — из-за спины дочери спросил Камал-ака.

— Я, Рустам.

— Опять ты?!

— Да! — в голосе парня прорвалась такая скрытая сила, такая неудержимая — в лепешку разможжит все, что встанет преградой на пути. И Камал-ака по голосу племянника это понял.

— Ни свет ни заря, да еще с угрозами? — возмутился Камал-ака пытаюсь противопоставить силе силу. Но калитку проткрыл: не дай бог, соседи услышат перепалку.— Еще что-нибудь скажешь? — ехидно спросил он, едва Рустам протиснулся во двор.

— Скажу. Я пришел за Сарвинисо.

— Вот как? — деланно изумился Камал-ака.— И куда ты ее поведешь? — Он старался ударить побольнее.

— Отец!..— не выдержала Сарвинисо.

— Отправляйся в ичкари! — Камал-ака так грозно прикрикнул на дочь, будто намеревался ее ударить. Потом обернулся к Рустаму, повторив уже с откровенною издевкой: — Куда спрашиваю, почтенный, поведете молодую жену?

— Сил мне не занимать,— Рустам глянул ему прямо в глаза: «Сами же продали мой дом и двор, а теперь укоряете?» — Проживем как-нибудь. И кров найдется.

— Во-от, значит, каковы дела джигита, которому силы не занимать? — встала рядом с мужем, руки в боки, Кумринисо.— У самого ни кола, ни двора, а ни свет ни заря явился, девушку увести без свадьбы, без ничего!.. Не потерплю я, чтобы дочь оказалась на улице!

— Какая я вам дочь? — с округлившимися глазами подступила к мачехе Сарвинисо.— У вас на меня какие права?! С рук сбить хотите повыгоднее.

— Ну, ты меру знай! — рывкнул на нее отец. Грубо схватил за руку, стиснул, потянул в дом, втолкнул в кладовку, запер на замок... Снова выскочил, встал перед Рустамом.

— Убирайся! Сейчас созову народ со всей махалли; отдаешь палок, небо с овчинку пбкажется!

«Как же вызволить Сарвинисо?..—пронеслось в разгоряченном мозгу парня. Сил-то у меня достанет... А потом... люди сбегутся, что я им скажу? Ведь она — у отца родного...» Куда же пойти Рустаму, перед кем душу излить? Жив ли еще в Бачкыре прежний имам? Да ведь и соседи старого Эшмата — свидетели того, как просватали его и Сарви...

— Все равно вам не разлучить нас!

Сжав кулаки Рустам бросил отчаянный взгляд на дверь, за которой была заперта Сарвинисо. Девушка рыдала в голос. Неужели только для слез явились они в этот мир?! Едва родились — сразу же горе-злосчастье стало их неизменным спутником, так и вцепилось в полу...

По это — не до скончания века. Ведь говорится: пятнадцать суток по ночам на небе тьма, зато другие пятнадцать — луна светит...

Повернулся Рустам и решительно поспешил в Бачкыр.

— 6 —

Многолюдное собрание в депо городской пожарной команды явилось убедительным доказательством того, что в Коканде отныне действует не одна, а целых три власти. На этом собрании, где присутствовали железнодорожники, рабочие маслозавода, печатники из типографии газеты «Голос Ферганы», выступали Николай Удалов — председатель профсоюза железнодорожников, телеграфист Семён Вершинин, наборщик Акбар Исламов, печатники Назирджан Ибрагимов, Бурибай Закиров и другие. В их речах четко прозвучали требования к Временному правительству — покончить с войной, повысить заработную плату, при этом рабочих коренных национальностей уравнивать в правах с русскими, ввести восьмичасовой рабочий день. Для подкрепления резолюции решили провести забастовку.

— Революция начинается только теперь! — такими словами завершил собрание председательствовавший на нем Удалов...

Когда был заслушан доклад о том, что Временное правительство, а также националистическая «Шураи исламия», члены которой разглагольствуют об «отделении мусульманского государства», деятельно готовятся к предстоящим выборам в Учредительное собрание, возник спор о том, следует ли большевикам участвовать в этих выборах. Временное правительство — власть не наша, не рабочая и не крестьянская, — звучало в выступлениях. — А планы этой «Шураи исламия», что в Ташкенте обосновалась, опасны до крайности. Так какая же нам польза от участия в выборах? И большинством голосов решили — выборы бойкотировать.

— Если судить по сообщениям из Ташкента, — говорил с трибуны Удалов, после того как вопрос об отношении к выборам был решен, — Временное правительство на краю пропасти. «Шураи исламия» тоже не имеет в народе прочных корней. Судите сами, товарищи. Трудящиеся Ташкента вышли на первомайскую

демонстрацию с требованиями подлинной свободы и равенства. Все лавки были закрыты, заводы и присутственные места на замке. Люди высыпали на улицу, даже мусульманские женщины, девушки!.. На митингах один разговор: об империалистической политике Временного правительства, о нехватке продовольствия, о том, что бедноту дают по-прежнему... Еще о националистических кознях «шураи-исламистов», о равноправии женщин. Лозунги такие: «Долой Временное правительство!», «Долой «Шурай исламию!» Демонстранты отправились на могилы жертв восстания шестнадцатого года и там тоже митинг провели. Вот и нам необходимо быть заодно с ташкентским пролетариатом!

— Правильно!

— Законные требования!

— А баи хотят нас одурачить!

— Знать не хотим всяких там временных и «Шурай исламию»!

Вот такую резолюцию, впитавшую в себя все, о чем говорилось на собрании, распространили по всем предприятиям и учреждениям города. Первыми бросили работу печатники, за ними рабочие хлопковой фирмы братьев Вадьяевых. Хозяева намеревались отплатить массовыми увольнениями. Тогда профсоюз рабочих и служащих хлопковых и маслобойных заводов созвал специальный съезд, на котором было принято такое единодушное решение:

«Полная солидарность и сочувствие товарищам, прекратившим работу!

Винновыми в том, что забастовка началась и продолжается, следует считать в первую очередь братьев Вадьяевых и администрацию акционерного общества «Иран», потому что именно они не удовлетворили законные требования рабочих и служащих. Это доказывает, что свои личные интересы хозяева ставят выше интересов государства и общества».

Уже первые подобные выступления показали, что чем больше свирепствуют фабриканты, баи и их наймиты, тем крепче становится рабочая солидарность.

— 7 —

Поезд прибыл в Коканд на заре. На перроне лишь кое-где виднеются сонные фигуры. На подножке одного из вагонов показался человек среднего роста, неторопливый, с задумчивыми глазами, по виду лет около сорока. В простой темно-серой рубашке-толстовке, подпоясанной широким поясом, на голове кепка.

В руках у приезжего внушительных размеров чемодан. Сойдя на перрон, незнакомец огляделся. В задумчивости ступил шаг, другой — и очутился перед мужчиной, который пристально оглядывал многих пассажиров. Этот второй казался старше — лет пятидесяти, нос с горбинкой, глубоко посаженные глаза, сухощавый, видно, расторопный, живого нрава. Сейчас, однако, он не заметил приехавшего, так пристально кого-то высматривал. И тот, не опуская чемодана, обратился к нему первый:

— Простите... Похоже, вы встречаете кого-то?

— А, да! Друг должен был приехать... из Москвы. Уже третий день все встречаю.

— Может, Ефимом Андриановичем его звать?

— Ох, товарищ Бабушкин, да никак это вы?—у встречающего глаза сверкнули радостью.— Простите! Мы ваш приезд решили держать в тайне... Вот, меня выделили. Ну, здравствуйте.

Обменялись рукопожатиями. Приезжий улыбнулся:

— А вы, должно быть, Вершинин Семен Петрович?

— Нет, я Удалов Николай Алексеевич. А Семена Петровича, хоть он и молод, учителем своим считаю. Работает телеграфистом на городской почте...

— В Ташкенте о нем рассказывали. И о Назире Туракулове.

— А, Назирджан!—оживился Удалов.—Он ведь еще моложе Семена Петровича. По-русски говорит — будто воду пьет, без запиночки... Ученый человек, образованный. Я его тоже считаю одним из моих учителей.

— Николай Алексеевич,—улыбнулся Бабушкин,—этак получается, вы у всех в учениках ходите!

— И верно,—с неподдельным простодушием согласился Удалов. Он продолжал оживленно рассказывать, когда оба двинулись в город: — Я уже в зрелых летах был, когда кое-что понимать начал. А с Назиром в нашем кружке познакомился. Он тогда учился здесь в коммерческом училище, а после и в Москве. В шестнадцатом забрали его на тыловые работы, и в Минске Назир стал одним из создателей организации «Эркин дала» — «Свободное поле», из туркестанских мусульман. Первым среди них перестал брить голову, вот ведь какой! И по одежде — от русского не отличишь.

— Да, мне говорили про Туракулова, что человек образованный, деятельный,—подтвердил Ефим Андрианович.— А вы, оказывается, прекрасно осведомлены обо всех ухабах, через которые жизнь его прела.

— Как не знать!.. Сам-то он из семьи крупного торговца-хлопковика,—продолжал Удалов.—И вот—к знаниям потянулся настоящим, глаза сумел раскрыть на несправедливость, вы-

ступить против класса, к которому принадлежал... А теперь даже Вершинин без его совета не начинает ни одного дела.

— Очень хорошо! — одобрил Бабушкин. — Местные товарищи лучше ведь знают особые здешние условия.

— Сейчас все ждут вас у Атаджана Хасанбаева. Там и Вершинин, и Туракулов, и еще пяток ребят — до звезд без лестницы достанут!

— И много еще таких?

— Да нет, — вздохнул Удалов. — Пока не очень.

— А Хасанбаев кто?

— О, это надежный человек. Сам ремесленник, тихий, незаметный — потому его труднее других заподозрить. У него-то проводим конспиративные совещания. Вас тоже поселим у него, покауда наши дела не пойдут на лад... Ну вот, мы и пришли! — Удалов показал поворот в узкую улочку. — Я пройду немного вперед, а вы следом, из виду меня не упускайте.

Бабушкин понимающе кивнул. Сразу же за неприметными воротами, в тупичке их встретили человек восемь.

— Вы, верно, Назир Туракулов? — спросил Бабушкин у первым подавшего ему руку невысокого, коренастого, большеглазого, гладко причесанного.

— Признали, Ефим Андрианович! — засмеялся Туракулов.

— Интуиция старого конспиратора, — отшутился Бабушкин.

— А это Вершинин, — подсказал Удалов.

— Также признал, — Бабушкин не только пожимал руки, но и обнимал каждого за плечи. — Ведь все мы одной породы — большевики!

— Прощу в дом! — хозяин гостеприимным жестом пригласил в невысокую комнату, где был разостлан скромный дастархан.

— Мелибай Абдуллаев, — когда расселись за дастарханом, по одному представлял Бабушкину Туракулов. — Рабочий хлопкозавода. Можно сказать питомец Николая Алексеевича.

— Вот, говорили, что ходите в учениках, — с улыбкой обернулся гость к Удалову. — А оказывается, сами учитель!

Среди усевшихся тесным кружком были и Акбар Исламов, задумчивый, немногословный; стройный, юный Назирджан Халилов, который явно стеснялся принять участие в общем разговоре; наконец хозяин Хасанбаев, сухощавый редкобородый; он сразу занялся тем, что каждому протягивал по пиале с чаем, как водится, в знак почтения прижимая ладонь к груди.

— Владимир Ильич Ленин крепко надеется на нас, — сказал Бабушкин, когда ему всех назвали, — и на вас, дорогие товарищи в том числе.

— Да будет жизнь его долгой!

— А уж мы доверие оправдаем!

— Пролетарская революция не за горами! — воодушевленно присутствующих передалось Бабушкину. — Ну а сейчас приступим к делу. — И он принялся расспрашивать, каково сейчас настроение трудящихся мусульман, как идет агитационная и организаторская работа в массах...

— 8 —

— Временное правительство теряет способность править страной!

— Создадим свое, мусульманское государство!

— Пойдем по пути улемов Ташкента!

— Превратим Коканд в Мусульман-Абад — столицу ислама!

Такими возгласами началось собрание в соборной мечети старого города, где сошлись бан, торговцы, да еще, следом за своими мударрисами, около двух тысяч муллабачей.

— «Шуран исламия», — разглагольствовал Камилхан-тура, уже много лет занимавший в Коканде должность казия, — создана с целями великими и абсолютно бескорытными. Во главе ее — известный Мунаввар-кары. Служить целям этой организации готовы, как говорится, опоясавшись крепко, бывшие члены Государственной думы почтенные Абдувахид-кары, Миркамил-бай, Ахмеджан-бай, крупнейшие коммерсанты!

— Благодарение богу, — завонил один из столпившихся у самого минбара муллабачей, — теплый ветер подул в грудь мусульманам!

— Создание в Ташкенте «Шуран исламия», — продолжал между тем оратор, — это пример в назидаание всем нам, знамение того, что горькие жалобы наши достигли престола всевышнего... Священный долг каждого мусульманина — душу свою положить ради газавата, добиваться того, к чему призывает «Шуран исламия»: «Туркестан — для туркестанцев!» Так добьемся же основания нашего собственного государства, смоем, наконец, черное пятно, оставленное Худояром, последним бестолковым ханом нашим...

— А для этого, — вскочил с места Салиджап-бай, негласно наведавшийся в Ташкент и получивший инструкции от лидеров «Шуран исламия», — необходимо разжечь ненависть народа нашего к иноверцам! — оратор повысил голос и теперь непосредственно обратился к толпе муллабачей, густо заполнившей про-

сторный двор соборной мечети. — Сейте же праведный гнев! Наш народ неграмотен, и ваше слово для него единственный источник истины! — Салиджан сменил проповеднический тон на деловой, обернулся к «столпам города». — Выборы в Учредительное собрание никак нельзя выпускать из своих рук. Без власти нет послушания в народе...

— Если «Шураи исламия» призывает: «Туркестан — для туркестанцев», как же тогда понимать, что в Учредительное собрание баллотировались и местные представители Временного правительства? — осторожно, но с ехидцей обратился к оратору толстый Миргафур-бай. — Наше единение с русскими в этом деле не окажется ли противу целей «Шураи исламия?»

— Нет! — решительно возразил Салиджан-бай. — Как можно даже помыслить об этом? Ташкентские представители Временного правительства образовали единый блок с мусульманами. Господин Керенский лично дал обещание относительно того, что Туркестан получит независимость. Если мы отстраним большевиков от выборов и проведем в Собрание наших депутатов, город сам собой, добровольно и законным порядком перейдет в наши руки. Комиссариат Временного правительства в нашем городе готов выполнять нашу волю!

— Так разве не возникла необходимость создать организацию «Шураи исламия» также в Коканде? — подхватил, снова взяв слово, Камилхан-тура. — Трудно будет добиться победы на выборах, если мы не объединим всех мусульман под знаменем ислама!

— Поистине величественная, прекрасная идея! — продолжал Салиджан-бай. — Что скажете, мусульмане?

— Жизни свои положим ради торжества ислама! — загалдели муллабачи.

— Идите же в среду тех мусульман, которых искушает шайтан! — снова воззвал к ним Салиджан-бай, переждав общий гвалт. — Те, кто попирает обычаи, благочестие, стремится отвратить народ от веры — да будут прокляты. Отныне именем созданной также и в благословенном Коканде «Шураи исламия» вершите наше правое дело, готовьте мусульман к священной войне!

...В тот же день, в эти же самые часы представители трудящихся собрались в русской части города — в крепости. Ефим Андрианович Бабушкин, к этому времени избранный председателем объединенного городского профсоюза, сделал доклад на тему: «Козни реакционной организации ташкентских улемов «Шураи исламия» и необходимость беспощадной борьбы против нее».

— Поступили предложения, — сообщил он, завершая доклад, — в противовес «Шураи исламия» организовать Союз

трудолюбивых мусульман. Перед этой новой организацией будет поставлена задача: срыть маску с улемов, разъяснить методы и цели большевиков тем ремесленникам, городской бедноте, а также кишлячному люду, которые запутались в тенетах святоши. Союз трудолюбивых мусульман — это главный мост, по которому мы понесем слово правды и свободы в среду местного населения, в самые широкие трудолюбивые массы края.

— Этот союз выведет бедняков на арену политической жизни, — добавил Назир Туракулов. — Союз трудолюбивых мусульман — насущная необходимость сегодняшнего дня!

— Совершенно верно, — подтвердил Бабушкин. — Мы накануне грандиозных событий, товарищи! Социальная революция, по сути, начинается только теперь. Так ставит вопрос Владимир Ильич Ленин, таков текущий момент, такова историческая необходимость, товарищи!

— У меня вопрос! — поднялся из первого ряда служащий железной дороги Салим Халилов.

— Пожалуйста, — ответил Бабушкин.

— Почему утратило силу решение о бойкоте выборов в Учредительное собрание? Не означает ли это, что мы поддерживаем политику Временного правительства?

— Вы ошибаетесь! — быстро проговорил Туракулов, обменявшись взглядами с Бабушкиным: дескать, я отвечаю. — Мы безусловно продолжаем бороться против Временного правительства. Однако Владимир Ильич учит нас сочетать легальные и нелегальные методы борьбы, бороться на всех участках. Вот почему в сложившейся обстановке нельзя устраняться от выборов. На каждом шагу, повсюду мы должны подсекать жилы врагам, разъяснять народу все их гнусности, которые они прикрывают маскою веры! Временное правительство и «Шураи исламия» пытаются выступать на выборах единым фронтом. Противопоставим им наше единство, единство трудового народа!

— Вам понятно? — спросил Бабушкин.

Салим Халилов с видом согласия опустил глаза.

— 9 —

«Выборы — демонстрация нашего единства!» — под таким лозунгом активно действовал Союз трудолюбивых мусульман в августе семнадцатого года на выборах в Учредительное собрание. Список кандидатов от Союза имел номер 4; список «Шураи исламия» шел под номером 8-м. Улемы, бан, торговцы, — словом, все верные слуги «Шураи исламия», рассыпались, точно просо, по

махаллям старого города. Названия избирательных списков: «саккизинчи» — «восьмой», «туртинчи» — «четвертый» — всячески обыгрывались в уличной изустной агитации.

— Избирательный список «саккизинчи» — ключ от райских врат!

— Список «саккизинчи» воистину чудо господне, восемь ворот рая!

— Отвратите ваши лица, правоверные, от списка «туртинчи»! Это список безбожников, тех, кому ад уготован!

— В аду горит тот, кто приблизится к этим «туртинчи»!

Подобными вымыслами были наполнены речи приверженцев восьмого списка. Где только сойдется три-четыре человека — они уже тут как тут, поцеловав коран, стараются внушить свое. Однако простая правдивая агитация Союза трудящихся мусульман, проводимые им открытые собрания с вопросами и ответами, четкая программа относительно будущего справедливого устройства жизни, как говорится, толком забили болтливые рты шарнатских главарей. «Ячмень посеешь — ячмень соберешь, а просо посеешь — просо» — большинство трудового люда отдало свои голоса кандидатам списка номер 4. И вот в день, когда стали известны результаты выборов, уже в половине третьего, вконец раздосадованные провалом, разного рода религиозные фанатики, во главе с имамами махаллей старого города да мударрисами снова собрались во дворе соборной мечети — и отсюда, подстрекаемые баями, лавиной высыпали на улицы, вооружившись всем, что под руку попало: бей, вали, топчи правого и виноватого!.. Несколько кандидатов четвертого списка были убиты.

Комендант крепости Захаров, как позже выяснилось, состоял в тайном сговоре с «шураи-исламистами». Согласно данному им обещанию, он должен был сделать все для того, чтобы возбужденная контрреволюционерами толпа смогла блокировать крепость.

— Проклятые муллы спровоцировали мятеж! — с таким сообщением вбежал в штаб крепости Удалов, едва успевший опередить погромщиков. Он сразу подступил к коменданту: — Народу требуется защита!

— Лучше отсидеться, — чтобы оттянуть время, возразил Захаров, повел речь издалека: — Захотим сделать доброе, а выйдет зло. К чему торопиться?..

— Вы что, не понимаете, что происходит?! — Удалов стиснул кулаки. — Против революции, против народа они поднялись, что ж — будем сидеть сложа руки?

Неизвестно, как развернулись бы события, если б в крепость не подоспели Бабушкин, Туракулов, Алиев, Ахунов. Комендант, опасавшийся до срока выдать себя, вынужден был уступить.

Со стен крепости ударили орудия, из ворот высыпали вооруженные красногвардейцы, и мятежники пустились наутек врассыпную — как говорится, где бы мышиную норку отыскать, хоть в аренду. Не помогла и шайка Иргаша-курбаши — «начальника полиции», которому бан приказали сунуться в эту кутерьму. Его молодчики побежали первыми; а сам он в конце концов был вынужден исчезнуть из города и пока обосноваться в Бачкыре.

— 10 —

Неширокая речка Коканд-Сай, отделяющая старый город от нового, русского, превратилась в границу двух противоборствующих властей. На одном конце Гышт-Куприка — Кирпичного Моста — стоял караул «шуран-исламистов», на другом — Союза трудящихся мусульман. Старый город под властью улемов переполнился странствующими каландарами и дервишами, всякого рода фанатиками. Подстрекаемые религиозными главарями, они стекались сюда из Ходжента, Намангана, Старого Маргилана, Андижана, Оша. Здесь, на пыльных кривых улочках, крайне редко можно было увидеть русского или вообще человека в европейской одежде. Да и те главным образом офицеры без погон, но в форме, с царскими орденами и медалями. И уж совсем редко попадались рабочие, потому что все предприятия, кроме заводов фирмы братьев Вадьяевых, размещались в европейской части Коканда.

...Бабушкин, который со времени беспорядков при выборах в Учредительное собрание не находил возможности побывать в старом городе, сегодня решительно направился к берегу Коканд-Сая. Его сопровождал Удалов. Именно он раздобыл одежду, которая изменила внешний вид обоих до неузнаваемости. Ефима Андриановича тоже превратили в типичного рабочего хлопкозавода — замасленная темная рубаха с глухим воротом, такие же брюки с приставшими к ним хлопковыми волокнами, старый помятый картуз. Сперва пересекли махаллю Миртахир, вышли к гузару, Хаджибек, дальше на махаллю Калвак; потом, перецрыгнув через довольно широкий арык, оказались возле гузара Исфара. Удалов прекрасно знал и эту часть города, поэтому удалось посмотреть все, что было намечено накануне...

Свернув от Исфары направо и пройдя еще немного, они очутились подле высокого дувала. За ним сверкал в лучах солнца величественный минарет с позолоченным куполом. Резные узорчатые ворота распахнуты, через них то и дело входят и выходят молчаливые люди в чалмах. Вот, поднимая пыль, въехала со стороны Хода-Базара груша всадников.

— Это бывшая ставка Умар-хана,— пояснил Удалов.

— Сюда, видно, стягивается вооруженная сила,— откликнулся Бабушкин.— И много тут подобных строений?

— Не то чтобы много, но и немало. Сколько сумеем, нужно бы оглядеть...

Когда прошли Чор-Су, Удалов снова стал показывать:

— Вот то — Медресей-Али, высшее медресе,— он махнул в сторону величественного здания с лепными украшениями.— А слева соборная мечеть, вы ее уже видели.

— Не надо так открыто показывать,— сказал Бабушкин.— Не забывайте о конспирации. Тем более тут офицеры уже набралось порядочно.— Бабушкин осторожно кивнул в сторону группы людей в полувоенной одежде.— Это место, видно, тоже превращено в укрепленный пункт.

— Да, тут у них главные силы,— подтвердил Удалов.

— Не такие уж простаки наши классовые враги, выходит,— задумчиво проговорил Бабушкин.— В мечетях люди собираются, этим они пользуются. Замышляют черное дело — веру ставят во главу угла и начинают народ мутить, черное за белое выдавать.

— Верно,— кивнул Удалов.— Религия — это их знамя. А вон там торговые ряды. Прежде-то тут обычно не протолкнешься. Ну, а теперь какой базар?..

Долго оставаться здесь нельзя, чтобы не возбуждать подозрений. Вышли к медресе Нарбута-бия, миновали Медресей-Хан, мечеть Каландархана и затем прежней дорогой вернулись в европейскую часть города, ничем не остановив на себе внимания каральщиков.

— Вот, значит, как, Николай Алексеевич.— задумчиво прищурив темные глаза, проговорил Бабушкин, когда они подошли к штабу красной гвардии.— Видели сами: эти «шураи-исламисты» — не дурачки. Чуть не каждое сколько-нибудь прочное здание превратили в настоящую крепость «воинов газавата». И офицеры им помогают военными знаниями...

— Да, подготовились во всем усердием,— согласился Удалов.— Но это нас не должно обескураживать.

— Не о том речь,— Бабушкин обернулся к нему.— Мы должны победить и победим! Однако мы пока еще не повели за собой безраздельно местное население. И не следует закрывать глаза на сей печальный факт! Религиозные главари сбили с пути многих крестьян, ремесленников.

— Это так, наша пропаганда еще не всегда достигает цели,— вздохнул Удалов.

— Для этого вечером и собираемся, не забудьте,— подытожил Бабушкин, и они распростились.

— Ефим Андрианович, вам письмо! — на крыльце штаба встретил его Вершинин. — Из Ижевска.

— Неужели оттуда?! — глаза у Бабушкина сверкнули радостью. Он торопливо надорвал конверт...

«Ефим, здравствуй! Мы получили твое письмо. Ровно месяц оно до нас добиралось. Рады, что все благополучно. А мы только и думали, как ты там... Ну, а теперь-то мы за тебя спокойны. Если судить по твоему письму, тебя, похоже, хорошо принял твой далекий мусульманский город. Тебе, наверное, трудно приехать в ближайшее время? А ведь мы очень стосковались! Целых три месяца прошло... Это только сказать легко. Мне-то кажется — три долгих года миновало, как ты уехал...

Маленькая Галинка уже начинает ходить. Все время спрашивает про тебя. Обниму ее — и в мыслях словно беседую с тобою. Так по тебе соскучилась! Ефим, милый, ну прости меня — только очень скоро мы, я и Галина, будем с тобой. Разве это честно — в такие дни покинуть тебя одного?! Мы уже начали хлопоты насчет отъезда. Целую тебя!

Лидия, 4 октября 1917 г.»

— Милая Лидушка, — шептал Бабушкин, снова и снова глазами пробегая листок. — Настоящий, верный друг. А Галочка, смотри ты, толстушка, — уже потопала...

— Из дому? — деликатно осведомился Вершинин.

— Да, — Ефим Андрианович смущенно улыбнулся. — От супруги. Обещает вскоре приехать! Ох, не знаю, трудно им будет тут сейчас. Отсоветовал бы, да не успею...

Так и не выпустив из рук письмо, он сошел с крыльца, задумчиво прошелся взад-вперед по просторному двору.

Уже четыре месяца он здесь. И сделано как будто немало. Рабочий кооператив создан по его инициативе, конфликтная комиссия действует заодно с профсоюзом трудящихся мусульман... Ощутимая польза от кооператива растет буквально с каждым днем. Только за неделю число его членов достигло 1800 человек. Паевой взнос определили в пять рублей. С каждого члена кооператива этот взнос можно взимать только дважды, больше — категорически запрещено. Это условие поначалу удивляло многих членов кооператива. Зато его двери открыты для каждого. То, что, согласно уставу, невозможно взимать пай более двух раз, а также равное распределение доходов, — все это, как говорится, пустило по воде надежды баев, которые, было, надеялись, уплачивая взносы по несколько раз, прикарманивать также значи-

тельную часть доходов, захватить ведущее положение в правлении. Что же касается конфликтной комиссии, которая в рамках профсоюза начала функционировать со второй половины июля, то она стоит целиком на страже интересов труженика. Прежде как бывало? Если у рабочего какое недоразумение с владельцем фабрики, хозяином стройки, — рабочего увольняли, а то, что он недоделал, поручали другому. «Конфликтная комиссия» поставила дело так: никто не может быть принят на работу взамен несправедливо уволенного или вынужденного оставить работу. И теперь хозяева, заключая с кем-либо трудовое соглашение, вынуждены соблюдать права рабочего человека... Погодите, кровососы, это только начало... А организация Союза трудящихся мусульман? Это же невиданный прогресс! Число вступающих в Союз росло день от дня, и это радостью и гордостью наполняло сердце Бабушкина. Необходимо еще больше крепить связи с дехканством, ремесленниками, внушать им, что недалеко тот день, когда они станут полновластными хозяевами земли, воды, орудий труда.

«Не сегодня-завтра начнется борьба не на жизнь, а на смерть, — размышлял Бабушкин, снова и снова проглядывая письмо жены. — И ты, Лида, милая, будешь рядом со мной... Примешь участие в борьбе за победу... за полную победу Советов здесь, в Коканде!»

Он продолжал шагать по двору. Время от времени на него через окно поглядывал Вершинин, с заботливым вниманием читая на лице Бабушкина напряженное раздумье, неукротимую волю.

— 12 —

С тех пор, как дядя Камал так несправедливо обошелся с ним, прогнал от своего порога, перебивался Рустам в Бачкыре поденной работой. Где работал, там и ночевать пускали. Жалели чужие люди парня — всем взял, а жизнь его как обездолила... Смутно на душе у Рустама. Как там его нареченная?.. Да и вокруг смута — и чиновники, те, что при ак-падишахе низложенном были, вроде остались, но называются по-новому — Временное правительство; и богатеи с муллами какие-то странные речи ведут. Не забыл он и тех речей, что наслушался вдоволь на тыловых работах и когда возвращался. Эти речи — и открыто, и тайком — вели меж собой такие же, как и он, обездоленные...

«Иргаи собирает людей, — размышлял он, узнав, что тот объявился в Бачкыре. — Баи в свое время упекли его на каторгу. Вор говорят? Но к воровству его вроде принудили тяготы жизни, же-

стокость человеческая. Значит выступал Иргаш против несправедливости. Потому-то и угодил в когти миршабов ак-падишаха. И вот теперь он вооружился, чтоб отомстить казиям и мингбаши, взыскать с них в пользу бедняков... И Ярмат, слышать, пошел служить к Иргашу-предводителю... Нет, он единственный заступник. Ведь говорят, что мингбаши наш бывший Мамаджан-ходжи тоже силы набирает, хочет власть вернуть. А Иргаш... Бедняка бедняка всегда поймет».

В конце концов Рустам именно на Иргаша стал возлагать все свои надежды и решил направиться прямо в стан Иргаша. Что ему, бездомному-бесприютному, терять кроме головы?..

Самого курбаши он отыскал в доме Мадамина-джурабаши.

— Прибыл вот в распоряжение ваше... — сразу после традиционных приветствий заявил Рустам Иргашу, который встретил его с видимой теплотой, усадил даже за дастархан. А Рустам видел перед собой его громадную, будто хум, круглую голову, массивное туловище, но был не в силах заглянуть в глубоко посаженные маленькие острые глаза, бегающие словно у ястреба-перепелятника. Иргаш же сразу разглядел богатырскую статью и решительность этого высокого парня — такой без лестницы звезду с неба достанет... Ему уже донесли свои люди, что внук старого Эшмата не при деле, так если приветить его — век благодарен будет. Что ж, тем лучше, что сам пришел. «Может, — смекал Иргаш заранее, — на пост юзбаши в моем будущем войске сгодится».

— Каковы же твои намеренья? — спросил он гостя.

— Бороться против несправия!

— О, ты, видать, не промах! — Иргаш ухмыльнулся в усы. — Если время на тебя не глядит, ты погляди на него, не так ли?

— Так вроде...

— Ты женат? — Иргаш уловил настроение собеседника и стараясь держаться, будто старший брат с младшим. Рустам молча покачал головой.

— Значит, не женат?

— Просватаны мы... — Рустаму невыносимо тяжело было говорить. — Но отец ее... нарушил сговор...

— Я сам буду сидеть во главе твоего свадебного тоя! — пообещал Иргаш, когда выпросил все подробности. — Знаю я прав этого пустослова Камала!

— Человек он вообще неплохой, — нерешительно возразил Рустам. — Только почему-то меня не захотел принять как полагается...

— Ничего, примет, попросит еще! Теперь все зависит от тебя.

Иргаш между тем вспомнил, о ком и о чем тут шла речь. Про «изумительное яблочко», созревшее в саду Эшмата, сам он услышал в тот день, когда продавали дом и двор покойного старика. «Если такой парень сгорает от любви к этой пери, то не следует ее упускать!» Иргаш поднялся.

— Что ж, пожалуй в ставку нашу, — он испытующе заглянул гостю в глаза. — Там тебя встретит Таджи-миршаб. Во всем его слушайся.

— Спасибо! — поблагодарив, Рустам вышел.

«Когда с Кокандом дело решится и я взаправду сделаюсь мингбашни, — продолжал строить планы Иргаш, — затеем той, а прежде я за пазуху к этой перепелке сумею заглянуть...»

— 13 —

После того как пришли известия о победе Октябрьской революции в Петрограде и о событиях в Ташкенте, кокандская «Шураи исламия» еще более активизировала свои проповеди в мечетях. Но чем сильнее усердствовали в истерическом красноречии улемы, тем чаще приходилось им сталкиваться с членами Союза трудящихся мусульман. В полное замешательство привело кокандских «шураи-исламистов» подавление октябрьской вылазки контрреволюционеров в Ташкенте, скорое и бесславное для ее вдохновителей. Остатки участников этого выступления во главе с Мустафой Чокаевым — лидером ташкентской «Шураи исламия» постепенно собрались в Коканде. Здешние баи видели в Чокаеве свою последнюю надежду. Чокаев обосновался у Салиджан-бая. Проведать его безотлагательно прибыли Потеляхов, Миргафурбай, Миянхан-хазрат, Камилхан-тура и другие; все они, заодно с хозяином, нетерпеливо ожидали, когда с почтенным гостем начнется разговор начистоту.

— Почему оказался бесплодным наш блок со сторонниками Керенского? — таков был первый вопрос Салиджан-бая, когда богатый дастархан был уже порядком разорен. — Ведь на Ташкент мы возлагали все наши надежды...

Кокандские богачи, что называется, устались в рот Чокаеву. Тот, однако, не спешил высказываться.

— Вся беда в том, — после тягостного молчания заговорил он, подавляя нервную дрожь, — что ташкентский комиссар Временного правительства с недоверием относился к мусульманам. И опасался дать нам оружие.

— Но почему?

— У нас же одни цели!

— Но разве Керенский не обещал?..

Чокаев криво усмехнулся.

— Теперь уже нет смысла скрывать, что это наш собственный домысел для успокоения своих сторонников, в том числе и вас, господа. Увы, русские капиталисты — опора ныне битого Керенского — озабочены лишь своими интересами... Их встревожило то, что «Шураи исламия» выступала под лозунгом «Туркестан — для туркестанцев», — пояснил Чокаев.

Теперь нервно повел красной шеей в крахмальном воротничке Потеляхов, но промолчал.

— Теперь уже нет смысла обсуждать позицию господина Керенского и нашу прежнюю тактику, — продолжал Чокаев. — Мы должны сами незамедлительно взять власть в свои руки.

— Мы? Кто это мы? — привстал Камилхан-тура. — Не хотите ли вы сказать, что...

— Да, да, именно это я и хотел сказать. Теперь мы с вами, господа, главная надежда ислама. Следует срочно созвать в Коканде съезд всех местных «Шураи исламия» и на нем провозгласить автономию Туркестана. Однако...

Удивленно-торжествующе загудевшая было аудитория при последнем слове смолкла, вопросительно воззрилась на своего лидера.

— Однако есть тут, в Коканде, один русский... Прежде чем созвать съезд, необходимо во что бы то ни стало избавиться от этого человека. Ибо он — главное препятствие на нашем пути.

— В Коканде немало русских, — недоуменно и обиженно отозвался Потеляхов. — О котором вы говорите?

— Не о таких как вы, разумеется. Он большевик.

— О Бабушкине!

— Всем бы им одну могилу! — вскинулся хозяин дома.

— Вот она, ваша помощь! — голос Чокаева сорвался на визг. — Вы не скупились здесь на речи, но не удосужились даже как следует разузнать, кто такой Бабушкин!

— Он что, из Ташкента?

— Нет, — голос у Чокаева гневно подрагивал; он достал из внутреннего кармана пачку бумаг, вытянул два листка. — Вот, извольте ознакомиться, чтобы наконец знать, что за фигура этот Бабушкин.

— Гм, вы сами прочтите, пожалуйста! — смущенно крикнув, попросил Салиджан-бай за всех.

«Бабушкин Ефим Андрианович родился 26 декабря 1880 года в деревне Нижняя Пойма Малмыжского уезда Вятской губернии, в бедняцкой семье, — внушительным тоном начал Чокаев. — Отец

его в 1888 году из-за того, что жить стало трудно, переехал с семьей в Ижевск. Чтобы помочь прокормить семью, Ефим устроился работать в библиотеку — курьером и подносчиком книг; здесь он оказался под влиянием революционеров. Позже он сделался активным членом местной социал-демократической ячейки. От преследований полиции перебрался в Пермь.

Осенью 1904 года Е. А. Бабушкин повез Ленину, в то время пребывавшему в эмиграции за границей, письмо от большевиков — о революционном движении, о состоянии партийных кадров... В Париже он сделался секретарем большевистского клуба, в котором часто выступал Ленин и его единомышленники. По возвращении в Россию Бабушкин вел агитационную работу в Петербурге, Нижнем Новгороде, Макарьеве, Лыскове. Арестованный в январе 1910 года в Москве, он был отправлен в пожизненную ссылку в отдаленное село Киренского уезда Иркутской губернии. После февральской революции возвратился в Ижевск.

После VI съезда РСДРП(б) Е. А. Бабушкин, по предложению Ленина, был направлен в Ташкент, оттуда в Коканд. Человек до крайности опасный. В списке большевиков, приговоренных к смерти, за подписью господина Керенского, имя Бабушкина значится».

— Теперь вам понятно, кто это? — Чокаев оглядел озадаченных собеседников. — И вот такой человек целых пять месяцев действует у вас под носом. Все, что здесь случилось, результат его умения сидеть против нашего дела всех врагов ислама, священной частной собственности, порядка...

— Мы даже и думать не могли, что он именно таков, — судорожно потирая ладони, отозвался Потеляхов. — Его необходимо ликвидировать!

— И дело это поручим Иргашу с его молодцами! — подхватил Салиджап-бай.

— Шума поднимать ни в коем случае не следует, — поморщившись предостерег Чокаев. — Действовать тактично. Мы ведь не шайка разбойников, а будущее законное правительство Туркестана, не так ли?

— Так, так! — закивал Камилхап-тура. — Втихомолку обьянаем...

Затем собравшись, приободрившись, стали совещаться о формировании правительства «Кокандской автономии». От имени главных улемов и шейхов были составлены и отправлены послания в Андижан, Наманган, Ош, Ходжент, Ташкент, в Бухару с приглашением на общемусульманский съезд, который наметили открыть 26-го ноября в Коканде...

За день до открытия съезда Чокаев в гостиной городского дома Потеляхова тайно встретился с Иргашем. Иргаш мрачно слушал.

— Власть возьмем мы, — Чокаев хищно сощурился. — Вам же предстоит почетная миссия — быть мечом исламского государства. Это зависит от того, сумеем ли мы действовать в полном единении...

— Я думаю, для такого дела руки у нас коротки, — грубо перебил Иргаш его высокопарные излияния. — Страну урусов я видел собственными глазами. По сравнению с ней наш край — меньше чем звездочка на лбу лошади. И здесь нам крепко досталось. Напрасно только станем тужиться...

— Мы вовсе не намерены бороться против всей России! — раздраженно возразил Чокаев. Он показал на человека в военной форме, круглого, жирного, который сидел молча, до поры не вмешиваясь в беседу: — Знакомьтесь. Этот господин — полковник Тарасов, из числа военачальников, отличенных самим ак-падишахом. Такие люди — главная мощь России! — Чокаев вновь заговорил с пафосом. — Великобритания, Турция и наши друзья в Афганистане ждут только нашей просьбы о помощи. Неужели вы, человек, которого мы намереваемся возвысить до степени главнокомандующего армией ислама, абсолютно не осведомлены о событиях в мире?!

— События событиями, — осторожно вмешался Потеляхов. — Давайте говорить конкретнее: оружие и средства пусть вас не волнуют, это наша забота. Вы ведь друг нам, господин Иргаш?..

— Мы друзей никогда в беде не покидаем! — Иргаш пытался держаться самоуверенно; однако в кругу этих хитрецов-краснобаев он по-прежнему чувствовал себя неуютно.

— Достоинство ваше заставляет вспомнить великого Тимура, великого Чингиз-хана! — польстил гостю Чокаев. — И дела, которые вам предстоит свершить, должны быть подобны их деяниям!

— Нельзя ли яснее? — пробурчал Иргаш; лезть, конечно, штука приятная, но туман от нее что-то не рассеивается. — Оружия мне надо, много оружия. Деньги пужны — много денег. Одним словом джигитов не поднимешь, они у меня не святы...

— Насчет этого будьте спокойны! — заговорил Чокаев. — Все будет в самом скором времени. Отпыте Бачкыр — временная столица «Кокандской автономии»!

Тут уж Иргаш и впрямь почувствовал себя чуть ли не Тимуром.

На «общемусульманский съезд», проходивший в Коканде в последние дни ноября, собрались наиболее видные улемы, баи и торговцы со всего Туркестана, а также представители эмирской Бухары, дутовцев, туркестанских меншевиков и правых эсеров; были тут, конечно, и английские агенты.

— Мы не зря избрали нашим центром именно Коканд, — заявил Мустафа Чокаев в своем докладе относительно создания правительств «Кокандской автономии». — То, что Коканд недалеко от Кашгара, создает для наших высоких покровителей — англичан возможность непосредственно обеспечивать нас, организацию «Шуран исламия», оружием и снаряжением, боеприпасами, военными инструкторами. Кроме этого, здесь весьма сильно влияние религиозных руководителей. Нельзя также упускать из внимания силы и возможности кокандских промышленников и коммерсантов...

— Наш съезд проходит в здании, коему покровительствует сам всевышний! — воскликнул посланец эмира бухарского, обводя взглядом заполненный чалмоносцами широкий двор соборной мечети. — Это вдохновляет нас еще выше поднять знамя ислама!

Далее эмирский посланец, приветствуя «Кокандскую автономию», заявил, что эмир «готов всеми силами поддерживать новое мусульманское государство». Каждый из выступавших улемов и башев, в свою очередь высказывая свои соображения о том, как нужно «оборонять веру и священный корабль», как способствовать становлению и укреплению «исламской власти», уповали на помощь великих держав, а также ближайших соседей.

— Ваше рвение и забота, почтенные господа, мне понятны. Всего лишь вчера, — объявил Чокаев, — я получил личное послание господина Маккэртнея, генерального консула Великобритании в Кашгаре. К нам оттуда уже отправлены деньги, оружие, боеприпасы... А сейчас я зачитаю вам отрывок из доклада генерала Маллсона, возглавлявшего английскую военную миссию в Персии, в связи с его новым назначением: «Я был вызван в Симлу (город в Северной Индии — резиденция британской колониальной администрации. — Ю. С.), где мне сообщили, что я назначен начальником миссии в Туркестан и должен немедленно направиться в Мешхед, где миссия находилась в стадии формирования. Мне предлагалось войти в связь со всеми элементами, которые могли нам оказаться полезными; таким элементам я должен оказывать всяческую поддержку. Финансовые ресурсы, по смыслу данной мне инструкции... неограничены...» Вы видите,

великая держава протягивает нам руку помощи! И рука эта щедра! — с энтузиазмом завершил он.

— На что рассчитывает Великобритания, протягивая нам столь щедрую руку? — очень вежливо обратился к докладчику молодой человек в чалме ученого муллы, но в европейском костюме.

— Ее намерения абсолютно бескорыстны! — поспешил с ответом Чокаев. — Великобритания выражает полную доброжелательность нашему намерению создать независимое мусульманское государство.

— Не значит ли это: «От дождя спаслись — как бы под град не угодить?!» — усмехнулся молодой человек.

— Мы не должны предаваться каким-либо сомнениям или опасениям, — наставительно произнес Чокаев и стал распространяться о необходимости добиваться единства всех мусульман.

— Большевиков повсюду взяли в клещи, — торопливо заговорил после Чокаева Потеляхов. — Полковник Зайцев, командующий русскими войсками в Хивинском ханстве, не сегодня-завтра с казачьими полками займет Самарканд. На Северном Кавказе генералы Корнилов и Алексеев сколачивают армию, которая свергнет власть большевиков. Казаки атамана Дутова только что овладели Оренбургом, Троицком и Челябинском, они отрезали туркестанских большевиков от России!

Сообщение Потеляхова было встречено с восторгом. Резолюция съезда о создании «Кокандской автономии» была тут же одобрена. В резолюции, помимо прочего, члены Союза трудящихся мусульман объявлялись «вероотступниками, предателями, обреченными смерти»...

В эти же дни митинги трудящихся, направленные против решений съезда контрреволюционеров-автономистов, на городских предприятиях проводили Бабушкин, Вершинин, Туракулов, Ташпулат Уразбаев, Удалов, в кишлаках поблизости от Коканда — Мелибай Абдуллаев, Исраил Ахунов, Назирджан Халилов, Абдурахман Султанов. Они разъяснили, что съезд баев, торговцев и улемов не имеет никаких прав и полномочий принимать решения от имени трудящихся местных национальностей, призывали массы не признавать решений «съезда», направленных против трудового люда. Рабочие Коканда, Союз трудящихся мусульман направили коллективное обращение в редакцию ташкентской «Нашей газеты» — органа Советского правительства Туркестанского края. В этом обращении говорилось: «Если русские признают буржуазную автономию Туркестана, то этим отдадут местных ра-

бочих в вечное рабство баям. Русские рабочие должны считать этот съезд выражающим интересы не пролетариата, а буржуазии».

— 15 —

— Чем мы хуже этого вора Иргаша?!

— Не станем ему повиноваться!

— Я — Ислам-палван, не кто-нибудь!

— Я Хамдам, чем хуже звучит мое имя — Хамдам-курбаши?

Подобные голоса доносились из ближних и дальних мест, где, подобно ядовитым грибам, неожиданно вырастающим там и сям после дождя, собирались и заявляли о себе шайки басмачей. Поначалу Иргаш не очень-то беспокоился, думал про себя: «Пусть пошумят, одним ударом прихлопну сразу всех!»

— Не успокаиваться бы нам, — предостерегал один из ближайших подручных Таджи-миршаб. — Похоже, сопернички пачинают шевелиться.

— Э! — отмахивался Иргаш. — На кого они опереться-то смогут?! На мелких кишлачных баев, у которых за душой-то десяток танапов земли, да столько же золотых в загашнике. А за мной — все кокандские баи и улемы. Деньги большие у них, оружие у них, англичане эти бритые у них.

Таджи-миршаб не смел возражать. Однако день за днем все больше подтверждались его опасения. В Кош-Тегирмане — совсем близко от Бачкыра — бывший мингбаши Мамаджан-хаджи, в Ходжаматвали — Худайкул, в Беш-Арыке — к югу от Коканда — Хамдам-хаджи, в Яйпане — Ислам-палван — каждый из них, силой подчинив себе более мелкие шайки, что ни день куражились один перед другим, перехватывали друг у друга добычу, порой и схватывались из-за нее, проливая «братскую» мусульманскую кровь... Особенно высоко вознесся Ислам-палван из Яйпана. Его джигиты распространили свою власть на немалом пространстве от кишлака Ахун-Кайнар, что на юг от Коканда, до степи Джан-абад, от Минг-Тула до самой Исфары, всюду в этих местах насильно вербуя людей в свои ряды. И теперь уже сам Иргаш не отваживался вступить с ним в решительную схватку. Этого не допускала и «Шураи исламия», которая собирала все силы, готовясь к решающему сражению за Коканд. Лидеры организации провели тайную встречу с Ислам-палваном и быстро сумели уломать его на газават, посулив барыш куда крупнее теперешних.

При поддержке Ислам-палвана и «сосед» Мамаджан-ходжа принялся всячески досаждать Иргашу. Иргаш, наконец, прослы-

шав, как неуловимый противник похвалялся, дескать, воды нальем Иргашу на голову, созвал ближайших советников.

— Мы посмеивались, когда этот «хаджи» чуть не ангелом господним себя провозгласил. А ведь оправдались его слова! — не скрывая растерянности, обратился Иргаш к собравшимся. — Разгуливает, где пожелает, хоть по земле, хоть по небу! Ставку свою переносит из кишлака в кишлак что ни день...

— Отыщем! — успокоил Кичик-Иргаш.

— У него что ни день и рука становится покрепче, — сокрушенно вставил Таджи-миршаб. — Когда начинал, всего-то было у него двадцать восемь джигитов. А теперь — сведения вполне точны — уже за двести перевалило.

— Вы считаете вместе с теми изменниками, что из нашего войска к нему переметнулись? — спросил Иргаш-большой, багровея от злости.

— Эти сведения оказались ложными, — вместо Таджи отозвался Иргаш-малый. — Беглецы нашли приют не у Мамаджана, а под крылышком у русских в Коканде.

— Еще того лучше! Почему сразу не доложили? С вами тут сидеть, так, похоже, что и с мышью скоро не справимся! — вскинулся Иргаш, сжимая рукоять камчи.

— Да, для нас это большая потеря, — те полсотни всадников, что к урусам переметнулось, — проговорил Кичик-Иргаш. — Они-то вот и есть наши самые главные враги.

— Что враги! Прежде с «друзьями» бы управиться! — покачал головой Таджи-миршаб.

— У Мамаджана две сотни, а у нас тысячи, — скривил губы Кичик-Иргаш. — Что он нам может сделать? Не слишком ли вы всполошились?

— Нет, он для нас большая помеха, — поддержал Таджи-миршаба главарь. — Не зря сказано: у кого есть где крыльям размахнуться, у того и дела идут... А у нас с запада урусы, с востока — Мамаджан.

— Ну, хорошо, — возразил Кичик-Иргаш. — Свернем мы шею Мамаджану. А сможем ли тогда собрать вокруг себя остальных — Хамдама, Ислама, Худайкула, не обозлим ли окончательно? Надо, пожалуй, попробовать предложить им объединение...

Совет был принят. Каждому из курбашей, не исключая и Мамаджана, были направлены послания. Только от него одного и прибыл ответ:

«После преданного салама, его степенству господину Иргашу ибн Ходжамберды сердечный наш привет. Да будет ему ведомо от нас: те владения, которые относятся к волости Кош-Тагирман, остаются в нашем распоряжении, причем крепкое намерение

наше состоит в том, чтобы в указанных кишлаках никто не рас-поряжался, кроме нас. Выполнение сего нашего желания да будет условием того, что мы, повинувшись Вашим приказам, станем Ва-шими соратниками в газавате.

Молящийся за Вас пижайше, Мамаджан-ходжа».

— Видали? — кивнул на письмо предводитель. — Ходжа, как говорится, с коня упал, а с седла все-таки слезать не хочет. Похоже, надеется слова занять пост мингбаши. Не бывать то-му! — заорал Иргаш.

— Как говорится, кто отца твоего убил, тому и мать свою отдай, — подпел ему Таджи.

— Ладно, добром не вышло, попробуем по-другому, — оскалился Иргаш-курбаши, пригнув к себе головы обоих ближайших советников, зашептал им что-то...

В новом послании Мамаджана почтительно приглашали на свидание, причем был указан пункт — как раз на середине пути между Бачкыром и Кош-Тегирманом. Цель — подробно обгово-рить окончательные условия договоренности.

«Благословенному сознанию его степенства господина Иргаша ибн Ходжамберды да будет выражено с нашей стороны, — писа-лось в ответном послании Мамаджана-ходжи, — что по части при-нятия какого-либо решения мною уполномочен Матхалик-юзбаши.

С искренним почтением, Мамаджан-ходжа».

— Шайтан окаянный! — выхватив письмо из рук муллы Аглыама, единственного грамотея, ведавшего всей канцелярией, курбаши вскочил и заметался по комнате. — Ислам-палвану он доверяет! — Иргаш обернулся к своему тезке: — Сегодня же к вечеру послать к Кош-Тегирману тысячу, да, тысячу всадников! Живым схватить проклятого!

— Поспешность тут недопустима, — пытался слабо возразить Ир-гаш-малый. — Ведь если остальные сговорятся поддержать Мамад-жана, то...

— Надоели мне сомнения да раздумья! — отрезал Иргаш. — Война им все, в открытую!

...С наступлением темноты в Кош-Тегирмане все было пере-вернуто кверху дном. В живых не оставили ни одного джигита; кто бы ни попался на глаза, — кого саблей срубили, кого пуля догнала. Однако ни самого Мамаджана, ни его приближенных, да и основные силы схватить не удалось. Насмерть перепуганные жители сообщили, что сам главарь незадолго до нападения ушел на Яйпан.

— Поспешил соединиться с Ислам-палваном, — пояснил Ки-чик-Иргаш сотникам, собравшимся во дворе кош-тегирманской мечети. — Но о нашем набеге не знает, значит, не больно смелый.

Нужно скорее пересечь ему дорогу! Твои джигиты, — оп ткнул пальцем в грудь юзбаши Туйчи-Калла, — пусть станут в засаду за кишлаком Токсан-Кавун! А мы поспешим в погоню!

— За мной! — скомандовал своим Туйчи-Калла и первым пустил коня по тропе. — Господин Кичик-Иргаши оказал нам большое доверие!

Его джигиты с тропы на тропу, с межи на межу достигли потока Савурджан-Сай, что позади Токсан-Кавуна, перешли его вброд и оседлали дорогу.

Среди них был и Рустам, за это время стрельбе и рубке обученный, добрым конем наделенный. Он уже участвовал в стычках с соперничающими шайками. Страшно в бою, но еще страшнее чужую кровь проливать. Правда, ему твердили, что именно они и есть друзья простых мусульман, а все прочие — их враги. Но зачем тогда его новые дружки тянут у тех же дехкан последнее?

Впрочем, сейчас не до размышлений — дело, кажется, предстоит горячее, чем прежде.

Мертвая тишина вокруг... Еще несколько минут — и внезапно безмолвие ночи раскололи выстрелы. Впереди — гвалт, сумятица... Выстрелы, дикие выкрики приближаются. Видно, другая сотня, как загонщики на охоте, гонит Мамаджана прямо сюда.

— Хей, джигиты мои! — донесся сиплый голос Мамаджан-мингбаши. — Не будьте малодушными! Прорвемся к Ислам-палану!

Решение пришло внезапно. Рустам с места погнал коня туда, откуда донесся знакомый и ненавистный голос, смешался с отступающими.

— А ну, быстрее! — подхлестывая коня, Мамаджан торопил тех, кто скакал рядом.

— Вон туда, — подсказал, приближаясь к нему в кромешной темноте, Рустам. — Похоже, там наши...

Конь Рустама с одного удара плети настиг Мамаджанова саврасого.

— Туда! — повторил Рустам, и растерянный курбаши, повернув коня, поскакал рядом, все больше отбиваясь от своих. Внезапно выхватив саблю, Рустам плашмя ударил Мамаджана по руке, в которой тот судорожно сжимал маузер. За клинок курбаши схватиться не успел. Рустам с размаху кинулся на него, стащил с седла и уже на земле оглушил ударом сабельной рукоятки. Перевернул тяжелое тело обмякшего Мамаджана лицом вниз, связал руки за спиной его же шелковым поясным платком, заткнул рот. Потом особым переливчатым свистом подозвал своего конька.

За сишной у них, затихая в отдалении, продолжалась схватка. ...Рассвет еще только разгорался, когда Рустам с пленником попереk конского крупа, проскакал по сонному Бачкыру прямо к ставке Иргаша.

— Кто? — окликнули караульные.

— Добычу везу, — отозвался Рустам. — Самого Мамаджана-ходжи!

— Неужто?! — прежде чем ответил караульный, с балаханы донесся голос самого Иргаша.

— Его самого.

— Живого?!

— Ну да...

Спустившись, Иргаш подбежал к пленнику, крепко притороченному к седлу. Вынул тюбетейку, запахнутую тому в рот. Мамаджан слабо застонал.

— Что? Вместо юзбаши Матхалика сами пожаловать изволили? — издевательски улыбаясь, спросил Иргаш; потом обернулся к телохранителю: — Уважаемый ходжа торопится на тот свет. Ну-ка, разыми «табиба», пусть ему помощь окажет! — Затем он хлопнул по плечу Рустама: — Ну, молодец, джигит! Ядовитую змею за горло схватил... С сего дня жалую тебя чшном юзбаши!

— 16 —

Шеркузи и его супруга никак не могли выбрать удобный момент, чтобы залучить к себе Рустама.

— Мы для него дочери нашей единственной не жалеем, — не однажды говаривал Шеркузи. — А он все не появляется.

— Зато у нас терпенье лопаается, — только вздыхала Сиддыка.

Верный слух о том, что Рустам объявился, да к тому же в ставке самого Иргаша достиг высокого положения, заставил их поспешить с осуществлением задуманного. Но как это сделать? Времена такие пошли — нос на улицу не высунешь, а то и к тебе в усадьбу вломятся — никакие засовы-запоры не помогут.

Что ни день — какое-нибудь происшествие. То воры у кого-то увели скотину, то дочь похитили, дом подожгли... А вот совсем невообразимые слухи... Чабан Умар-бая с летнего пастбища Кара-Яптак, оставив хозяйских овец, убежал в Риштан.

— О, аллах! — изумлялся Шеркузи. — Поди распознай, что у человека на душе. Ведь сын истинного правоверного, а отправился в Риштан к урусам, мусульманам ружьем угрожать...

— Да разве он один? — раздраженно вторила супругу Сиддыка, которой мерещилось, что светопреставление вот-вот наступит. — Вон и Раим, и Саттар, и еще этот... Насыр долговязый, — все к урусам подались.

— Ну, не все такие отступники. Слышала про Ярмата?

— Не-ет...

— У Иргаша — свой человек.

— Стало быть, тоже в чинах, вроде Рустама?

— Куда там! — отмахнулся Шеркузи. — Всего лишь коноводом приставлен.

— На большое дело, видно, не считают его пригодным, — презрительно ухмыльнулась Сиддыка. — Да, простоват парень, не в отца своего разумного пошел.

— Иргаш, говорят, домогается престола кокандского, — продолжал Шеркузи и даже приосанился. — Ну, коли будет на то воля аллаха, Рустам если уж не по правую руку от него, так по левую сядет непременно.

— Со свадьбой нужно не затягивать, — в который раз напомнила Сиддыка. — Не то залетит совсем высоко, не достанешь. Много придется желающих занять его зятем. Как бы наши надежды тогда вовсе прахом не пошли! Решайтесь, наконец, мужчина вы или нет?..

Мафират между тем дозналась, что отец собирается к Рустаму и вообще озабочен тем, чтобы поскорее справиться свадебный той. Что делать? Один выход... В тот же вечер девушка тайком исчезла из родительского дома. Наутро хватились — ее и след простыл...

— Увезли ее! Похитили! — Шеркузи и Сиддыка, что называется, черным потом облились. Вон так же недавно к Сахибназару-саиду ворвались двое каких-то конных. Самого к столбу привязали, дочку схватили — и ходу. А нашу Мафират, — эту, выходит, так, что и матушка родная не почуяла, хоть рядом была?!

— Вай, горе, горе! — заливалась слезами Сиддыка, не ведая, на ком выместить обиду. — Неблагодарными мы были ак-падишаху, вот и дождались лихих времен!

— Молчи, глупая, — шипел на нее совсем потерявший голову муж. — И в прежние времена умыкали девушек те, у кого сила да власть была. Искать дочь надо, может, еще вызволим...

Не осталось местечка, которого бы не обшарили безутешные родители. Ничего, хоть бы след, хоть бы намек! Слово пришибленные вернулись в Янгикурган. И вдруг, на следующий же день, кто-то с базара шушок привез: дескать, вот она где, Мафират, — в Аккургане, в доме у Ярмата.

— Тихоня окаянный! Чтоб тебя повесили! — потрясала кулаками Сиддыка. — Выходит, правду говорят: каков корень, таков и росток!.. Как же теперь с него спросить?

— Поеду в Бачкыр — жалобу подам! — у Шеркузи от гнева на висках жилы набухли. Живо оседлал ишака, ворча: — Борода хоть и побелела у меня, силы еще не вовсе лишился... Огня подпущу проклятому в дом!

— Вам бы сперва с Рустамом встретиться, — посоветовала Сиддыка. — Жених, можно сказать.

— Жених! — криво усмехнулся Шеркузи. — Он же и не знал и не ведал ничего. Да теперь поздно — опозорена дочь...

— Ну, там как выйдет... Не чужой он ведь нам, родственник, и в почете нынче...

Сердце у Шеркузи заколотилось от страха, едва въехал в Бачкыр. Углубляясь в улицы, осторожно поглядывая по сторонам, про себя изумлялся: «Боже праведный, и на Бачкыр-то вовсе стало непохоже!» Ватаги вооруженных всадников цоспешают куда-то, пешие бродят праздно толпами... По улице, что продолжает Кокандскую дорогу, промчались, едва не зацепив Шеркузи, два фаэтона: на переднем — двое в белых чалмах, на заднем — тоже двое, в европейском платье... У мечети, хоть и немолитвенное время, народу — не счесть, одни входят, другие выходят... Рядом, ему односельчане толковали, главная ставка Иргаша, в усадьбе байской. Шеркузи только краешком глаза, с опаской, глянул в раскрытые ворота и прошел мимо. Отойдя, замедлил шаг; вновь вернулся, ведя ишака в поводу. И, не выдержав неизвестности, первому же встречному задал свой вопрос:

— Земляк у меня тут должен быть... Высокий такой. Юзбаши повоиспеченный.

— Этого земляка вашего не Рустамом ли зовут? — уточнил сиропешный.

— Так оно и есть! — обрадовался Шеркузи.

— Здесь он сейчас. Спросите, любой позовет, а мне недосуг.

— Ох, коли горсть земли возьмете, пусть золотом для вас обернется! — благодарно поклонился Шеркузи и заспешил к воротам. Тут он без труда отыскал Рустама.

— О-о, каким ветром? — растерялся тот в первый момент, не зная, как и где принять «дорогого дядюшку». — Похоже, вы чем-то озабочены...

— Честь, племянник, честь наша затронуга... — простонал Шеркузи, слезы выступили в глазах. — С дочкою, Мафират, разлучили нас...

— Как?! — при виде искреннего горя неприязнь Рустама к этому человеку как рукой сняло.

— Умыкнул ее тихоня этот, Ярмат. У кого теперь и подмоги просить?..

— Вы говорите, Ярмат? — еще больше поразился Рустам.— Дальний родич ваш?

— Он самый, чтоб ему...

— Ярмат такого не сотворит — развел руками Рустам.— Честный он, скромный...

— Сам видишь, какой «скромный»! Его это дело, только его! Все говорят в один голос!

— Чудеса...— Рустам никак не хотел поверить услышанному. — Да такие вещи скрытно делают, откуда же молва сразу пошла?.. Вы только, дядя, не спешите. Сейчас я его отыщу, попробуем разобраться. Не так что-то здесь.

Оставив дядю, Рустам торопливо направился было к конюшням, но его окликнули со стороны ворот. Обернулся — вот тебе на! — сам Ярмат бежит ему навстречу, только что спешился. Шеркузи так и вперился в обидчика.

— Добро пожаловать, уважаемый!..— протянутые руки Ярмат повисли в воздухе.

— Ты что же это задумал?! — у Шеркузи тряслись губы.— Лучше бы мне умереть!

— Погодите гневаться, дядюшка! — Ярмат собрался с духом, кинул взгляд на Рустама, который в полном недоумении застыл рядом с дядей.— Я сейчас только из Аккургана. Приезжаю к себе во двор, гляжу — Мафират!.. Спрашиваю про вас, про тетюшку Сиддыку — молчит, плачет... Я давай отца выспрашивать. А он и говорит: за кого-то, мол, девушку выдать собираются, только у нее к тому человеку сердце не лежит. Вот, дескать, она и убежала к родичам, понадеясь, что вступимся. Просит, умоляет, чтобы приняли, защитили ее. Прямо беда, говорит, хоть руки на себя накладывай... У меня, как услышал, голова кругом. Сам сюда поспешил — служба, а отцу наказал «Дайте знать в Янгикурган. Негоже это, чтобы девушка из дома бегала; но и дело такое, что посоветоваться надо...»

Ни Шеркузи, ни Рустам не нашлись даже слова сказать в ответ. Шеркузи постоял-постоял, молча уселся на своего серого и повернул к воротам.

Умар в последнее время, словно наседка на яйцах, не трогался из Коканда. Купленный им в центре города, на Исфара-гузаре, двор был тесноват: всего два строения, в глубине у дувала, а пе-

ред входом в главный дом — айван, куда едва могут вместиться пять-шесть человек.

Ну, ничего, еще разживемся... Умар пригласил к себе муллу Хашима-Насыра, преподавателя медресе Мухаммед-Али-хана, старого соседа своего. Вот-вот должны были появиться янгигурганский юзбаши и с ним вместе Камал-Курук — Камал-Горемыка, привести «пери Аккургана». Превратности беспокойного времени не мешали баю мечтать о Сарвинисо. «Старею, — думалось ему не однажды. — Наслажденья мира сего не вечны. Добро, деньги — их с собой не унесешь в потусторонний мир... Следует попенять пользоваться дарами аллаха...»

Мулла Насыр явился даже раньше, чем ожидали. В разговоре он и хозяин оживились, будто юнцы, — скажут одно слово, а рассмеются десять раз. И понятно — тема для беседы хоть и грешна, но сладостна...

— Ну, вот и прибыли! — внезапно воскликнул хозяин. Однако при первом же взгляде на Камала и юзбаши сердце у него упало. «Где же она — пери, что являлась мне в сновиденьях?»

— Где же?! — спросил он у юзбаши; от огорчения у него тряслись руки, недоставало сил бороду захватить в горсть.

— Посоветались мы... — юзбаши глянул на Камала: — Давайте уж лучше вы говорите!

— Рустам... сделался одним из приближенных Иргаша, — оставившись в нол, повел речь его спутник. — Вот мы и в опасности: не свалилась бы тяжкая беда на головы как вам, так и нам...

— Так-так, — бай усмехнулся. — Ладно, повременим, ступайте покуда. — Он даже не поднялся проводить предполагаемого гостя.

— Деньги, — глухо сказал Камал, собираясь уходить. — Ваш залог... — положил узелок на край айвана и понурясь побрел прочь.

Как только калитка за ним затворилась и сторож стал звякать запорами, Умар-бай повернулся к юзбаши — и с той же странной усмешкой сказал:

— Ночевать у меня останетесь. Дело есть.

...На следующий день в час утренней трапезы снова явился Камал, весь какой-то обвисший, рот полуоткрыт, лоб в испарине. Вбежал, позабыв даже постучаться.

— Беда постигла нас! — вскричал задыхаясь. — Увели Сарвинисо, похитили...

— Ложь! — Умар даже переменялся в лице, голос сорвался на крик. — Вы сами ее спрятали!

— Мне прятать свою же собственную дочь?! — искренне удивился Камал-ака. — Вон сколько воров развелось, девушек похи-

щают! Человеку прямо глаз не раскрыть... Ох, да какому же негодю в руки угодила доченька моя горемычная?

— Это дело тех босяков из Коканда либо из Багдада, Риштана, что замахиваются на веру нашу мусульманскую! — Умар был не на шутку разгневан.

— Опозорили меня перед всем народом! — Камал заплакал. — А может... может, это дело рук племянника... Рустама. Нет, не могу поверить. Хоть и прогнал его от своих дверей, но всегда верил, что не пойдет он на такое...

— Говорю вам — у смутьянов этих ищите. И я в стороне не останусь.

— Я отыщу! — Камал рукавом смахнул слезы. — Вот так же украли дочь Шеркузи из Янгикургана... Ох, горе-то какое! Но я отыщу, я отыщу...

— Успокойтесь, — Умар свисошел даже до того, что ладонь положил ему на плечо. — Один пойдете, что вы сможете? На пулю только нарваться? Если мы не объединим наших односельчан да не поведем их против этих безбожников, так они ведь не останутся и перед худшей мерзостью!

— Золотые ваши слова, умудрил вас аллах! Я пойду по кишлакам, кликну клич! — Камалу явно пришелся по душе совет Умара. — Скажу: «Мусульмане! Шарнат, священный закон наш оскверняют, а вы так и будете глядеть, руки сложа?»

— Верно, верно. И бай и бедняк — все мы мусульмане, одна цель у нас. Ступайте же немедленно, поднимайте правозверных.

Умар с издевательской ухмылкой поглядел вслед Камалу. Секунду спустя лицо его осветила улыбка самодовольства. Одним выстрелом двух зайцев свалить... Он гордился своей находчивостью. Велел запрягать коня, помчался в Бачкыр...

— Я удовлетворен приветами и дарами, что поступают от вас, — Иргаш благосклонно принял его наедине, в комнате для самых дорогих гостей.

— Только на вас вся наша надежда и упование! — с подобострастием заверил Умар. — Я приготовил для вас изумительный подарок, зная ваше благородное пристрастие...

— Ружье?..

— Нет. Птичку, — глаза Умара масляно сощурились. — А цена ей — весь Аккурган с Бачкыром впридачу, и то мало...

— Кто же она? — Иргаш был заинтригован. — Уж не дочка ли Камал-Курука?

— Так и есть! Хвала вашей прозорливости. — Умар улыбнулся в усы: знаете, мол, оказывается. — В городе отыскал местечко повадечней, в прочную клетку ее поместил, чтобы в руки не попала какому головорезу.

Тут Умар-бай осекся, поняв, что не то слово сказал. Иргаш однако на свой счет это не принял, видно, себя-то почитал «воителем за ислам», руки которого чисты. Курбаши не разгневался вопреки ожиданиям. Однако не услышал Умар и изъявлений благодарности. Иргаш был не особенно доволен: он ведь уже решил заполучить красотку совсем иным путем, так дело было бы вернее. А кроме того, разве не запрещено строжайше врываться в чей угодно дом, в самом Бачкыре, либо в окрестностях, без личного соизволения самого Иргаша? Девизом его было: каждого, кто выходит на разбой по собственному почину, объявлять большевиком...

— А Камалу этому,— Умар будто в точности угадал, что у курбаши на уме,— я так и сказал: дескать, дочь твою похитили «туртинчи».

Затем он поведал, с каким замыслом отправил по кишлакам Камала-Курука. Иргаш удовлетворенно потер колени: вот, мол, с этого и начинал бы... Вообще он был доволен неизменной поддержкой баев. Дают все, что ни спросишь: коней ли — коней, винтовок — пожалуйста, винтовки... Да, раскошелились баи. «Удается вроде дело, о котором Чокаев толковал,— ему вспоминалась встреча в гостинной у Потеляхова. — Если даже и повесят, так на высокой перекладине. Ну, а уж если птица счастья опустится мне на голову,— всех этих умников побоку, сам сяду на престол. Коканд превращу в Исламабад, столицу истинной веры и воли для лихих джигитов...»

Умар попросил разрешения удалиться. Это прервало честолобивые мечтанья Иргаша.

— За птичкой-то приглядывайте! — напомнил он, милостиво провожая гостя.— Как бы крылышками не захлопала!

— А у нас клетка — железная,— обернувшись с поклоном произнес Умар. Он был вне себя от радости: приворожила-таки сердце курбаши его «добыча»!

Трудно было найти другого такого человека, более скрытного, привыкшего не верить никому, кроме себя,— чем Ашур-мясник. Каких только мрачно-забавных историй не пересказывали люди об этих его свойствах! Передавали из уст в уста, какое испытание устроил он своей супруге в первые же дни после свадебного тоя.

— Жена! — позвал он, придя однажды поздно домой запыхавшийся, сбрасывая со спины тяжелый мешок.

— Чем обеспокоены? — поинтересовалась та.

— Жена,— повторил Ашур-кассаб.— У меня был враг...

— Ага-а,— женщина с опаской покосилась на мешок.— Ну и что же?

— Дай мне сказать! Так вот, пусть это будет тайной для всех, кроме тебя, меня и бога самого!..

— О, аллах, не томите же!

— Никому не расскажешь? — Ашур-мясник, глянув на мешок, подступил к жене, за плечи взял, прямо клещами сдавил.

— Ой, никому, никому...

— Так не скажешь?

— Я же сказала, неужто не верите?

— Так вот... убил я этого врага моего!

— Убили?! — жена в ужасе всплеснула руками, ей страшно стало даже поглядеть на мешок.— Вай, умереть мне!..

— Тише, не кричи!

— Ладно...

— Давай в сточной яме утопим.

— Как скажете...

— Стой здесь! — бросил ей Ашур, когда она было собралась выйти с ним во двор. Он вышел один, раскопал поглубже сточную яму, опустил туда мешок, а землю, которая осталась, вынес за ворота и раскидал. Только после этого вернулся в дом и мрачно подмигнул окаменевшей от ужаса жене — мол, дело сделано, и концы в воду.

А назавтра из-за чего-то они повздорили и Ашур вленил супруге здоровенную оплеуху.

— Вай, помогите! — завопила та во весь голос.— Спасите от рук душегуба!

— Что такое, вы о чем это? — вмиг сбежались соседи — и с расспросами к ней.

— Вот он — убийца! — тычет жена пальцем в Ашура-мясника.— Убил человека и труп в сточной яме утопил...

Люди — за кетмени, живо яму раскапывают, а сам Ашур стоит — хоть бы что. Вытащили мешок, чуют — запах крови. Даже поняли тот, кто вытянул... А прочие, один другому ясобляя, перевернули мешок, тряхнули, глядь—из него бычья голова отрезанная и часть туловища. Люди увидели—и к жене Ашура, к самому хозяину, за рукава их тянут:

— Вы что ж это — издеваться?!

— А я проверить хотел, предана ли мне супруга,— спокойно отозвался Ашур-кассаб и рассказал все с начала до конца.— Вот и получилось, как я предполагал.

...Так что не без причины именно Ашуру-мяснику доверил Умар тайно привезенную в город Сарвинисо. Уж этот не выдаст!

«Она — Иргаша собственность, — предупредил Умар, когда привез пленницу и собрался удаляться. — Того гляди вступит в Коканд. Тогда и руку протянем — в убытке не останемся».

Ашур-кассаб собственноручно запер на замок лачужку в дальнем углу двора; ключи всегда носил при себе; еду и питье для затворницы доставлял только сам. Домашним своим он не сказал правды о том, кто эта девушка. А Сарвинисо с первой же минуты поняла: она угодила в руки к дурным людям. И едва кто-либо из них приближался к ней, в отчаянье готова была защищаться из последних сил. Домочадцы знали о ней только то, что это дочь Умар-бая, недавно перенесшая душевную болезнь, и вот теперь ее привезли в Коканд, чтобы отыскать сведущих людей. Когда, мол, в городе немного поутихнет, отец сведет ее к ишанам, что обладают даром исцелять безумных. Возле лачужки Сарвинисо поэтому опасались появляться без дела и супруга Ашура, и его великовозрастный сынок, и две дочки поменьше. Боялись, а вдруг эта помешанная взломает дверь да вырвется!.. И отчаянный стук в дверь, и плач так и толковались лишь как безумие.

Однако вскоре супругу Ашура начало одолевать сомнение... Когда во дворе не было никого, хотелось ей подойти к лачужке, где заперта пленница, — но поначалу духу не доставало. Вот будто плачет, бедняжка, поминает чье-то имя... Исплачется ведь вся, печень кровью изойдет у несчастной! Весь второй день тетушка Нусрат, жена Ашура, не однажды прислушивалась к тому, что доносилось из лачужки в глубине двора, и к вечеру сама извслась вконец. «Эта-то хоть плачет, рассудок потеряв, злым духом искушаемая, — думалось ей. — А вообще ведь слезы вместе с женщиной на свет появляются...» Вся в эти мысли погруженная, невольно приблизилась к щелястой двери.

— Вай, бедняжка! — вслух проговорила Нусрат-хола, выражая искреннее сострадание пленнице. — О аллах, исцели ее иду!

— Тетушка! — услышав ее голос, откликнулась Сарвинисо. — Я вовсе не больная...

— Так ты здорова?! — изумилась Нусрат.

— Конечно...

— Боже правый! Так ты в здравом уме?

— Скажите, что вам про меня говорили, — Сарвинисо прильнула к запертой двери. — Сжальтесь надо мной!

— Кто же ты, дочка? — вместо ответа спросила Нусрат-хола.

— Из Аккургана я, была просватана за брата двоюродного, Рустам его зовут. Мой отец сперва порушил сговор, за другого меня прочит, потом, будто, снова скрепил... — Сарвинисо лихорадочно спешила все высказать. — И вдруг меня увезли... глаза и рот завязали...

— Кто увез?!

— Не знаю...

— Тебе знаком Умар-бай из Янгикургана? — Нусрат-хола решила докопаться до корня.—Еще называют его Умар-Суюк — жидкий?

— Слышала про такого,— оживилась Сарвинисо.— Когда с Рустамом разлучили, его-то и называли моим «пареченным».

— Нареченным?! — Нусрат осеклась, огляделась, прыгнула к двери, проговорила вполголоса: — Да ведь он же тебя сюда и привез, он и еще двое!

— Милая тетушка! — Сарвинисо еще крепче прижалась к шершавой дверной доске.— Помогите, спасите меня!

Нусрат растерялась. Теперь она всем сердцем сочувствовала бедной девушке. Но как ей помочь?

— Слушай, дочка! Даже если б я тебя и ухитрилась освободить — мясник меня в могилу живьем вколотит. Уж видно тебе самим богом суждено такое,— принялась она причитать, чтобы хоть утешить пленницу: — Помыслий о боге, благодарн его, страшного суда ожидай со смиреньем!

— До страшного суда божьего еще человеческий свершить надо,— гневно отозвалась из-за двери Сарвинисо.— Не поможете, я сама что-нибудь с бесчестными или с собою сделаю.

«О боже, боже! — твердила про себя Нусрат-хола.— Ты уж сам ей помоги! А то ведь в искушение она меня вводит... Отврати от греха!».

С улицы послышался звук шагов. Нусрат поспешила к воротам. Увидев мужа, побелела как мел. Ашур-мясник, глянул с едким подозрением, грубо ухватил жену за головной платок вместе с косами, втолкнул в дом, больно запрокинул ей голову.

— Что во дворе делали, к той зачем подходили?..— Он вовсе не был уверен в этом, но глядел так страшно, что полиправды все же у женщины вырвал из уст.

— Да я только поглядела сквозь щелку, жива ли она там, или, может, дух испустила...

— Разговаривали?

— Нет, нет!

Ашур отпустил жену. Взял лепешку, кувшин с остывшим чаем, направился вглубь двора. Когда вошел в лачугу, девушка вскочила. Не кинулась бы в дверь... Поскорее сунул ключ в скважину замка, закрыл изнутри. Лепешку положил за курпачу, на которой Сарвинисо спала, поставил рядом кувшин. Пленница стояла не шевелясь, пасупленная. Ашур могучей рукой отодвинул ее, при слабом свете из дымового отверстия оглядел заднюю стену. Из фундамента вынута два-три камня...

— Ты что это задумала?! — кивнув на них, грозно спросил Ашур. — Отвечай!

— Убегу я! — Сарвинисо и не думала скрывать свои намерения. — А не смогу убежать — руки на себя наложу!

Не сказав ни слова, Ашур-кассаб вышел, замкнул дверь снаружи.

— Вконец расхворалась, лежит, — солгал он жене. — Хоть бы уж забрал ее отец!..

В смятении он поспешил на улицу. Обязательно разыскать Умара, и немедленно! Этот «подарочек», Иргашу предназначенный, может сам о себе разгласить — а спросится с него, Ашура. И жена, похоже, догадывается, в чем секрет. Что ж получается: один твой глаз — другой силится обмануть? Разве можно доверять женщине? Еще проведает эти «туртинчи»... А кто его знает, чья еще возьмет!

— 19 —

Смутно на душе у Рустама. Не так он живет. Настроение с каждым днем все тягостнее. «Что ж это такое? Грабеж, гульба! К курбаши все какие-то господа заглядывают, на бедных просителей очень уж непохожие. На чью мельницу я лью воду? Какая польза от меня обездоленным, если вреда не считать? Что думает про меня Сарвинисо? Получается: сам я колючки себе в грудь вонзаю...»

Голова кругом идет, совесть ропщет. Кому бы открыться, с кем поделиться гнетущими сомнениями? И Рустам искал для себя такого собеседника. А с кем поговорить и где? Кругом с утра до ночи толчея, да и ночами покоя нет... Вот Ярмат: казалось бы, стремянной самого Иргаша, а что-то все сторонится Рустама с той поры, как тот служит при ставке курбаши. Вчера, похоже, сам намеревался что-то сказать, да заколебался, видать, раздумал в последний момент. И у него тоже на душе неладно, что ли?..

Однажды он все же подкараулил Ярмата в укромном уголке, вышел, словно бы невзначай, ему наперерез.

— Как поживаете, приятель? — Рустам дружески улыбнулся.

— А вы? — Ярмат словно бы просветлел. — Вот оно как: времени не найдете, даже чтобы сказать «салам»... А ведь мы не чужие друг другу, и родичи, хоть и дальние, и в холодных краях по милости царской побывали...

— Да и вы не лучше, сами сторонитесь, — укорил Рустам.

Оба помолчали. И в самом деле странно — давно чувствуют приязнь друг к другу, а по душам ни разу и не поговорили.

Рустам пригласил Ярмата в каморку, выделенную ему особо за недавнюю заслугу. А тот словно только и ждал приглашения, охотно зашагал следом...

— Говорят, очень вы преданы Иргашу. Так оно и выходит... — первым повел речь Ярмат.

— Оставили бы вы такие разговоры! — с горькой усмешкой отмахнулся Рустам. — Сами раньше тут появились, и службу неете исправно.

Теперь странно усмехнулся Ярмат. Однако ввязываться в перепалку не стал, сказал для Рустама неожиданное, будто мысли его беспокойные прочел:

— Я за вами наблюдаю с тех пор, как на службу к Иргашу поступили. С недавних пор вы вроде бы переменялись. От дружков отдаляетесь. — Ярмат выглянул за дверь: нет ли поблизости кого; продолжал все так же негромко: — Жаль мне вас.

— Это еще почему?! — Рустам вздрогнул, будто его шилом укололи.

— Как говорится, вода течет, куда пониже, а бай — он только баю ближе, — проговорил Ярмат.

— Что-то я вас не пойму...?

— Да ведь ваш Иргаш — попросту топор в руках у баев, они его пустили в дело ради своей же выгоды. И вы за то же от чистого сердца принялись.

— Ну, а вы? «Мой» Иргаш ведь и «ваш» Иргаш?

— Небось, думаете: я Мамаджана испугался, волей-неволей в когти к Иргашу попал? — Ярмат все так же серьезно, в упор глядел на собеседника. — А ведь они — псы свирепые, один другого злее!

— Хотел бы и я, наконец, спросить напрямик. — Теперь и Рустам уставился в глаза Ярмату, его уже разбирала злость. — Кому же все-таки вы сами служите?

— Хорошо, — прежде чем ответить, Ярмат поманил его за собой; они отошли от двери, теперь их никто не мог слышать. — Я — один из «туртинчи», которых здесь так ненавидят.

— Предатель! — Рустам всей пятерней вцепился ему в плечо.

— Погодите, я еще не все сказал, — Ярмат не спеша высвободил плечо, всем корпусом повернулся к Рустаму. — Вы призываете людей: поднимайтесь на борьбу. Против кого? У баев отнимаете богатства, трудом неимущих нажитые?.. И при этом сами грабите простой народ, а бай за вашей спиной, как за стеной... Ошибся я: вы, как и я, родом из бедняков, потому, думалось, за бедняков и стоите...

— Не ошиблись! — Рустам вскипел от гнева. — Я такой же, каким был прежде!

— Вот теперь я не понимаю...

— Что прежде любил, то и теперь люблю, что прежде ненавидел, то ненавижу и сейчас! К чему стремился... к тому же самому стремлюсь! — раздраженно проговорил Рустам, только раздражение обратилось на себя самого, и собеседник это понял. Однако не стал утешать Рустама, еще больше растравил его рану:

— Так, повятно. Стремитесь, значит, к одному, а každодневно свершаете совсем иное. Два лица у вас, значит, две души, две совести?

— Забываетесь! — Рустам стиснул кулаки, едва сдерживая себя, чтобы не кинуться на обидчика.

— Простите, если причиняю вам боль. Только душа и у меня больше не терпит. — Ярмат заговорил с волнением, горечью: — Неужто вы успели позабыть: когда угоняли нас на тыловые работы, из миршабов, что в спину ружьями нас толкали, был ли кто-нибудь свирепей, чем Таджи? И вот теперь эта тварь... эта кровавая гадина — предводитель миршабов волостного, — теперь он у Иргаша ближайший советник! Куда у Иргаша дотягивается рука, там для баев солнце всходит!.. Неужели вы не видите, что Иргаша окружают все те, кто и во времена ак-падишаха жизнью наслаждался, — бан из Янгикургана, Аккургана, Алкара, Пштрака, Айири-Тама, Капа-Кучкара, Чака-Кишлака да кокандские торгаши?! Разве узда на Иргаша — не у них в руках?

— Ну ладно! — оборвал Рустам, глядя в пол. — Об остальном после поговорим.

Ему нечего было ответить Ярмату. И без его прямых вопросов голова у Рустама трещала, разламывалась. Закрадывалось подозрение: уж не обманывает ли его Ярмат, не испытывает ли? Решил встретиться с ним еще раз, — ведь все равно некому больше довериться. Лучше голову потерять, чем совсем запутаться, чем неправому делу служить. «Кто после этого скажет, что я человек, повидавший свет? И разве простится мне, что сам же поднимал топор на свои же собственные надежды, заветные желания?»

— Не останусь я здесь, — при встрече сразу же высказал он Ярмату. — Уйду куда глаза глядят!

— Куда же? — покачал головой Ярмат. — От себя куда уйдете? Да и всюду одно и то же — бедные и богатые лицом к лицу стоят.

— Да не хочу я прятаться! — в отчаянье вскричал Рустам.

— Тогда выбирайте — с нами или с ними. Иного выбора нет.

— Да вы же меня не примете!

— А если примем?

— Правому делу верно буду служить.

— Хорошо, — одобрил Ярмат. — Я говорил уже с товарищамп. Мы вам верим. Но давайте-ка сперва посоветуемся. Ревком в Коканде, должно быть, не сочтет за лучшее, чтобы вы ушли сейчас... Ведь с вашим положением для нашего дела полезнее находиться среди врагов, чем вдали от них. Вы поняли меня?

— Вроде понял, — хмуро согласился Рустам.

— Сейчас я отправлюсь в Аккурган, — сообщил Ярмат. — Давно отца не видал.

— О наших бы проведали, как там, все ли благополучно? — услышав про Аккурган, оживился Рустам.

— Непременно, — улыбнулся Ярмат и ободряюще хлопнул его по плечу.

Распростились они на этот раз по-дружески...

— Сарвинисо похитили! — первым делом сообщил Ярмат, когда вечером возвратился и отыскал Рустама. — Не хотел говорить, боль вам причинять. Да кто же еще поможет?..

— Похитили?! — у Рустама, казалось, остановилось сердце. — Кто посмел!

— Нужно искать по горячим следам. Не наших ли с вами «дружков» рук дело?

Однако басмачи лишь плечами пожимали. Тогда Рустам решительно направился в резиденцию Иргаша и здесь поведал о том, что произошло.

— Слышал, — с холодно-непроницаемой миной кивнул курбаши. — Ее похитили большевики из Ришгана.

— Откуда это известно?

— Наши тайные сторонники сообщили.

— Прошу, дозвоьте мне, я отыщу похитителей! — Рустам поверил... и вновь заколебался, чувствуя себя меж двух огней.

— Да раскрой ты глаза! — Иргаш подливая масла в огонь доверительно наклонился к нему. — Ведь если попадешься к ним в лапы, они тебе глаза выколют...

— Пусть!

— Вот-вот мы вступим в Коканд. Найдем, пусть они хоть на небесах ее спрячут! — Иргаш казался не на шутку огорченным его судьбой. Со всей обходительностью курбаши проводил его до двери.

Однако с этого момента Рустам почувствовал: кому-то поручено следить за каждым его шагом. В чем же дело? Заботится Иргаш, чтоб его преданный юзбаша голову сохранил, или наоборот, опасается за свою голову? Все же Рустам заставил себя держаться спокойно, выполнять все распоряжения. А вскоре получил такое, что позволило, наконец, отлучиться из ставки. Таджи-миршаб вызвал его и сказал:

— Сегодня очередь твоих молодых. Нужно в Алкаре очистить три двора, там наши люди укажут. В одном взять коня, еще в двух — зерно из амбаров.

— Понятно,— коротко бросил Рустам, ощущая яростную ненависть к Таджи-миршабу и его поручениям. Но снова принудил себя успокоиться: ничто не должно помешать сложившемуся замыслу... В полночь он направил ватагу джигитов из своей сотни на Алкар, сам же завернул коня в сторону Аккургана, сославшись на тайное любовное свидание...

Когда в полночь — в неурочный час — застучали в ворота, семейство Камала-ака охватило панический страх. Только накануне басмачи нагрянули, велели двоим соседям Камала с домочадцами собрать все, вплоть до старых паласов, и убираться на все четыре стороны, а дома их отобрали под свою казарму... Однако в ворота стучали не переставая, и хочешь не хочешь, открывать надо, а не то взломают...

— Где Сарвинисо? — были первые слова Рустама. — Где она?

Камал забыл о своих страхах, о неприязни к Рустаму. Сейчас он в нем видел единственного спасителя.

— Уже три дня тому... — на глаза Камалу навернулись слезы, — ворвались трое... Один ружьем грозит, двое дочку связали, к седлу притянули. И прочь... Только в глазах зарябило...

— Вы ни одного не признали?

— Да у них повязки были на лицах. Вот только сегодня дошел до меня слух. Говорят, из Янгикургана они, — Камал-ака потупился. — Проболтался один кукнарчи: куц, говорит, хороший взяла за девуку...

— Та-ак, — протянул Рустам и сразу перед глаза встало сочувствующее лицо Иргаша-«благодетеля». — Говорили, виноваты «турчинчи», а оказывается, кукнарчи... Кто же это из наших янгикурганских? Мумин?

— Нет, — Камал старался припомнить. — Вроде бы из соседей Шеркузи...

— Может, Разык?

— Вот, вот, — закивал обрадованно Камал-ака.

— Так это же прихлебатель янгикурганского юзбаши! — Рустам ощущал, как гнев закипает в груди. — Значит, юзбаши все это и затеял...

— Юзбаши, говорите?! — Камал схватился за голову; то и дело прося у Рустама прощения, пересказал все как было.

Наспех простившись, Рустам снова вскочил на коня...

— О, Рустам! — обратился к гостю со льстивой улыбкой заспаный юзбаши. — Чем могу служить, сынок? Да угомонитесь вы! — прикрикнул он на дрожащих, всхлипывающих жеп и детей

и протянул руки для приветствия: — Это же Рустам, сын Усмалли, старого друга нашего... Все ли благополучно, дорогой?

— Где Сарвинисо?!

— Не понимаю, о чем вы... — на скуластом лице юзбаши изобразилось удивление. — Какая такая Сарвинисо?

— Застрелю на месте! — Рустам поднял маузер. — Говорите правду!

— А-а... ее... — юзбаши разом обмяк. — Ее Умар-бай... спрятал где-то в Коканде...

— У кого?

— Н-не ведаю...

— Так скажете, или?..

— 20 —

Хотя Умар сам пообещал Иргашу принести ему в дар пленную Сарвинисо, постепенно у него пробудилась зависть, точно солью на сердце посыпали. «А не привести ли ее прежде сюда денька на два? Перепелочка-то, небось, в клетке побилась, побилась, да и притомилась, покорила судьбе, крылышки расправила»...

— Ассалам алейкум! — кашлянув, отворил дверь Ашур-касаб. — Не ожидали?

— Да будет благополучным ваш приход! — оторвался от сладостных мыслей бай. — Не случилось ли чего?

— Вашими щедротами... — льстиво поклонился мясник и тут же огорошил бая: — А только пленницу-то хорошо бы переправить в другое место.

Слушая его, Умар сперва хмурился, а потом смекнул, что непредвиденный случай как нельзя лучше соответствует его новым намереньям.

— Меня она покамест не видела и не знает, — принялся развивать свой план Умар, не посвящая, впрочем, собеседника в главные подробности. — Пожалуй, прискачет сюда, если скажу: тебя, дескать, Рустам ждет, я пришел от него и сейчас тебя к нему отведу...

К себе домой Ашур привел Умар-бая после вечернего намаза и сперва усадил почетного гостя за трапезу. Куда торопиться? И Нусрат-хола, хлопоча с угощением, успела сообщить об этом Сарвинисо в ее темнице...

Ашур вдвоем с Умаром подошли к лачуге в глубине двора, мясник отомкнул дверь и отдал гостю светильник, а сам удалился в дом. Когда Умар с тусклым светильником и карабином в ру-

ках вошел, Сарвинисо пряталась за опорный столб возле двери. Умар прошел в полушаге, но не заметил ее. Миг — и девушка обрушила камень ему на затылок... Бай без звука повалился лицом вниз, светильник выпал у него из рук, но продолжал гореть, поныхивая; карабин валялся в стороне. Придя в себя, Умар судорожно рванулся, чтобы схватить оружие, но в тот же момент Сарвинисо проворно подняла еще камень... Когда бай затих, схватила карабин...

Когда она отвязывала копы Умара от дерева, из дому выскочил Ашур-кассаб, заподозривший недоброе.

— Стой! — пригрозила девушка, направляя на него карабин, хотя выстрелить она, конечно, не сумела бы.

То и дело оборачиваясь на окаменевшего мясника, Сарвинисо вывела копы на улицу, вскочила в седло, с издевкой крикнула:

— Прощайте, добрый хозяин!

— Что, увезли ее? — услыхав женский голос, выбежала во двор тетушка Нусрат и наткнулась на мужа, словно пень торчавшего у ворот. Мясник не шевельнулся. Наконец, почувствовав, что рядом жена, обернулся на нее, рывкнул:

— Пошла в дом!

Только сейчас он вспомнил про Умар-бая. Мелькнула мысль: «Если б она его застрелила, был бы слышен выстрел...» Ашур-кассаб кинулся в дом, схватил свечу — пусть домашние пока в темноте посилят, — побежал к лачужке, заглянул в дверь. Тишина, потрескивает, угасая, светильник. Куда ж он делся, Умар-бай? Ашур переступил порог — и тотчас отирянул назад. Умар лежал ничком на полу неподвижно. Подняв свечу, Ашур осмотрел лежащего. Голова в крови... Перевернул, прижался ухом к груди. Все ясно!.. Куда ж теперь его деть, убитого? Нельзя же никому сказать, что здесь девушку скрывали... Значит, на кого подумают? На него, Ашура-кассаба. Мясник в смятении выбежал, замкнув дверь. Сперва подался за ворота — на улице никого. Вернулся в дом, прикрикнул на домочадцев:

— Все еще не спите?!

Дождался, пока все улеглись, заснули. Уже далеко за полночь, торопясь, взмокнув от напряжения, выконал яму в дальнем углу вагона для скота. Притащил труп своего благодетеля, столкнул в яму, закидал землей. А поверху навоз разбросал. Пошел к себе, лег, но до утра глаз не смог сомкнуть.

А ни свет, ни заря, раздался резкий стук в ворота. Хозяин ни жив, ни мертв поднялся, отворил. Незнакомый джигит — рослый, вооруженный, — соскочив с коня, вместо приветствия, подступил, будто с ножом к горлу:

— Где Сарвинисо?

— Да... вы сами... кто? — выдавил насмерть перецуганный Ашур-кассаб.

— Я из Янгикургана. — Незнакомец, казалось, взглядом готов был растерзать Ашура. — Зовут меня Рустам... — Где же Сарвинисо?!

— Да какая такая Сарвинисо? — мясник решил прикинуться простачком. — Наверное, ошиблись вы, сынок...

— **Перестаньте вилить!** — сквозь зубы произнес Рустам и потянулся к кобуре.

— Ох, сыночек, не торопитесь! — Нусрат-хола подскочила к нему, тронула за рукав. Она тоже ночь не спала, обо всем догадавшись. — Ну, говори же, несчастный! — вплотную приступила к мужу жена, впервые за долгую совместную жизнь осмелев. — Говори, покайся, на сердце легче станет. Этому человеку, единственному, обязан ты открыться, как перед самим аллахом...

— Убежала она, — понурясь, глухо пробормотал мясник. — Умар-бая убила и бежать...

— Не верю! — Рустам опустил маузер, руки у него дрожали.

— С места не сойти! — поклялся Ашур. — Если не верите, пожалуйте за мной.

Он повел Рустама в загон, разрыл яму. Рустам сразу же узнал бая. Стоя над телом, Ашур-кассаб поведал обо всем что произошло ночью, не забыл и о посулах Иргаша Умар-баю за Сарвинисо.

Рустам ощутил острую боль во всем теле, до самых ногтей. Вот, оказывается, как тяжела плата за прозрение. Что сделала с ними, сиротами, жизнь! Он стал бандитом, его нареченная — убийцей... Но кто виноват во всем, кто обрек их, чистых душой, на мучения?..

Тетушка Нусрат ласково тронула его за рукав:

— Найди ее, сынок. О тебе ведь помышляя, она и руки в крови обагрила. Пусть этот светлый мир увидит Сарвинисо... ее отвагу, — ведь это другим женщинам глаза раскроет!

Теперь Шеркузи с супругой хлопотали о том, чтобы хоть Ярмата не выпустить из рук; тем более, что уже ославила их доченька — сбежала в дом родичей Ярмата, еле вернули... Однако вернуть-вернули, а теперь следует снова туда же поскорей отправить, но уже по всем правилам. При этом нужно было, чтобы

приличия соблюсти, представить дело так — будто не дочерняя, а родительская на то воля.

— Доченька! — улучив момент, сказала как-то Сиддыка-буви. — Прочит, тебя отец за Ярмата. Что скажешь?

Мафират внутренне торжествовала, но сдержалась и промолчала, как подобает скромнице.

— Может, к другому лежит сердце у тебя?

— Нет, нет! — не выдержала она игры.

— Значит, быть по сему.

— Воля ваша... — Мафират снова приняла облик покорной скромницы, всем своим видом показывая, что она и не помышляет идти против «решения родителей», — лишь бы вы были довольны...

— Умница, доченька!

Беседа однако была прервана приходом Шеркузи. Он живо отослал дочку на женскую половину, плотно притворил двери. А сам, насупленный, как туча, поведал супруге: Ярмат, оказывается, ушел от Иргаша, оставил службу у всемогущего курбаши...

— От кого вы слышали? — всполошилась Сиддыка-буви.

— От младшего брата Умар-бая.

— От Каримберды?

— Ну да, от кого же еще, неразумная!

— Ох, потеряешь тут с вами разум! Что же теперь делать? — Сиддыка в отчаянии схватилась за голову. — Всю жизнь не везет нам!

Мафират тем временем прильнула ухом к щелке.

— Не нужно нам такого родича! — кипятился Шеркузи. — Если он покровительства Иргаша лишился, проку от него не будет. Так дочери и растолкуй.

— У нее сердце лежит к Ярмату.

— Подумаешь, сердце! — раздраженно отмахнулся Шеркузи.

— Теперь и нам тоже покоя не будет, — вздохнула Сиддыка. — Так имя Ярмата от поборов да наскоков оберегало, все же родичи самого стремянного, а теперь жди незваных гостей... Попрятать бы надо кое-что.

— Погоди прятать! — Шеркузи приосанился, словно ничего не потеряно, а наоборот, все обстоит прекрасно. — Каримберды, про Ярмата мне говоря, намекнул: дескать, роза у вас в саду подрастает...

— Вы в своем уме?!

— А что?

— Ведь жена у него!

— Ох, неразумная! Будто не знаешь — шарият четырех жеп дозволяет иметь, был бы достаток. Это я, неимущий, все с тобой одной маюсь.

— Вай, бессовестный!.. А твоему байскому сынку, чтоб ему сдохнуть, на какие мысли тебя навел.

— Потише ты, закрой рот! Не согласимся — жизнь винудит. Времечко-то какое! Лучше уж добром поладить. Под крылышком у бая и от басмачей убережемся, да еще и свое условие поставим.

— Это какое же?

— А такое: в счет калыма землицы попросим, батраков заведем, я сам баем стану, а ты — байской женой. Единственной!

— Ну, воля ваша, — вздохнула Сиддыка-буви. — Может, и выпадет счастье нам; да вот жена у него красавица, а сам точно индюк, вечно надутый...

— Будь козел — только бы доился! Один раз живем... Да и дочка твоя изведает достатка...

Мафират на цыпочках отошла от двери, повалилась на одеяла, уткнулась в них и залилась слезами, стараясь, чтобы не услышали постылые родители. Она представила себя былинкой, слабой, тоненькой: клонится под ветром, гнется, то туда, то сюда... Нет, ни за что! Сердце ее склонится только в сторону, где братец Ярмат.

— 22 —

Не помня себя, Сарвинисо без устали нахлестывала коня плеткой. «Рустам, братец Рустам, — без звука твердили уста. — Мой Рустамджан!.. Спешу к тебе!»

Окрики и стук колотушки сторожа на мосту заставили ее вздрогнуть, опомниться. Лишь вымахав за окраину кишлака, отпустила поводья. Осмотрелась. В крошечной темноте ни зги не видно... Между тем конь, почуяв волю, повернул, тихонько потрусил вперед. Куда это он? Конечно, прямо к дому своего хозяина Умар-бая — в Янгикурган. Но ей-то там делать нечего. И Сарвинисо заворотила коня. В Бачкыр, только в Бачкыр. Как развиднеется хоть немного. А пока девушка, ведя коня в поводу, чтоб отдохнул, блуждала одиноко в ночной степи.

«Мамочка, мама! — внезапно образ матери возник у нее в памяти. — Если бы только помыслили, что довелось вашей дочери пережить! Ушли, совсем крохотной покинули меня...

Дедушка, бабушка милые! В тревогах и заботах закрыли вы глаза ваши. Тетушка Шахринисо, стойкая, сильная! Вы не умерли, нет!.. Помогите мне! У вас всех, дорогие мои, ищущую я защиты!»

— Стой-ой! Ты кто?

Трое всадников неожиданно вымахали из темнеющего сада наперерез Сарвинисо, окружили, ружья на нее наставили.

— У тебя что, языка нет?!

У Сарвинисо и верно язык словно отнялся. Неужели хватились бая? Что делать? Вскочить в седло, хлестнуть копы и наутек? Догонят пулей. Решилась:

— Иду брата моего искать.

— Слыхали? — всадники переглянулись. Только сейчас они поняли, что этот неведомый путник в легком халате — женщина. — Баба, да, судя по голосу, молодая. — Закинув ружья за спину, всадники спешились.

Стояла та глухая пора ночи, когда лишь Венера проливает слабый свет в крошечную тьму. Дозорные Иргашева войска хоть и убедились, что встреченный ими всадник — не мужчина, все же настороженно приглядывались к Сарвинисо, которая прикрывала лицо углом платка. Они в этот момент напоминали сказочных страшилищ с выпученными глазами, — точно таких, какими пугают малых детей.

— Кто же он, твой брат?

— Рустам, внук Эшмата из Бачкыра.

— Рустам-юзбаши, что ли?

— Он самый.

— Смотрите, Рустама называет! — гнусаво воскликнул один из дозорных и с изумлением воззрился на своих спутников. — А ведь Рустам у курбаши близкий человек! — Затем обернулся к девушке: — Так ты в самом деле его сестра?

— Конечно! — к Сарвинисо с каждой минутой возвращалось самообладание. — Ведите же меня к брату моему!..

В Бачкыр с ней отправился тот самый дозорный с гнусавым голосом. Девушка окончательно успокоилась, приободрилась. Защипался рассвет.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

— 1 —

Солнце, словно малый ребенок, играющий в прятки, то заливает весь мир ярким светом, то скрывается за грядою облаков, лучи свои как будто в горсть собирает, то выглядывает в просветы, освещая один, другой клочок земли. В зените, прямо над головой Рустама, облако, будто верблюд, оставший от каравана, по упрямо тянется на восток...

Рустам припомнил: в прежние дни Сарвинисо с дедом и бабкой ездила в гости к Халилу-сапожнику — доброму приятелю старика Эшмата, живущего в махалле Мир-Тахир. Да и сам Рустам с дедом не раз туда навещались. Однако здесь Сарвинисо не оказалось. У Рустама в висках заломило от отчаянья. Где же теперь искать ее? О если б эти кошмарные события оказались всего лишь сном! Если б кто-нибудь сейчас тронул его за плечо и разбудил: дескать, бредишь ты, очнись. Может, Сарвинисо ищет его и сама направилась в Бачкыр? Да нет, в Бачкыр, превратившийся в гнездо бандитское, она не пойдет. Не лезть же ей самой в лапы Иргаша.

«Иргаш! — про себя повторял он, в гневной усмешке кривя губы. — Иргаш! Я джигит, не забывай! И все счеты сводятся где-нибудь — в этом мире!».

Дотемпа он скитался в безлюдных окрестностях, потом его словно ударило: будь что будет, нужно вернуться в Бачкыр, поразведать, что и как. После этого он снова направился к Халилу.

— Проходи, сынок, милости просим! — Халил-ямакчи, обо всем догадываясь, принял у него из рук поводья. — В дом пожалуй, отдохни, почернел весь.

Поставив коня, хозяин сам провел гостя в лучшую комнату.

— Располагайся. В доме никого, только я да жена. — Халил заметил удивление гостя и пояснил: — А Назирджан перебрался на станцию.

— Зачем?

— Давай-ка за чай принимайся, — хозяин разостлал дастархан, присел рядом, сказал доверительно, понизив голос: — Ведь он, Назирджан-то, начальником у этих...

— Вот как? — Рустам почувствовал себя целовко.

— Среди них и урусы есть, а самый главный — такой, вроде рыжеватый, Бабушкин.

Рустам подавленно молчал.

Халил исподволь наблюдал за ним своими умными, по-стариковски пронизательными глазами. Как бы между прочим, спросил:

— Когда похитили Сарвинисо, ты где был?

— Я-то? — быстро переспросил Рустам. — Я... в Янгикургане. — Правду сказать — язык не поворачивался.

— Хорошо, что про Назира нашего никто не знает, — вздохнула жена Халила. — От этих курбашей разве хорошего дождешься: то у кого-то дом ограбили, то дочь умыкнули, а то и нож в спину...

— Верно говоришь, старая, — горестно кивнул хозяин. — За эти пять-шесть месяцев вон сколько в садах плодов подавили. Проклятья простого народа не утихают. И ведь, говорят, среди этих мерзавцев есть дети бедняков. Боже правый, себе же в глаз вгоняют занозу!..

Каждое слово старого дедова приятеля больно хлестало Рустама.

— У одного бая, — повел между тем притчу Халил-ямакчи, — обезьяна амбар сторожила. И такая была бдительная — птица по небу пролетит, и то не останется незамеченной. Поэтому воры никак не могли найти способа подобраться к амбару. Наконец, однако, все же отыскали. Вор оставил своего напарника поодаль, а сам подошел к обезьяне и руку поднял. Обезьяна тоже подняла лапу. Тогда вор ладонь прижимает к груди: салам, дескать... А потом обеими руками закрывает себе глаза. Обезьяна все за ним повторяет. Отвела она от глаз лапы, глядь, а вор так и стоит, глаза себе зажавши. Ну, и она снова то же самое сделала. Между тем напарник вора весь амбар очистил, подает голос. Тогда вор глаза раскрыл — и с обезьяной раскланивается... На другой год снова этот вор появляется. И начинает прежние штучки. Что ни сделает, обезьяна за ним повторяет. Но теперь, когда вор оба глаза себе зажал, обезьяна, наоборот, пальцами раскрыла себе глаза пошире...

— Вот видишь, сынок, — серьезно, без улыбки закончил повествование Халил-сапожник. — Обезьяна ведь это. Во второй раз не дала себя обмануть. А мы — люди!

«Один только я из стороны в сторону шатаюсь! — билась одна мучительная мысль, пока слушал мудрую притчу. — Будто в дурмане...» Слово Халил взял его на прицел и поражает невидимыми нулями.

— Сынок, вы не слышали, — как нарочно спросила хозяйка, — Иргаш, этот ворюга, говорят, собирает войско, думает Коканд захватить. Правда это?

— Правда, — мрачно ответил Рустам.

— Но и у бедняков тоже глаза раскрываются, — подхватил Халил. — Многие из них теперь знают, с кем идти, чью сторону держать. Поднимется Иргаш, думаете, будут они ждать, рты разинув?

«Иргашевы силы умножаются, — не поддерживая разговор, думал Рустам. — Смогут ли еще «туртинчи» с ним сравниться? Но ведь Халил имел в виду не одних «туртинчи»?

— Вай, Назирджан пришел! — прервал его размышления крик старушки. Она живо поднялась и выбежала во двор, обеими руками обхватила голову сына, притянула к себе, поцеловала.

Халил, степенно вышедший следом за женой, поздоровался с сыном, пожав ему руку. Рустам наблюдал за происходящим сквозь неплотно притворенные двери. Он тоже было встал, чтобы встретить пришедшего, но отступил, не дойдя до порога, сковала неловкость. Похоже, старики что-то успели сообщить Назирджану — тот бросил взгляд на дверь, ведущую в дом, вроде бы удивился. Входить, однако, не спешил, и это усилило настороженность Рустама.

— О, Рустам из дастана! — видимо, решившись, Назирджан проворно вошел и раскрыл объятия, будто встретил долгожданного родственника. Первые приветствия, взаимные расспросы о здоровье вышли теплыми, оживленными, но затем наступила какая-то заминка. Оба словно бы понимали друг друга — и не могли отважиться на то, чтобы продолжать разговор, который неизбежно коснулся бы тем поважней. Первым нарушил молчание Назирджан. *

— Трудно пришлось бедной Сарвинисо, — говорил он. — Отец рассказывал, ее просватали за вас, но сейчас...

— Я ее разыскиваю! — оживился Рустам, услышав имя возлюбленной. — Похоже, не миновать снова направиться в Бачкыр.

— Если в Бачкыр, тогда, конечно, дела у вас пойдут на лад, — Назирджан пристально глянул на него. — Должно быть, собираетесь в путь с надеждой на суюнчи?

— Вы что, испытываете меня?! — вспыхнул Рустам. — Ведь я догадываюсь, что вы намерены сказать!

— А именно?

— Дедушка, царство ему небесное, воспитал меня как подобает джигиту. Человек чистосердечный не станет задевать честь собеседника затейливыми словесами!

— Хорошо. Будем говорить прямо. Покойный Эшмат-бобо был действительно воистину человек прекрасный. Представим себе, вернулся бы он сейчас в этот мир... Разве подошел бы он к внуку своему, что сделался прислужником мерзавца Иргаша, хлопнул бы по плечу: дескать, поступаешь, как подобаег джигиту?

— Все, что я делал, — делал с добрыми намереньями, — горячо заговорил Рустам. — За ним пошел, думал: он тоже от баев натерпелся...

— Мои слова — еще одна проверка, уж простите. — Мы обо всем осведомлены, — вдруг дружелюбно отозвался Назирджан. — Ярмат рассказал. Помощь его была очень полезной, — Назирджан о чем-то задумался.

— Почему была? А теперь? — Рустам похолодел.

— За время вашего отсутствия кто-то донес Иргашу, что Ярмат... Мы очень надеялись на его подмогу и в дальнейшем...

— Беда какая стряслась?

— Нет, — успокоил Назирджан. — С помощью наших людей Ярмату удалось бежать сразу же, как только поступил донос. Теперь он в безопасности.

— Слава богу! — у Рустама отлегло от сердца.

— Позже мы об этом потолкуем... Так ваше отсутствие, как я понял, вызвано исчезновением Сарвинисо? Что же вы теперь намереваетесь делать?

— Отыщу Сарвинисо!

— Допустим. А дальше?

— Посмотрю...

— На чью сторону станете? — напрямик спросил Назирджан, а про себя подумал с горечью: «Решения не принял, как бы снова не заплутался!..»

— Опять испытываете меня?

— Простите, но ваши намеренья выглядят нечеткими.

— Что же я могу поделать, если кажусь вам врагом? — у Рустама задергались губы. — Я хочу быть с вами, только с вами! То, что произошло с Сарви... — голос его прервался, но он твердо продолжал: — глаза мне раскрыло вполне... Но разве люди мне поверят? Разве не станут попрекать на каждом шагу? Нет, лучше умереть!..

— Вы еще очень молоды, — ободряюще улыбнулся Назирджан. — Настоящее сражение впереди, и вы нам очень, очень нужны.

— Хорошо. Я готов! — Рустам стиснул кулаки. — Только...

— Что? Говорите, постараюсь понять.

— Сарвинисо ждет меня...

— Понимаю,— кивнул Назирджан.— Но много ли вы сделаете один? После отлучки вы теперь, бесспорно, будете на подозрении у ваших... бывших «друзей». Так что ни нареченной своей, ни нам, особенно после случая с Ярматом, вы пользы там, в Бачкыре, не принесете. Разве с головой расстанетесь.

— Что же мне делать?

— Итодемте, посоветуемся с товарищами.

Вскоре два всадника растворились во тьме, держа путь к крепости.

— 2 —

Самин-безносый давно прилепился к Иргашу-малому, вместо промышляли. Жизнь изрядно пообломала его, и все-таки он продолжал считать, что уж если повиснуть, так на высокой перекладине. Дружок его залетел высоко, а Самин пока прозябает. И вот он сопровождает в Бачкыр девушку, в предрассветный час встречу на дороге. «Счастливым случай! Благодаря сестре я смогу сблизиться с братом, одним из батыров его степенства — предводителя воинов ислама!» Самин-пучук блаженно улыбался, сопровождая загадочную путницу.

Спецившись, Самин-пучук привязал коня к иве возле караульной.

— Воп мечеть, рядом с высоким карагачом.

— Я знаю.

— Погоди там.

Самин-безносый направился в ставку. Но оказалось, что покамест все спят. Он побывал во всех трех казармах, где помещались джигиты Рустама-юзбани. Когда выходил, его, наконец, лениво окликнул сонный караульный.

— Стой! Тебе кого?

— Рустама.

— Его степенство что ли вызывает?

— Оп...— промямлил Самин.— Где Рустам?

— А никто не знает.

— Нету его, выходит?

— Ну, да... Уже сколько дней.

Самин пожал плечами и поплелся обратно к мечети.

— Здесь он? — так и встретилась Сарвиниса.

— Потерни немного,— снова солгал безносый.— Его степенство вызвало Рустама к себе.

— Какое еще степенство?

— Иргаш или Ходжамберды.

Вопрос девушки показался ему странным. Он с головы до ног

оглядел ее стройную фигурку, закутанную в чачван. И сердце забилось. «А что если... Похоже, красавица редкостная... Преподпесу-ка я ее в дар самому курбаши!»

Эта внезапная мысль показалась счастливой. Рустама след простыл? Вот и повод, чтобы явиться к самому Иргашу! Да и не с пустыми руками. Что удивительного, если его степенство сочтет уместным, повелит: возьми, дескать, себе, раб мой верный!.. Одному шайтану не на что надеяться! Самин-безносый уже строил радужные плапы. «Ну, а если... Нам-то и поплосше сойдет... Как бы там ни вышло, а лучший повод списать благорасположение самого курбаши вряд ли представится. Того гляди, Иргаша-малого обскакать удастся...»

У покоев Иргаша собралось уже множество народа. Среди прочих и Гаибберды, один из джигитов Рустамовой сотни. Из покоев вышел Таджи-миршаб.

— Его степенство занят, — объявил он. — У кого какие дела, примет после полудня. А сейчас он совещается с Шакир-паибом. Так что давайте расходитесь.

— У меня не прошение, — поднялся Гаибберды. — Крайне важную новость хочу сообщить.

Самин-пучук насторожился. Что за новость? Таджи молча скрылся за дверью, через минуту высунулся, поманил Гаибберды.

Тот поспешил войти. Почти сразу же выскочил, от радости рот до ушей.

— Сотником назначили! — кинул он и гордо удалился. Теперь уже Самин-пучук рот разинуя от изумления: везет парню! Ну и ему, Самину, теряться нечего. Подскочил к Таджи:

— И у меня чрезвычайные новости!

— Говорю ведь, сейчас занят! — проворчал тот.

— Ночью мы задержали неизвестную женщину, — торопливой скороговоркой выпалил Самин. — Похоже, лазутчица...

Таджи не успел отреагировать, в дверях показался сам Иргаш.

— Что у вас здесь за шум?

Даваясь от спешки, от боязни, что перебыют, не станут слушать, Самин сообщил о «поймке» Сарвинисо.

Иргаш выслушал его внешне невозмутимо.

— Не сегодня-завтра выступаем на газават, — помолчав, веско проговорил он. — Думать сейчас о женщинах — недостойно воинов ислама. — Он снова умолк на минуту, затем обратился прямо к нему: — Товарищам по дозору скажи, что, мол, сбежала девчонка. А ей самой скажи вот что: «Отправляйся пока в дом деда, где прежде жила. Твой братец Рустам отлучился по важному делу. Для тебя через три-четыре возвратится». И — забудь все это! Но дай бог, если хоть кому-то еще...

— Понимаю, ваше высокое степенство, как не понять!.. — закивал Самин-пучук.

— Твоя верность не останется незамеченной... впоследствии, — бросил Иргаш напоследок и удалился, плотно прикрыв за собой двери...

— Но ведь продал дедушка этот дом... — растерянно проговорила Сарвинисо, выслушав запыхавшегося Самина. — Где же терешший хозяин?

— Ваш братец Рустам откупил обратно, — заверил Самин-пучук, мгновенно сообразив, как дополнить наставление курбаши.

— Братец Рустам... — проговорила Сарвинисо полушепотом. — Значит, ждать его велено?

— Ну да. А там ворота шестом подопрешь, калитку на цепочку — и ожидай.

Сарвинисо не замечала дороги. «Стены мои достигли, наконец, слуха всевышнего, — думалось ей. — Как хорошо: братец Рустам придет, мы будем вместе! Разожжем огонь в очаге, что вон сколько времени, холодным стоит...»

Откуда было знать бедняжке, что сама ступает она в новую западню...

Сарвинисо заглянула в ворота, осмотрелась. Вместо прежнего навеса — айван, виноградные лозы над ними очень кверху разрослись. А загон для скота сломан. Двор совсем зарос белой пылью. Кто же здесь приглядывает за хозяйством?

...Вот и подперты шестом ворота, взята на цепочку калитка. Сарвинисо несмело, задумчиво ступила на порог родного дома. Вдруг с улицы постучали. Неужто Рустам?!

— Кто? — подбежав, взволнованно спросила она.

— Откройте-ка!

Женский голос. Сарвинисо убрала подпорку.

— Ваше имя я знаю. А меня зовут Каракаш! — с этими словами незнакомка, сняв паранджу и кинув ее на айван, раскрыла объятия, точно встретила любимую младшую сестру.

Сарвинисо растерялась. Не по душе с первого же взгляда пришелся ей облик этой женщины — по виду лет тридцати пяти, с подведенными прищуренными глазами, густо крашенными усмь дугообразными бровями, с неестественно ласковым выражением холеного лица. Кто она? Пришедшая меж тем не давала Сарвинисо рта раскрыть. Она, мол, Рустаму все равно что старшая сестра. А пока он вернется, будет жить здесь, вдвоем с Сарвинисо.

— Так что вы мне — сестренка младшая, — рассыпалась Каракаш-айм, в точности, как ей наказывал Иргаш. — Как его степенство Коканд возьмет, быть вам младшей свояченицею нашей!

Весь облик непоявленной «сестрицы», две смысловые ее речи насторожили Сарыннiso, встревожили. Сейчас же бежать отсюда! Но куда?..

— 3 —

Таинственные разговоры, которые шепотком вели отец и мать, возмущали и беспокоили Мафират. Братец Ярмат далеко... Ах, если б рядом был хоть кто угодно, живая душа, с кем посоветоваться, горем поделиться! Она в ярости сжимала кулачки, когда на память приходил Каримберды. Подумать только: у самого же-на—чудо-красавица, хоть солнцем ее назови, хоть полною луной, а еще на других зарится! Ух, объявился бы сейчас братец Ярмат, паехал бы конем на того спесивого Каримберды, саблей взмахнул у него над головой!.. «И зачем только я девушкой родилась, а не парнем! — не однажды сетовала Мафират.— Почему воля женщины не у нее самой в руках? Пожалуй, стоит посоветоваться с сестрицею Зеби... Пусть знает хотя бы, что не соперница я ей!..»

Прозошедший накануне тайный короткий разговор с незнакомцем, тихонько окликнувшим ее из-за дувала, придал Мафират решимости.

Наутро она направилась в дом Хайдарали, отпросившись якобы к подружке-соседке.

Войдя и поздоровавшись с хозяйкой, Мафират мельком огляделась. Зеби не видать. Хорошенький мальчуган, годовалый или чуть постарше, ковыляет, что-то лепечет...

— Тетушка,— стараясь скрыть волнение, заговорила Мафират,— у меня важное дело к сестрице Зеби. Нельзя ли ее позвать?

— Что же за дело у вас? — в свою очередь с тревогой осведомилась Нарыннiso.

— Поверьте,— взмолилась пришедшая,— это очень важно!

— Ну так заходите в пчкарю,— пригласила хозяйка.— Она здесь.— Нарыннiso жестом указала на дверь.

Сама вышла, побродила было по двору, но не выдержала, вернулась. Глянула сквозь приотворенную дверь и невольно подалась назад: Мафират заливалась слезами, обняв Зеби, склонив голову ей на плечо.

— Простите меня! Простите! — твердила Мафират.

— Да за что? — тихонько гладила ей голову Зеби. У нее самой в глазах стояли слезы.— Ты-то, бедная девочка, здесь и при чем.

— Ненавижу! — Мафират скрикнула зубами. — Сама видите... даже мой труп ему не доверила бы!.. И вам невольно горе причиняю.

Зеби сидит выпрямившись, лицо неподвижно, словно окаменело.

— Что судьбою предначертано, того, видно, не мыновать.

— Нет уж, убегу я!

— Неужто решишься? — горько усмехнулась Зеби. — И куда же?

— Пол-Коканда в руках у бедняков! — воскликнула Мафират. — В одних рядах с мужчинами видели женщин!

— Кто видел?

— Тот человек, что принес мне привет от братца Ярмата, — до конца открылась девушка. — Рустам-ака тоже там. Я уж про все выпросила...

— Слабы мы, женщины, что мы можем? Как бы не угодили в руки дурного человека...

— А я не боюсь! — гордо выпрямилась Мафират. — Эх, будь я на вашем месте — тонором пришибла бы этого Каримберды... уже за одну только неблагодарность по отношению к вам!

— Но ведь он отец сына моего... И силой меня не выпуждали, как тебя. Сама шла. Тем тяжелее. — Голова Зеби поникла. — Спасибо за все, у тебя доброе и чистое сердечко. А теперь ступай, оставь меня одну. И дай тебе бог лучшей доли.

Мафират молча поклонилась и вышла. Неужто гордая красавица Зеби совсем покорилась судьбе, сломилась от горя?

— 4 —

Каримберды и его люди так и не отыскали Умар-бая, — ни живого, ни мертвого. Тревога и страх охватили Каримберды. Он теперь вздрагивал от звука собственных шагов, избегал и врагов, и друзей. Старой Джаннат это пришлось не по душе.

— Так и будем сидеть, рот разинув? — не выдержала она наконец. — Умереть бы мне лучше, чем до такого дожить!.. Ох, дитячко мое! — со слезами запричитала о старшем сыне. — Да в чьи же это руки угодил ты, чтоб у того дом сгорел и сам в пекло отправился!

— Что же теперь — мне самому идти голову свою положить?! — вскинулся Каримберды. — Вы готовы моим телом насытить врагов!

— Конечно, тебе бы только спать не мешали, — скривила Джаннат-хола рот в негодовании. — Совсем глаза твои бесстыжие

заплыли. Да мужчина ли ты? А ведь был джигит, горячая кровь.

— Э-э, матушка, это вам не скачки, не улак... Так что я должен делать?

— Да хоть что-нибудь! — старуха опять сорвалась на крик. — Хоть бы погоревал... Старший брат пропал невесть куда, он же тебя вспоил-вскормил в этом мире... А ты...

В тот момент, когда мать и сын молча сидели по разным углам, насупленные, разозленные друг на друга, вошла, ведя сынишку за руку, Зеби — она куда-то исчезла еще утром и с тех пор не показывалась.

— Ты где это шляешься, отродье нищих?! — Каримберды решил на жене сорвать злобу.

— Каждый кроит халат по себе, — негромко, сдержанно ответила Зеби. — Только не из побирушек я родом, родители мои своим трудом хлеб добывают, не чужой кусок едят.

— Слыхал, в чей огород камешки? — вытаращив глаза, обернулась к сыну Джаннат-хола. Не помня себя, она схватила попавшийся на глаза веник, со злобой замахнулась на невестку. Но та, не дрогнув, твердо глянула ей прямо в глаза.

— Вон, смотри! Видел? — не выдержав ее гневного взгляда, Джаннат снова обернулась к сыну. — На голову нам сесть норovit! Ох, не знаю, помрачнение на меня, видно, нашло, что такую змею в невестки выбрала.

— Это не на вас, — горько усмехнулась Зеби, — на меня помрачнение нашло, что в дом этот постылый вошла.

— Каримберды, гони ее вон! — вскинулась старуха. — Вошла в нашу семью эта... — и счастье отвернулась от нас. Гони ее!

— Я тоже этой жизнью сыта по горло! — схватив за руку сына, Зеби решительно повернулась к двери. Но едва она ступила на порог, Каримберды, выхватив из рук матери веник из сухой колючки, набросился на жену, принялся хлестать по лицу, по рукам, пытавшимся защитить глаза, прекрасные, как у пери глаза... Отбросив веник, схватил ее за волосы, втолкнул в соседнюю комнату, захлопнул дверь. Малыша, который пополз было следом за матерью, Джаннат-хола с причитаниями потянула в другую комнату.

...Оседлав коня, Каримберды поспешил в Бачкыр. У курбаши рука длинная, а с братом они ведь дружбу водили...

Иргаш молча, но со вниманием выслушал гостя. Потом выразил сочувствие «матушке Джаннат». Уже будучи осведомленным, что Сарвинисо прискакала в Бачкыр на лучшем коне Умара, он сразу понял: у нее в руках нить от этого клубка. Однако до сих

вор не нашел времени ни отыскать следы исчезнувшего бая, ни даже повестить Сарвинисо. И теперь он утешал растерянного Каримберды словами, заведомо лживыми.

— Вашего уважаемого брата, без сомнения, большевики держат под арестом, — он опустил ладонь гостю на плечо. — Все наши помыслы и силы мы сейчас устремляем на Коканд. Даст аллах, вызволим и почтенного Умар-бая. Больше не смею вас задерживать.

— Наша судьба, — в ваших руках, — бормотал Каримберды, пятясь к выходу. — В долгу не останемся.

— Ну, какие счеты между единоверцами, — изобразил Иргаш любезную улыбку. — Общее дело у нас. Уж как-нибудь сочтемся.

Каримберды поспешил обратно в Янгикурган с таким чувством, будто старший брат уже ехал следом. Но, приблизившись к усадьбе, вдруг увидел, что правая половина ворот распахнута настежь.

— Все ли благополучно? — встревоженно кинулся он к матери.

— Вай, сынок, чуть было не лишился ты матушки своей! — со слезами запричитала Джаннат. Прерывая рассказ проклятьями, поведала, как запертая в ичкари Зеби вырвалась, кинулась в ворота; она, Джаннат, преградила ей путь, но невестка отшвырнула ее. Не иначе, искалечить хотела, а то и убить...

— Что же вы ворота раскрыли?! — закричал Каримберды, пербив ее. И только теперь увидел: калитка, сорванная с петель, валяется на земле. Выбежал на улицу, пустился со всех ног, будто следом собаки гонятся... Вот дом Хайдарали. Пинком распахнул калитку, тяжело дыша, ворвался во двор. В глубине его, при слабом свете копилки, Хайдарали колот дрова к завтрашнему базару. Словно не заметив хозяина, растерянно пробормотавшего: «Салам!», Каримберды кинулся в дом, в ичкари. «Не приходила сюда! — мелькнуло в сознании. — Какой же ветер и куда ее унес?!»

Хайдарали, забыв положить топор, вбежал в дом почти сразу же вслед за неожиданным гостем.

— Не приходила? — обернулся к тестю Каримберды.

— Да кто?

— Дочь ваша, вот кто!

— Аллах спаси и помилуй! — побледнел Хайдарали. — Что случилось?

— Правду скажите, веры не забывайте! — повысил голос Каримберды. — Где она?

— Вы говорите, да не заговаривайтесь! — вскинул и Хайдарали.

— Отвечайте, спрятали дочь? И ее найду... На небо влезла — на ногу стяну, в землю закопалась — вытащу за ухо! Уж за все взыщу. И вам ее поздоровится. — Он осекся, глянув на топор в руках хозяина. Но, приблизившись к выходу, опять повысил голос: — Все вы... все... сапоги будете мне ливать!

Он выбежал, изю сапог сил гремяв калиткой. Хайдарали оторопело глядел ему вслед.

— 5 —

За короткий срок Рустам успел побеседовать с Мелибаем Абдуллаевым, которого все называли Мели-Урус, с Удаловым, Назиром Туракуловым и еще несколькими товарищами. Ему сказали, что относительно Сарвинисо будут наведены справки при помощи доверенных людей, которые продолжают тайно действовать в ставке Иргаша.

— Очень я тревожусь за Сарвинисо, — признался он Туракулову, который особенно сумел расположить его к себе внимательным, деликатным отношением. — Простю не знаю, что и делать.

— Скажите, вы пришли к нам только ради того, чтобы пробиться к Сарвинисо? — пытливо глянул ему в глаза Туракулов. — Не забывайте: мы все сообща боремся за то, чтобы сблизить чаянья тысяч таких, как Сарвинисо, всего народа! Если вы руководствуетесь лишь чувством ненависти к Иргашу... Поймите, мы все здесь немало натерпелись от царских палачей, да и от своих тоже. Но времена нынче такие, что не позволяют отделить свое, личное, от общего.

Рустам молча кивнул: понимаю. Однако все его помыслы были там, в Бачкыре...

Появление Рустама в красногвардейском гарнизоне пришлось очень кстати. Бабушкин и его сподвижники прекрасно понимали, какие от бывшего сотника можно получить важные сведения о том, что предпринимает Иргаш, о его планах и приготовлениях, о настроении в «низзах», в массе джигитов и дехкан. Да и сам факт его добровольной явки уже о многом говорил.

И вот, три дня спустя, Рустама вызвали на заседание Военного совета. Когда он вошел в кабинет Бабушкина, все уже собрались. Сперва был заслушан доклад о том, что Ислам-палван наращивает силы, и принято решение воспользоваться раздором между ним и Иргашем. После этого Ефим Андрианович обратился к Рустаму, жестом руки обвел присутствующих.

— Вот эти люди представляют в Коканде нашу революцию, они ее доверенные. А теперь слушаем вас.

— Высокие господа... — выпрямившись, но склонив голову, произнес Рустам, — да не будет поставлено мне в вину...

Собравшиеся переглянулись.

— Не удивляйтесь, — увидев замешательство Рустама, проговорил Бабушкин. — Такое обращение здесь не годится. В нашей среде следует обращаться друг к другу со словами «товарищ».

— Хорошо... Хорошее слово уртак... товарищ...

— Вот так лучше, — улыбнулся Бабушкин. — И о вине не нужно. Преданность делу народному докажете делом. Продолжайте, пожалуйте.

Рустам кивнул.

— Прошу познакомить меня с каждым сидящим здесь, — сказал он вдруг.

Снова недоуменные взгляды, даже недовольные.

— Большая просьба: не удивляйтесь, — нарушил Рустам царившую неловкую тишину. — Это необходимо совсем не для меня.

— Ну, вот это, перед вами, — пожав плечами, начал Бабушкин, — Назирджан Туракулов, рядом — Абдуллаев Мелибай. Обоих вы знаете...

— Лексашов, железнодорожник, — уловив взгляд Бабушкина, поднялся сидевший с Мелибаем коренастый человек в кожаной куртке.

— Это Назирджан, с ним вы тоже, кажется, знакомы, — назвал следующего Бабушкин. — Алексей Захаров, наш комендант... Железнодорожник Сали Агзамов... Юрий Захаров, тоже со станции... Николай Удалов, Исраил Ахунов, Петр Захаров, Хамид Юсупов, они все с хлопкозавода... Дальше — печатники Акбар Исламов и Мухиддин Ходжаев... Еще железнодорожники — Салим Халилов и Мухиддин Ходжаев... Ну как, все теперь? — Бабушкин с улыбкой обернулся к Рустаму.

— У меня еще просьба, — невозмутимо продолжал Рустам. — То, что я сейчас скажу, не должны слышать те, кто носит фамилию Халилов, и еще... Захаровы...

— Все, у кого такие фамилии?

— Да!

— Но почему?! — почти в один голос возмущенно выкрикнули двое из трех однофамильцев Захаровых, а комендант с возмущением добавил: — Это что еще за фокусы?

— Такова моя просьба, остальное — дело ваше, — Рустам поглядел сперва на Бабушкина, потом на Туракулова.

— Извините, товарищи, — подумав секунду, обратился Бабушкин к собравшимся. — Тем, кого назвал Эшматов, вам, товарищ комендант... вам, Юрий и Петр... еще вам, товарищ Халилов,

п тебе Назирджан, объявляется перерыв на четверть часа. Прощу!

В кабинете воцарилась недобрая тишина. Двое Захаровых — Юрий и Петр, ни слова не сказав, поднялись и зашагали к выходу. Не шевельнулся третий — Алексей Захаров, комендант крепости.

— Это что же... — медленно, с угрозой проговорил он, — станем теперь шею гнуть перед холоуями разных курбаши?! — он осмотрелся, увидел устремленные на него взгляды и сорвался на крик: — На голову нам взобраться хотят!

— Товарищ Захаров, — в голосе Бабушкина прозвучала стальная нотка. — Предлагаю как председатель Военного совета... удалиться немедленно!

Ненавидящим взглядом резанув Рустама, комендант поднялся; хотел что-то еще сказать, но лишь махнул рукой и поспешно вышел. А Рустам с удивлением глядел на своего знакомого Назирджана, который, потупившись, тоже встал и двинулся к двери.

— Куда же вы, Назирджан-ака?

— Так ведь он тоже Халилов, — отозвался Бабушкин вместо него. — Этому Халилову можно остаться?

— Ну конечно! — Рустам покраснел, устыдившись своей оплошности...

— Есть немало людей, которым Иргаш полностью доверяет, — заговорил он, когда все успокоилось. — Я тоже был в их числе... Скажу коротко: для захвата Коканда Иргаш собрал крупную силу. К нему пришла подмога из Андижана, Намангана, Ходжента, даже из Ташкента. Ожидается помощь и от эмира бухарского. В Бачкыре появляются время от времени инглизы, люди из Турции, Афганистана. И не с пустыми руками... На джигитов, которых я возглавлял, была возложена задача: товарища Бабушкина схватить живым и доставить в Бачкыр. Таково решение съезда улемов. Какому юзбашу приказано сделать это теперь, не знаю... Предполагалось, что возле вашего дома, — Рустам обратился к Бабушкину, — мы должны будем встретить часовых, которых выставит начальник по фамилии Захаров... капитан Захаров.

Его теперь слушали, затаив дыхание. А Рустам рассказывал и рассказывал. О том, что Иргаш подготовил специальные команды для разрушения железнодорожного пути, снятия и увоза рельсов — чтобы прервать связь между Кокандом и Ташкентом. О соглашении с курбаши Рахманкулом, который объявился в Канибадаме: за помощь в разрушении пути в его полное распоряжение предоставлялся Бешарык с окрестностями...

— Обо всем, что происходит в крепости, Иргаш получает сведения от человека из вашей среды по фамилии Халилов. Только не знаю, как его зовут.

Тут Бабушкин жестом остановил Рустама, поглядел на Абдуллаева, одними глазами велел: задержать! Мелибай поспешно удался.

— Связной между Иргашем и этим Халиловым,— продолжал Рустам,— старший сын некого Хашима Насыри, одного из мударисов медресе Мадали-хана. Связной тайно приезжает в Бачкыр. Среднего роста, лет, примерно, сорока. Приволакивает левую ногу. Вот имя его назвать, к сожалению, тоже не могу...

— Хорошо,— проговорил Бабушкин, слушавший Рустама с напряженным вниманием.— Очень хорошо!

Ему все больше нравился этот человек, его выдержка и самообладание в непривычной обстановке, его зоркость, наблюдательность, прекрасная память, весь его облик, когда он говорил — спокойно, уверенно, несмотря на волнение, только глаза сверкали решимостью.

— Захарова, коменданта задержали! — распахнув дверь с порога выпалил Абдуллаев, заставив всех вздрогнуть.— Успели схватить оба других Захарова, Петр и Юрий... А Салим Халилов бросился к воротам; часовой видит — дело неладное, преградил путь. Тот часового ножом в бок — и бежать...

— Так и ушел?! — Бабушкин вскочил. За ним, точно по команде, разом поднялись все остальные.

— Ребята — на коней и в погоню! — еле переводя дыхание, продолжал Абдуллаев.— Пеший он далеко не уйдет.

— Вот,— Бабушкин повернулся к Рустаму.— Ваши слова подтверждаютсЯ.

— 6 —

Зеби, то поднимая ребенка на руки, то вскидывая на спину, двигалась вдоль главной дороги, поодаль от нее. Около полуночи добралась, наконец, до кишлака Турвак. Она совсем обессилела, перед глазами плавали темные круги. Присела на меже. Малыш то и дело принимался хныкать. Зеби прижала его к груди, чтобы звук далеко не разносился. Сама она неотступно думала о людях, про которых ей рассказала Маффират, всю душой стремясь поскорее увидеться с ними.

«Что подумает братец Рустам, когда обо всем узнает? — промелькнула мысль.— Да ведь не его иду я искать!»

Зеби пугливо оглянулась — не гонится ли следом Каримберды? Нет, все тихо...

«Должны же найтись люди, которые сумеют нас защитить! А назад пути нет. Все украшенья, все богатство — будь они прокляты!»

Склонившись, она лбом потерлась о щечку ребенка. Суждено ли ей встретиться с теми добрыми людьми? Кто б они ни были — узбеки ли, татары, урусы, таджики или киргизы — все равно, только б дойти! Она все объяснит, они должны понять, почему среди них очутилась байская жена.

Собрав последние силы, Зеби поднялась на ноги. Обойдя Турвак стороной, обогнув Ташкентский брод, когда уже Зухра — светлая Венера — поднялась над самой головой, она приблизилась к Тохлымергану на окраине Коканда. Едва увидела темнеющие вдалеке городские строения, как ее снова охватил страх. В каком конце города отыскивать тех людей? К кому обратиться, с какими словами? Жаль, смелая Мафират не стала ее спутницей, да хоть надоумила. Сзади послышался конский топот — всадники, человека три или четыре. Им довериться? А если это Каримберды со своими прихлебателями?.. Чтобы ее не заметили в предрассветном полумраке, свернула с тропки, скорее к туговому дереву, что чернеет у арыка; присела на корточки, голову наклонила, затаилась... Тут опять расплакался вконец истомившийся малыш. Зеби пыталась ладонью зажать ему ротик, совала грудь — ничего не помогает. Но странно: всадников словно бы испугал детский плач, едва доносившийся откуда-то из-за арыка, они повернули коней с тропы, поспешили на большую дорогу. Дождавшись, пока перестук копыт совсем стих, Зеби с ребенком двинулась следом. Вспомнила: где-то здесь неподалеку живет Халпл-ямакчи — саножник, давний добрый приятель дедушки Эшмата. Сразу прибавилось сил. Только жив ли он, ведь тоже старик? И жена его знает ее, Зеби...

...Когда, вконец обессиленная, она постучала в ворота, солнце еще не взошло, однако заря уже сорвала и закинула куда-то далеко черное покрывало ночи. Со двора донесся приглушенный возглас хозяина: «Спаси и помилуй!..» Слышно было, как он, сдерживая дыхание, прислушивается у самых ворот.

— Откройте, пожалуйста! — взмолилась Зеби. — Это я, внучка Эшмата!

— Зеби?! — послышался изумленный голос старика. Стукнул засов. Опустив наемь сынишку, Зеби обхватила за плечи вышедшего ей навстречу старика.

— Ох, не порадовать вас приняла я! — она не в силах была сдерживать рыдания.

Халил-ямакчи поднял ребенка. Не стал спрашивать — о чем, дескать, плачешь, откуда явилась в неурочный час. Только кликнул старуху.

К порчи появился Назирджан, еще с утра уведомленный отцом.

— 7 —

Миновала целая неделя. О Рустаме — только слух один, а самого нет и нет... Те же, кто окружал теперь Сарвинисо, — Каракаш, невесть откуда взявшаяся старуха Назик, чопорная Саддиатын, — лишь изредка, двумя-тремя словами поминная о близком приезде Рустама, всякий раз неизменно переводили разговор на Иргаша, расточая ему восхваления. Они уподобляли стать и осанку курбаши облику беркута, силу его рук — силе льва, крутые плечи — мускулам слона. Женщины отнюдь не для одной только Сарвинисо толковали, будто на Иргаша украдкой кипул благосклонный взгляд сам халиф Али, «лев господень», — нет, они и сами свято верили в это. Кто бы мог подумать, что таких высот достигнет человек, еще сравнительно недавно лестью и подарками втершийся в доверие вот к этой же самой Назик-кампир, что свела его с любвеобильной Каракаш? Не чудо ли это? Поначалу Сарвинисо из уважения к Рустаму, — ведь она была убеждена, что он с Иргашем заодно, слушала разглагольствования этих размазанных женщин, но позже, когда те начали заводить все более откровенные речи об Иргаше, насторожилась.

— Скажите, наконец, прямо, почему не приезжает братец Рустам? — настойчиво приступила она разом ко всем трем, улучив момент. — Если что неладно, все равно скажите!

— Успокойся, — сощурилась в ответ Каракаш.

— Успокойся, — хором поддержали ее товарки.

— Дальше не желаю ждать! — наступала Сарвинисо. — Либо руки наложу на себя, либо вас изведу всех трех! Мне теперь терять нечего, если с Рустамом что приключилось!

Женщины всполошились. Наперебой стали уверять, что сегодня же вечером выведают все как есть; едва умилили гнев расходившейся пленницы. Хотя на самом-то деле, пусть бы им даже смерть грозила — ничего они по своей воле открыть ей не могли. Они и друг дружки-то опасались, взвешивали каждое словечко, чтобы ненароком лишнего не сболтнуть. Втайне, про себя, каждая горько сетовала на Иргаша: такого высокого положения достиг, чего ж он откладывает прямой разговор с этой девчонкой? Поду-

маешь, шахия что ли? К вечеру они тайком от пленницы долго совещались шепотом, то и дело хватали себя за ворота, но так ни к чему путному и не пришли. В результате Каракаш в сумерки отправилась в резиденцию курбаши.

Той же ночью Сарвинисо перевели в дом богатого Камаламсирика...

Она сперва и не подозревала, что вооруженные часовые, сменяясь, днем и ночью обходят с внешней стороны ограду усадьбы. Но однажды, выйдя в сад, заметила их. Будто в каком-то заколдованном мире ощутила себя Сарвинисо. Отрезана от людей, ничего не знает... У тех, кто ее здесь окружает, на словах одно, в глазах — другое... Почему ее переселили? Ответы на этот вопрос — какие-то туманные...

Как-то раз, вечером, мучительно размышляя об этом, Сарвинисо расхаживала у себя в ичкари. Внезапно у двери раздался шорох. Сарвинисо распахнула дверь — прижавшись к стене, притаилась Каракаш.

— Опять шпионите?! — вскрипел от гнева, Сарвинисо внезапно схватила свою мучительницу за волосы. Оказалось — парик, он остался в руках у девушки. На визг испуганной и обозленной Каракаш прибежали обе ее помощницы. Увернувшись от них, Сарвинисо кинулась к выходу, но на пороге вырос человек в халате и чалме, винтовкой перегородил дверь:

— Назад!

В тусклом свете ночника весь облик Сарвинисо — полуодетой, растрепанной, возбужденной, со сверкающими прекрасными глазами, трещающим стройным ставом — заставил онеметь часового, статного черноусого парня, пробудил у него в душе восхищение и сочувствие. А Сарвинисо, даже не подумав прикрыть лицо, двинулась прямо на ствол винтовки, теперь направленный на нее.

— Стойте! — с угрозой, но почтительно предостерег часовой. — Не то стреляю...

— Стреляй! — Сарвинисо раскинула руки. — Чем я провинилась?

Все три женщины, скучившись, хоронясь одна за другую, в ужасе, дрожащими губами повтбряли одно: «Боже, спаси... спаси и помилуй!»

— Вы... — предательница... — несколько смутившись, проговорил часовой; назвать пленницу на «ты» он по-прежнему не решился.

— Почему? — Сарвинисо вплотную подошла к нему, и он пельовно опустил оружие.

— Печего прикидываться простушкой! — часовой попытался презрительно поджать губы, хотя вовсе не был уверен в своей правоте. — Вы — враг нашего предводителя, нашего дела.

— Как это — враг? — Сарвинисо искренне недоумевала. — Я нареченная невеста Рустама-юзбаши. Где он?

— А-а, вон оно что!.. — хмыкнул караульный. — Так он еще когда убежал к кяфирам.

Сарвинисо окаменела при этих словах.

«Эх, простофиля! — с закушенными губами укоризненно глянула Каракаш на часового и этим вконец его обескуражила. — Все дело испортил!..» Сама однако же быстро собралась с духом.

— Видали? — визгливо зачастила она. — Мы с ней нянчимся, с бесовским отродьем, а она все больше на голову нам взбирается! Ну, теперь пускай пеняет на себя! В колодки ее, руки-ноги связать!

«Неужели я сама далась вам в руки?!» — между тем сокрушалась про себя Сарвинисо, слов Каракаш она и не слыхала. Ей вспомнилось, как однажды покойный дедушка, придя домой с чьих-то поминок, печально размышлял вслух: «Да, все мы рабы аллаха, сырым молоком вспоенные! Что к добру, что ко злу сами нахлестываем коня своего... Только родился человек — и уже за смертью своей устремляется в погоню, так прямиком и правит к собственной гибели...» Неужели эти дедовы рассужденья, которым так трудно поверить в юности, теперь относятся и к ней, Сарвинисо?

— Вы бы уже сдерживали себя, крепились, язык прикусив... — миролюбиво посоветовал часовой, смутно понявший ее состояние, нарушив внезапно повисшую тишину. — Что тут поделаешь? Только мучаете понапрасну себя и других...

— Людоеды! — вздрогнув, срывающимся голосом крикнула Сарвинисо. — Что вы еще замышляете?! Хватит, не стану дольше терпеть!

Осознав, что все ее надежды пошли прахом, Сарвинисо с внезапным приливом сил оттолкнула своих мучительниц и, не замечая больше ни часового, ни его угрожающе наставленного ружья, опрометью кинулась во двор, залитый лунным светом.

— Остановись, говорят тебе! — в отчаянии крикнул ей вслед парень. — Я же головой за тебя отвечаю!

— Держите ее! — в беспамяත්стве завопила Каракаш. — Если убежит — всем нам конец!

Словно по команде, все четверо кинулись на метавшуюся у массивных ворот Сарвинисо и, несмотря на ее отчаянные сопротивления, связали по рукам и ногам.

...Хотя было уже полночь, Каракаш тут же поспешила к Иргашу. Выслушав наперсницу, тот опять-таки строго-настрого повелел: никаких утеснений Сарвинисо не чинить, однако под страхом смерти не допускать ее побега и разглашения тайны пребывания девушки в Бачкыре. У Иргаша появился новый план — превращения строптивой пленницы из наложницы в заложницу.

Тайна была как будто соблюдена, однако черноусый караульщик ходил сам не свой, на что не могли не обратить внимания другие джигиты...

— 8 —

Ранив часового и выбежав из крепости, Халилов в вечерних сумерках незаметно сумел взобраться на карагач, что возвышался на противоположной стороне улицы. Дождался, пока проскакала погоня. Он понимал: если спустится, то не уйти от преследователей. Конечно, сейчас они пошлют вооруженных людей к нему домой, к знакомым, постараются отрезать дорогу на Бачкыр... И все же нужно любым способом пробираться туда, только туда! Вот еще караульные из крепости — возвращается дозор, отосланный вдоль улицы... Один фонарем освещает темные углы, деревья... Не заметили! Скрылись в крепостных воротах.

Осторожно высунул голову из ветвей карагача. Кажется, никого... Откуда только он свалился, этот проклятый Рустам-юзбашин, предатель?! Вот так беда и приходит... Живешь, и не знаешь, откуда.

Убедившись, что ниоткуда не слышать шагов, Халилов легко, как кошка, соскользнул с дерева. Крадучись вдоль русел сухих арыков, под глухими дувалами обогнул Каландар-хану и направился в сторону Чалчика. С тех пор как в городе пошаливало «святое воинство», жители сразу после ужина прекращали всякое передвижение и наглухо запирались изнутри. На темных улицах — ни души. Халилов обошел мазар Кок-Ютал и со стороны Калта-Тая вышел на дорогу, ведущую в Бачкыр. Перевел дыхание: там — свои, там сообщники.

Через Турвак не пошел, чтобы сократить путь и не парваться на конную или пешую заставу красных. «Уже, наверное, всех оповестить успели», — с ненавистью подумал он. Ну, ничего, отсюда он уходит жалким беглецом, а вернется... Только бы вернуться, а там он покажет этой голытьбе... Все-таки сумел он их провести, и когда втерся в доверие, и сейчас, ловко уйдя от погони.

Тень, внезапно мелькнувшая на середине дороги, заставила его остановиться... Почуял — тот, тенью застывший впереди, тоже наблюдает за ним.

— Кто ты? — впервые после бегства из крепости хрипло подал голос Халилов.

Незнакомец не ответил. Салим выхватил маузер, опустил предохранитель, пригрозил:

— Отвечай, иначе стреляю!

— Я... — прозвучал неуверенный девичий голос.

— Куда направляешься? — У Халилова отлегло от сердца, но маузер он на всякий случай держал наготове.

— В Коканд, хочу родственника разыскать.

— А кто он?

— Ярматом его звать.

— Из Аккургана, что ли?

— Вы его знаете? — оживилась девушка.

— Конечно! — Халилов пока не знал, что предвещает ему эта встреча, но какое-то шестое чувство подсказало дальнейшее поведение. — Так ты в самом деле его родственница?

— Я дочь его родичей, — простодушно поведала Мафират. — Мы выросли вместе, в одном дворе. Он очень хороший!

— Как тебя зовут?

— Мафират мое имя.

— О, так твое имя у Ярмата с языка не сходит!

— Правда?! — лицо Мафират зарделось под чатваном.

— Ну еще бы! — подхватил Халилов. — Но ведь Коканд окружен басмачами, не пройти тебе. А братец твой Ярмат тайком собирает силы в Питраке... Я вот... к нему и направляюсь из Коканда... с кое-какими секретами.

— Так возьмите меня с собой! — ничего не подозревая, воскликнула девушка.

— Оч-чень опасно! — Салим решил как следует напугать эту простушку и тем самым заставить еще крепче поверить ему. — Разные курбашки так и рыщут повсюду. Ну, ладно, поплы, да побыстрее!

— 9 —

В ту же ночь красногвардейцы, вернувшись в крепость из дозора вдоль железнодорожной линии, доставили сведенья о Сарвинце, полученные через связных от своих людей в Бачкыре. Едва Рустам узнал, что она — пленница в ставке Иргаша, тотчас поспешил к Николаю Удалову, пазначепному комендантом крепости вместо подлежавшего революционному суду Захарова.

— Что за польза — класть голову задаром? — недовольно проговорил он, выслушав просьбу Рустама. — Напасть сейчас на Бачкыр — где же у нас для этого силы? Девушка в самом логове, под неусыпным надзором. А в одиночку пойдете, тем более ничего не сможете сделать...

— Но у меня нет больше сил терпеть! — Рустам кусал губы. — Ведь она из-за меня мучается. Смерти в глаза глядит ради меня... Кроме меня — кто же еще у нее?!

— Мы все. Революция! — проговорил Удалов. — Разве это дело, если каждый из нас будет поступать, как ему заблагорассудится? Таким способом не мы ли сами, как на Востоке говорится, подольем масла в светильник наших врагов?

— Де ведь она может руки на себя наложить! — Рустам не мог совладать с волнением. — Я-то ее знаю!

— Вы ведь сами сказали, — вразумляюще продолжал Удалов, — курбаши собирают крупные силы. — Если сопоставить, получается, что мы пока слабее. Значит, нужно усилить агитацию, стать еще ближе к народу. Только здесь залог нашей победы. Сейчас направилсь по кишлакам Абдуллаев, Акбар Исламов, Абдурахман Султанов, Назир Туракулов, Назирджан Халилов, Мухиддин Ходжаев... Вас мы наметили отправить в Дангару, тут недалеко... — Он испытующе поглядел на Рустама. — Или, может, у вас другие планы?

Рустам не нашел слов для возражения. Правы и Туракулов, и Удалов. Единственный способ вызволить Сарвинисо — это схватиться с Иргашем и свалить его, а заодно всех, кто за ним стоит.

— Я готов исполнить приказ!

— Сейчас пока отдохните. — Удалову было от души жаль парня и его возлюбленную, но что поделаешь?..

Едва Рустам вышел от коменданта, его окликнули. Оказывается, у крепостных ворот только что спешился неизвестный всадник и передал караульному письмо на его имя.

— Ответ направите в Бачкыр! — нагло бросил всадник и поворотил коня; уже на бешеном галопе прокричал: — Вас тоже там ожидают!..

— Послать бы ему пулю вслед, — возмутился караульный, — да не велено...

Рустам не слышал его. «Сарви, единственная моя!» — стучало у него в мозгу. Скорее бы узнать, что содержалось в письме. Сразу же вернулся к Удалову.

— Что случилось? — удивился тот. Вместо ответа Рустам протянул письмо.

— Вам адресовано, — Удалов взглянул на конверт и отдал обратно. — Почему же не вскрываете?

— Не очень-то грамотен я, — Рустам смущенно вернул конверт коменданту. — А вы по-нашему и говорите, и, слышал я, писать умеете...

«После приличествующего правоверным приветствия, да будет ведомо Рустам-беку, частице сердца нашего, что причиной сего послания послужило удивившее нас его поведение.

То, что Вы покинули наш высокий и чистый круг, хотя между нами никогда не доходило до споров, повергло в изумление не только меня, смиренного, но стало поводом для скорби всего воинства нашего и односельчан Ваших.

Если с нашей стороны совершенно какое упущение, то поведите о сем через кого-нибудь тайным образом. Однако вины за собой не чувствуем и благоволения к Вам не оставляем, как и надежды на раскаяние ваше.

Вы отвратили от нас лик свой накануне того момента, когда мы сочли Вас достойным еще более высокого ранга в войске ислама, что делает шаг Ваш вовсе опрометчивым и неразумным.

Что касается некой Сарвинисо, то в этом отношении да не будет у Вас никаких опасений. Эту девушку, вместе с другой родственницей Вашей по имени Мафират, мы призрели под защитою ислама вдали от дурного глаза и посягательств вероотступников.

Сие послание есть свидетельство сострадания и заботы о правоверных, заблудших, подобно Вам. Во имя аллаха — одумайтесь и вернитесь под наше могучее крыло, не уклоняйтесь от участия в великой священной войне за веру.

Молящийся за Вас
предводитель воинства правоверных
Иргаш ибн Ходжа мберды.»

— Это не самого Иргаша письмо! — определил Рустам. — Где ему такое сочинить...

— Ну, ясно, он-то неграмотный, — улыбнулся Удалов. — Да у него советников-улемов довольно, эти хоть кому голову затуманят.

— Значит, верно — Сарви в лапах у него. Что теперь с ней будет?.. — простонал Рустам. — И Мафират, как птенчик в змеиную пасть, попала...

— Погодите, — сурово сказал Удалов. — Это еще не все. — Рустам удивлено поднял на него глаза. — Письмо, найденное у сбегавшего Халилова дома при обыске, писано в точности тем же почерком... — Комендант выдвинул ящик стола, достал желтый листок, — на один манер с этим...

— Что за письмо?

— Мы вам решили не говорить про него, — ответил Удалов. — Почему — сейчас поймете.

«Высокочтимый приверженец ислама Салим ибн Халил-тура!

После приличествующего приветствия да станет Вам немедленно известно, что один из наших юзбаши по имени Рустам, поддавшись искушению шайтана, угодил в ловушку урусов и проклятых алахом «туртинчи».

Этот же злосчастный является тем, кто отсек голову веретенщику Хайрулле и мулле Исхаку, приятелям Вашим, которые 15-го числа месяца джумадуль-аввал, переночевав у Вас в доме, обнаружили затем симпатию к племени кяфиров и склонились к вероотступничеству...

— Вот проклятый! — изумился Рустам. — Куда повернул!

— Да, это типичная их провокация, — заметил Удалов. — Слушайте дальше: «...Ныне освящается шарнатом то, что Хайруллу-веретенщика и мулле Исхака обрек на кару самолично Рустам-юзбаши без нашего позволения, и Вы вольны уладить это дело по своему усмотрению».

Молящийся за Вас
предводитель воинства правоверных
Иргаш ибн Ходжамборды».

— Что вы на это скажете? — с тревогой спросил Рустам. — Неужели...

— Кто же этому поверит? — успокоил его Удалов. — Боятся они вас! Вот и стараются возбудить к вам недоверие. А заодно не оставляют надежду заполучить «Рустама-юзбаши» обратно, да еще со сведениями о стане красных. Ничего не скажешь, ловко задумано...

Рустам был поражен грязной ложью, коварством своих бывших «хозяев». Однако доверие Удалова было несомненным. На прощанье комендант настоятельно посоветовал ему прилечь отдохнуть, собраться с силами, ведь в ночь Рустаму предстояло патрулирование железной дороги, а впереди ждало первое ответственное поручение Совета...

Ему и самому хотелось бы поспать часок, забыться, однако веки никак не смыкались. Он долго лежал один в казарме: перед глазами стоял образ любимой, и тревоги не оставляли его. Наконец Рустам погрузился в короткий тревожный сон...

От двери послышался жесткий голос, как будто очень знакомый... Женщина разговаривает с Назирджаном. Сарвинисо?! Нет! Откуда же он знает этот голос, пробудивший в сердце затаенную боль?.. Рустам вскочил, бегом направился к передней, рывком распахнул сразу обе створки двери.

— Зеби?! — он не поверил своим глазам. — Неужели... вы?

— Зебихон советвенной персоной, — улыбаясь подтвердил Назарджан, объясняя для себя состояние Рустама тем, что тот ошеломлен неожиданной радостью.

— Как вы здесь оказались? — Рустам наконец переступил порог.— Все ли благополучно?

— Я ушла насовсем. Бежала...— Зеби не поднимала глаза, но в голосе ее не слышалось ни робости, ни смущения, скорее — гордая решимость.

— Как? Почему? Где же ваш муж, ребенок?

— А малыш здесь, у нас,— ответил за нее Назирджан.

— Но как же... из-за чего вы оставили дом, мужа?

— Не беспокойтесь,— Зеби показалось, что ему о себе подумалось в эту минуту, и в ответе ее прозвучал вызов.— Мне и в голову не приходило, что встречу вас тут. Я за правдой пришла. Чтобы поклониться порогу тех, кто и женщину считает за человека!

— Разве близкие родственники так держатся при встрече? — Назирджану, не осведомленному о прежних отношениях между двоюродными братом и сестрой, подобное их обхождение друг с другом представилось неподобающим.— Ну, присядьте же!

— Я... никак не ожидал...— со смущенным видом пояснил ему Рустам, усаживаясь, и опять обернулся к Зеби: — А тетушка моя, матушка ваша, как поживает?

— Не сказала я ей, не повидала...

— Почему же?

— Опасалась, что не поймет, не одобрит, а то и помешает... Тут самой решать надо. Да и потом... ведь женщине порой самой не верится, что ей удастся задуманное. Вот — удалось!

— Неужели от тебя слышу подобные слова! — только и нашелся ответить Рустам, снова переходя на «ты», когда-то так взволнованно звучавшее.

— Жизнь научила! — гордо выпрямилась Зеби.— Разве только мужчина должен бороться за справедливость, за свои права? Женщина ведь тоже человек. Женщина — мать!

— Да ты не волнуйся, Зеби,— искренне восхищаясь ею в эти минуты, заботливо проговорил Рустам и тяжело вздохнул.— А про Сарвинисо ты знаешь что-нибудь?

У Зеби в глазах сверкнули слезы, она молча покачала головой.

— Я пришла... чтобы избавленья отыскать! — глухо заговорила она.— Для Сарвинисо... для таких, как она, для всех нас...

— Ты совсем, совсем другой сделалась, Зеби,— задумчиво произнес Рустам.— Видно, и впрямь вся жизнь наша прежняя другой становится,

И Зеби, и Мафират бежали... Ничего подобного оскорбленному Каримберды не могло бы явиться даже в седьмом сне. И это еще крепче связало его с Иргашем, он зачистил в ставку курбани, любые его поручения выполнял. Каримберды вбил себе в голову, что бегство жены, конечно же, не обошлось без Рустама. И он теперь с нетерпением ждал того момента, когда сможет с ним по-квитаться. Ему удалось настроить Иргаша против Хайдарали и тетушки Наринисо: дескать, это они с Рустамом столковались и устроили побег своей непутевой дочери... Обоих супругов схватили, привели в Бачкыр и заперли под замок.

Получив известие, что Мафират попалась, Каримберды сразу позабыл, что называл ее не иначе как «непутевой». Чтобы вытребовать беглянку, он поспешил в ставку Иргаша. Преподнес ему в дар, не считая саврасого жеребца и быка, еще и того коня, на котором сам прискакал.

Он забрал Мафират, казалось, навсегда сломленную обманом Халилова, и сам доставил к ее родителям. Шеркузи и Сиддыкабуви, донельзя обрадованные, что называется, облобызали ему подол...

Ну что ж, — уснокаивал себя Каримберды. — Мафират еще и получше, чем Зеби. Роза, которую никто не обонял... Если возьмем Коканд — можно и Зеби эту может быть даже простить, пусть сапоги лижет, в нелюбимых женах походит, пока он по-вой насладится... Ну, а коли не суждено все вернуть, так уж хоть пожить напоследок в свое удовольствие... И он решился, нагрянул к Шеркузи: немедля готовить свадебный той!

Шеркузи словно мигом позабыл, какие ему выпали горести да тревоги, — вырядился в дареный зятем будущим новенький халат из бекасама, да так и не снимал его по целым дням. В пучину давних сладостных мечтаний вновь окунулся хитрец Шеркузи. Как будто уже в собственной мощи позванивал золотыми да серебряными монетами, которые прежде доводилось ему видеть только в чужих холеных руках...

Ну, а тетушка Сиддыка — она сделалась тенью своей строити-вой дочки. Ведь не зря сказапо: на кипяченом молоке обожжешься, на кислое станешь дуть... Мафират в дом — и Сиддыка за ней, дочь во двор — и мать следом, куда одна скосит глаз, туда сразу же и другая глядит в оба. Ночами тоже не ведала покоя Сиддыкабуви, бдительно сторожила дочь, сама спала вполуха, птичьей дремотою едва забывшись. Не осталось у бедняги даже мысли ни о чем другом — только бы новому хозяину вручить бесценный товар в целостности-сохранности...

Вот уже и свадьбе срок подошел. Однако в тот самый четверг, на который был назначен той, вышло повеление Пугаша: воспретить какие бы то ни было торжества, да и свадьбы сыграть все разом тотчас после взятия Коканда.

Известие это оказалось все равно что ведро ледяной воды на голову несчастной Сиддыки. У нее разом отнялись руки-ноги, ведь и без того вконец обессилела от неуспешной слежки за дочерью. Ох, уж тут не до честолюбивых замыслов: любую ценой, лучше всего на свете желала спихнуть подальше своенравную девочку, избавиться наконец от нее, и вот на тебе!..

Но, быстро оправившись, хитроумные супруги посоветовались и приняли мудрое решение. И жепиху пришлось по праву разумный совет: свадебный достархан разостлать после того, как край будет умиротворен, бракосочетание же провести немедленно.

Так и сделали. Брачную молитву мулла пробормотал тайком — что называется, в рукав. Сразу же, под покровом ночи, Мафират силой увезли в дом Каримберды. Свекровь, Джаннат-холо, встретила новую невестку, прямо-таки ковром перед ней растилаясь. Однако та была словно в параличе. Очнулась только тогда, когда Каримберды отвел ее в нарядно убранную комнату молодых.

— Не подходите! — Мафират тут же рванулась к двери.

— Я и Зеби прогнал ради вас. — Каримберды эти слова заранее приготовил и сразу решил выложить. — Отвыше все мое достойные — ваше...

— Оставьте меня в покое только сегодня, — вдруг сказала Мафират, будто сдаваясь. — Ну, только сегодня! Хорошо? — Мафират просила с неподдельной искренностью.

Каримберды пожал плечами, ему оставалось только повиноваться. Сухо кивнув, он вышел. А Мафират мигом достала нож, который прятала в рукаве. Решено: она убьет себя...

Вдруг — конский топот снаружи... Шаги нескольких человек... У нее заколотилось сердце.

— Кто? Кто здесь?! — вразнобой послышались возгласы домочадцев и слуг.

— Ружье! — ворвавшись в комнату заезник Каримберды. — Скорей!..

Скользнул взглядом по стенам, она заметила между пирами прислоненный к простенку карабин. Решение пришло раньше, чем сама успела осознать. Неумело схватив карабин и распахнув дверь, Мафират направила оружие в грудь Каримберды.

— Ты что? — испуганно прохрипел он. — Заряжено!

— Ни с места! — предупредила девушка. — Иначе стреляю. —

Не опуская оружия, крикнула в полный голос: — Эй, кто там! Сюда!..

— Рустам-ага, неужели?! — Мафират задрожала от радостного изумления.

Действительно, это был Рустам с друзьями. Разрешения на эту операцию ему даже и не пришлось спрашивать. Как только разведчики сообщили, где сейчас находится девушка, обманутая предателем, ему был отдан приказ доставить ее туда, куда она так стремилась...

— А, это ты, отступник! — пытался хорохориться Каримберды. — Что тебе здесь нужно?

Но его никто не слушал. Ему уже вязали руки за спиной. Единственное, что услышала Джаннат-хола, выбравшись из пустого сундука, куда забралась от страха, был удаляющийся стук копыт да тающие во тьме силуэты всадников.

— 11 —

Давно уже Иргаша не видели таким разъяренным. Он буквально вырвал бумагу из рук имама. Рывнул: позвать Таджи-миршаба! В такие минуты находиться возле него — все равно что под лезвием занесенной сабли... Таджи-миршаб тотчас вошел, растерянно чертя взглядом по земле, словно петух, которого ливнем настигло.

— Вы знали вот об этом?! — Иргаш сунул ему лист бумаги прямо под нос. Таджи-миршаб робко кивнул.

— Такова, значит, ваша бдительность?! — Повсюду разбросали!

Таджи-миршаб — ни звука в ответ. Он сам велел имаму зачитать курбаши подстрекательный листок, ходивший по рукам, однако до последнего момента опасался явиться пред очи Иргаша.

— Подозрительных хоть проверили?

— А как же! — приободрился Таджи. — Согласно имеющимся сведениям, младшая сестра Салима Халил-оглы, которая прибыла вместе с его женой и домочадцами... Она же тайком расспрашивала о некой пленнице Сарвинисо.

Услышав имя женщины, имам воздел руки к небу:

— Воистину, приближается светопреставление!

— Как так, разве семья Салима Халила не осталась в заложниках у «туртинчи»?

— Никак нет, — промямлил Таджи. — Им не чинили никаких препятствий, аресту не подвергали...

— Ну и зря! — рывнул курбаши. — Уж мы бы в подобном

случае не растерялись... Но... какие у вас доказательства, что бумага доставлена именно родственницей Салима?

— Больше некому. Именно она в последние дни ходила по домам, старалась выведать, где семейство неожиданно приросло. Тогда же по всему Бачкыру и листки эти объявились, будь они прокляты!

— Куда же вы ее заточили? — вскинулся Иргаш. — Уже допрашивали? Если нет, давайте ее сюда!

— Да ее... сегодня поутру кто-то из наших же джигитов отвез в город на своей арбе...

— Раззявы! — у Иргаша от гнева побелели глаза. — Всюду предатели!

Когда по вызову явился Салим Халил, Иргаш, дотоле обходившийся с ним вполне милостиво, сейчас буквально разбрызгивал яд, словно перееханная колесом змея. Салиму, который, конечно, никакого представления не имел о том, что натворила его сестренка, горькими и несправедливыми показались попреки курбаши.

— Неужели вы думаете, что я предатель? — такое обвинение для Салима было все равно что чирей на больном месте. И без того на душе было черным-черно, едва он воочию убедился, что в войске Иргаша далеко до полного порядка и согласия.

...Борьба не на жизнь, а на смерть, начавшаяся с выборов в Учредительное собрание, казалось, никак не отзывалась в уединенном кокандском дворе у въезда на Каймаклык-гузар. Да и эта сюда звука не долетает... Вот ненадолго растворяются ворота. Немолодой человек, среднего роста, вроде из духовного звания, выходит и направляется в сторону базара. Это Халил-ата, писарь у казья Миррамыла. Он и вообще-то замкнутый, а теперь словно и вовсе стал беглецом от стремительного бега времени.

Кто же остался во дворе этого набожного человека, счастье жизни полагающего лишь в том, чтобы свято блюсти предписания шариата? На айване согнулась, съежилась, точь-в-точь больная перепелка, молоденькая хозяйская дочь. Уже целый месяц не пускают ее даже до калитки, с соседями через дувал и то не дают словом перемолвиться. И за что такое наказание — почему она кальчиком не родилась? Мулла зачистил к ним в дом, родители совсем построжали...

— Перепелочка, милая! — девушка встала, подошла к иве посреди двора; здесь, в клетке на суку, мечется и вакает пленница-перепелка. — Как я жалела тебя еще совсем недавно! А теперь видишь, — и меня тоже в клетку заточили...

Свадьба, свадебный той! От этого слова ужасом объяло все существо девушки, ноющей болью разлилось по суставам. Да нет, в клетке сидеть — и то слаще... Неужто мама дала согласие?

Ведь сама же еще недавно, едва пробудится спозаранок, — не устает проклинать сватовство, чтоб, говорит, даже слово это огнем спалило! И вот снова даже рта не раскрыла, чтобы возразить. Ох, была бы жива сестренка старшая — выплакаться бы у нее на груди...

Старшую сестру выдали замуж в богатую семью, за байского сынка, глухого от роду. И маленькая Джамила, которая от радости до самого неба готова была подпрыгнуть — еще бы, праздник предстоит — свадебный той у любимой сестры! — прямо-таки онемела от изумления, увидев, что сестра рыдает. Вскоре ей все сделалось ясно. Глухого придурковатого зятя в семье, оказывается, и в грош не ставили. И молодая жена среди новых родственниц, многочисленных невесток, оказалась в роли последней служанки, забитой и бесправной. Целых пять лет жила она, крепко стиснув зубы. И вот награда за долготерпение — глухой взял еще молодую жену, пришлось стать служанкой и у младшей соперницы. Разве можно вынести подобное унижение, труды непосильные?.. И еще не уходил из памяти тот чистый сердцем, трудолюбивый, искусный в любом деле юноша, что прежде был в нее влюблен. Так и закрыла сестрица навеки глаза, в которых еще не потухло желание все-таки увидеть счастье...

Джамила попыталась просить помощи у брата Салима.

— Э! — только отмахнулся тот. — Не до тебя мне. Как говорится, чем девушку сберечь, лучше сберегай соль... Ты что же, решила огорчить отца, который о тебе только и печется?

Кому же в радость такое попечение? Отдают ее шестнадцати лет этому противному муле из махалли Шейххан, который в могиле стоит одною ногой. Страшно, невыносимо!

Целый месяц удерживали Джамилу отцовские угрозы, угрозы матушки, нравуоченья имама, — но нет, нет, никакого терпения больше не остается.

...Однажды ночью сдавленный хриплый вопль поднял на ноги даже соседей... Едва успели вынуть ее из петли уже бездыханную. В ту же ночь на соседской арбе отвезли девушку в больницу в русской части города; посланные за табибом передали — безнадежное, мол, дело, да и грех спасать того, кто против воли божьей пошел...

— Перестань позорить семью! — не однажды повторял брат, навещая сестру. — Возвращайся домой и не противься судьбе.

— Как мне здесь посоветуют, так и поступлю, — упрямо отвечала сестра. Вместе с возвращающимися силами, она ощущала в себе что-то совсем новое, необычное, словно дышать стало легче, чем раньше.

Салим Халил, рядясь в активиста Союза трудящихся мусульман, опасался открыто угрожать сестре.

А вскоре после его бегства Джамила сблизилась с Зеби, которая навевдалась в больницу, помогала врачам и сестрам. И выдворяливающей Джамиле дело по душе нашлось.

Однажды Зеби доверительно обратилась к младшей подруге:

— К вам просьба от товарища Назира Туракулова.

— Какая же?

— Нужно съездить в Бачкыр, выполнить одно поручение. Ведь там ваш брат... Никому, кроме вас, это дело нельзя доверить.

— Я брата не видала с тех самых пор, как он уехал... бежал... туда...

— Вот и поезжайте вместе с его семьей, повидайте брата.

— Ой, боюсь! — призналась Джамила. — Он же меня возненавидел за то, что домой возвращаться не хочу.

Зеби сразу посерьезнела.

— Дело, сестрица, не скрою — опасное. Потому подумайте...

— Это очень нужно... вам и вашим друзьям?

Зеби кивнула.

— Тогда я согласна. Ведь я обязана вам не только своим спасением, но и будущей жизнью...

— Что ж, мы и об этом подумали, — Зеби лукаво улыбнулась. — А вы поезжайте, будто прощения просить. Ну и черните, клините нас на чем свет стоит, — и меня, и всех наших...

— Вай, хитро придумали! — восхитилась Джамила. — Что ж, отправлюсь, а поручение каково?

...Хмуро и неласково встретил близких Салим Халилов. Он несколько смягчился, только когда увидел, что сестра раскаивается в своем упрямстве. Он решил из сложившейся обстановки извлечь всю возможную пользу.

— Вина твоя велика, — наставительно проговорил он, выслушав сестру. — Не только себя, всех нас, всю семью ты ввергла в тяжкий грех! Придется рассказать кое-кому, как плохо обращалась с тобой урусы и эти «туртинчи», поняла?

— Поняла, как не понять! Это Зеби, богоотступница окаянная, меня с пути сбила! — подхватила Джамила.

— А эта самая Зеби знает, что ты сюда приехала?

— Она думает, что я сейчас дома на Каймаклык-гузаре, — с живостью пояснила Джамила.

— Ладно... — Салим Халил изобразил на лице глубокое благочестие. — Прегрешенья твои велики, необходимо их смыть служением аллаху.

— Я теперь не пропускаю ни одного из пяти намазов! — с видом чистосердечного раскаянья поспешила Джамила заверить

брата. — И каждый раз от всей души умоляю всемогущего о прощении!

Салим про себя посмеялся над простодушием младшей сестры; сам же поспешил в резиденцию Иргаша, чтобы доставить самую последние сведенья из вражьего стана.

Как только брат удалился, Джамила обратилась к повестке: мол, тут, возле мечети, живет родственник соседа по городской махалле, схожу, передам, что мне поручили в городе. Пакинула паранджу, с собой прихватила младшего племянника — и в сумерках на улицу. А под мышку сунула пачку листовок — обращение Рустама к односельчанам, размноженное в качестве воззвания Союза трудящихся мусульман, и еще личное письмо от него к Сарвинисо... Ей в конце концов удалось выведать, что Сарвинисо куда-то переселили из дома Камала-мясника. Но куда? В чем доме пребывает она сейчас?..

Однако главное поручение выполнено и нужно возвращаться..

— Значит теперь, — с горечью спросил Халилов Иргаша, услышав его гневный выговор, — мы уже больше не надобны?

— Поглядим! — ухмыльнулся курбаш. — А пока, — вы же грамотей, — почитайте-ка вот это! Иргаш сунул ему в руку листовку. Халилов принялся читать:

«Братья мусульмане, дорогие сородичи, уважаемые односельчане!

Это послание, для вас совершенно неожиданное, вам направляет Рустам Эшмат-оглы, отказавшийся от чина юзбаша в войске Иргаша. Какова тому причина? Спрашивается: ради чьей пользы, во имя чьей выгоды ведет Иргаш войну? Кто озабочен тем, чтобы снабдить его оружием? Представьте себе Иргаша, лишнего всей его опоры — Мадамина-джурабаша из Бачкыра, Халикбая, Исмат-бая из Янгикургана, Нурмат-бая из Аккургана, Гани-бая из Зигыра, Салим-бая из Питрака, богатых заводчиков из Коканда и прочих угнетателей! Тысячекрат благодаренье богу, что я, наконец, правильно понял происходящее. Не по чьему-либо наущению, а своими глазами убедился, куда пытается повести нас преступник Иргаш. Меня глубоко огорчает, что угнетенные губят себя ради Иргаша и подобных ему главарей, точнее сказать — ради интересов тех же баев. По какой-такой причине «благородные» в Коканде озабочены тем, чтобы снабдить оружием и снаряжением Иргашево воинство? Ради чего трудящийся люд в кишлаках, видя, как городские ремесленники выступают против помянутых баев, тем не менее сам головы свои кладет в лапы прежнему угнетателям? Почему идут они против новой, рабоче-крестьянской власти, стоящей за бедняков, против солнца

свободы и благоденствия — против самих же себя?! Доколе же прозябать вам во мраке невежества и веры в лживые посулы богатеев?

Братья с намозоленными ладонями, как следует подумайте: когда бывало такое, чтобы имущие утруждали себя ради неимущих? Оружием Иргаша вы замахиваетесь на своих же братьев — городских ремесленников и рабочих, наконец на обездоленных односельчан ваших. Все больше честных дехкан вступает в борьбу ради уничтожения раз и навсегда байского гнета, находит верный путь в рядах наших избавителей. Каждый из вас может встать на такой путь.

Нынче блюдолизы распускают басни: дескать Иргаш — «отец народа». Но какой же отец грабит своих детей? Как можно оправдать, что он, Иргаш, злодейски похитил девушку, с которой я, по закону нашей веры, по нашим обычаям был обручен?

Остаюсь в надежде, что вы, братья, сумеете понять, на чьей стороне правда и повернетесь к ней лицом.

Союз трудящихся мусульман.

Рустам Эшмат-оглы, член Кокандского Совета».

— Это... это рука Бубушкина... Туракулова! — послышался за спиной Халилова визгливый голос. — Пора, наконец, выступить на решительный бой. Иначе, господа, мы с вами останемся одни перед лицом Советов. Нужно повязать наших сторонников большой кровью, тогда у них не будет пути назад! — Это был только что прибывший в ставку Иргаша Мустафа Чокаев.

— Да, да, жизнь требует этого, — тотчас закивал Иргаш. «Откуда у этого господина такое знание воровских обычаев?» — подивился он про себя. — Надеюсь, — обратился он к ошеломленному прочитанным Халилову, — вы поняли, что искупить внуу перед нами вы можете только одним...

— 12 —

Еще ни разу не выпадала Рустаму дорога в кишлак Дангара, что притулился к противоположному краю города. Вместе с людьми, возвращавшимися с базара, он прибыл в Дангару перед закатом солнца. Рустам шел, поглядывая по сторонам в поисках двора, указанного ему Назиром Туракуловым. Ага, вот он — ворота в одну створку, а возле них белая шелковица в густых раскидистых ветвях...

— Дядя Гаффар! Хов, дядюшка Гаффар! — войдя во двор и притворив за собой ворота, окликнул Рустам хозяина.

— Кто?—из дома показался старик, рослый, плечистый, но уже слегка согнутый, с закрученными усами, а глаза под густыми бровями пронзительные... Где он видел этого человека?

— Ассалам алейкум, дядюшка! — поклонился Рустам.

— Проходите, сынок!

— Я из города,— сообщил Рустам, ощутив искреннее радушие хозяина.

— Луч света один за другим! — непонятно отозвался старик.— Должно быть, от почтенного Назирджана?

— Так и есть.

— А мы еще со вчерашнего вечера вас поджидали,— сообщил Гаффар-амаки, сопровождая гостя в дом.— Проходите без опаски, женщины в дальней комнате.

Рустама не покидали все те же мысли. Когда он видел этого человека? Удобно ли спросить? Или, может, просто похож на кого-то?

— Пожалуйста, сынок! — хозяин пригласил его к дастархану.— Угощение вначале, беседа — потом.

— Спасибо,— Рустам рассеянно принял пиалу с чаем.

— Вы что-то задумчивы? — осторожно поинтересовался хозяин.

— Извините, уважаемый... Сдается мне, где-то я уже встречался с вами.

— Вы откуда родом?

— Из Бачкыра.

— В тех местах у меня много знакомых,— кивнул хозяин.— Ни одно торжество без меня не обходилось. Вот на улаке, верно, и приметили меня.

— Ие, так вы тот самый Гаффар-амаки! — оживился Рустам.— Лихой наездник!

— Состарился я! — вздохнул Гаффар, крепко захватив в горсть седеющую бороду.— Теперь я Гаффар-аксакал...

В тот же миг в ворота постучали. Хозяин поднялся.

— Созывают весь кишлак,— сообщил он, вскоре вернувшись.— Приедут представители власти бедняков. Наши, стало быть?..

— Странно! — изумился Рустам.— Кто бы это?

— Откуда мне знать? А вчера приезжали улемы. Непонятные речи какие-то вели...

— И какие же?

— Много разговору было.— Значит, из города прибыли Салиджан-бай, Камилхан-тура, еще человека три. Собрали народ. И говорят: урусы, дескать, повинны в разорении. А теперь, гово-

рят, час настал — мы создаем мусульманскую державу. Будем сами себе хозяева.

— Ну, и что же народ?

— Сирачивают, какая, мол, от этого выйдет польза беднякам. А те отвечают: безземельные будут наделены землей.

— Ложь! Бай глянет на бая — у бедняка щепотки соли не останется.

— Да уж так. И народ не поверил. Тогда на круг вышел Салиджан-бай. «Мусульмане! — говорит. — Вам ведомо, что значительная часть земель в Дангаре и окрестностях — это достояние мое и Миргульшан-бая. Так вот, теперь мы оба, следуя заветам веры нашей мусульманской, от этих земель отказываемся! И дарим их тем, кто проявит себя в газавате, который разразится не сегодня-завтра». А следом и Камилхан-тура взял слово. Сейчас, говорит, по кишлакам разъезжают люди, посланные тою самой властью урусов, о которой шла речь. Они и к вам пожалуют. Вот, мол, их тоже послушайте...

Чем более обстоятельно излагал Гаффар-аксакал странные подробности вчерашней сходки, тем сильнее тревожился Рустам.

— Ну и как, поверил им все же народ? — наконец прервал он рассказчика вопросом.

— Много было таких, что усомнились. Ну, а в общем народ ожидает тех представителей бедняцкой власти, о которых говорили бай. Помнится, Назирджан про это ничего не сказал, только про вас вот уведомил.

— Нечисто здесь что-то... — Рустам не заметил, как высказал вслух, о чем думалось. — Может, меня хотя бы проверить? Тогда откуда обо всем «почтенные» улемы осведомлены?.. Вот что, — поднял голову Рустам, — возьмите-ка меня с собой на сегодняшний сход. Погляжу, послушаю со стороны.

— Идет, сынок!

Старик немного перерядил Рустама — поясной платок заменил на другой, понаряднее, а на голову нахлобучил киргизскую треугольную шапку из белой шерсти. Прибрав дастархан, оба поспешили ко дворцу бывших кипчакских беков.

...Два смоляных факела слабо освещали широкий двор перед фасадом. Люди задвигались, поднялись на ноги, чтобы получше разглядеть обонх появившихся гостей. Впереди человек среднего роста, легкий на ногу, одет в камзол, наглухо застегнутый на все пуговицы. При первом же взгляде на него у Рустама вспыхнули глаза. Неужели Салим Халил?! Да, сомнений нет — луч света от факела упал на лицо идущего... Едва сдержался, чтобы не кинуться, не схватить предателя. Но что же он здесь делает, какую личину теперь принял?

— Слушайте! — возгласил, поднимая руки над головой, Салим Халил. — Благодарим за почет! Мы — члены Кокандского Совета рабочих и солдатских депутатов, а также Союза трудящихся мусульман. Сейчас улемы разъезжают по кишлакам, пытаются сбить с толку трудовой народ, возбудить его против нас, черным прахом осыпать нашу молодую власть, которая только-только становится на ноги...

— Товарищ Акбар Исламов, — громко, обнаруживая татарский выговор, — перебил его другой, в черной шапке, глубоко надвинутой на глаза, — поведайте почтенному населению Дангары о целях нашей власти.

— Наша власть борется за всеобщее равноправие! — закричал Халилов. — К примеру, если здесь, в кишлаке Дангара, восемь махаллей, то и выставить восемь казанов. Чтобы жители махалли сли из одного казана все вместе. И чтобы в поле работали все задно, и жили в одном доме.

— А женщины тоже? — ехидно спросил кто-то в первом ряду.

— Вы что, юзбашы здешний? — осведомился Халилов.

— Да, — подтвердил тот.

— Мой ответ придется не по вкусу таким, как вы. Но я отвечаю прямо — никаких различий у нас не будет...

Рустам уже все понял. Он шагнул было вперед, расталкивая толпу, но его остановил спокойный голос Гаффар-амаки:

— Терпение...

— Теперь каждый, кто с кем захочет, с тем и живи, — продолжал разглагольствовать Халилов. — Мы против личной собственности! Мы говорим: все, что имеешь — дом, одесла с подушками, мужа, жену, поле — все в общую кучу! Больше не будет слов «твое», «мое»!

— Проклятья такой власти! Бессовестные! Это что же такое?! — загудела толпа.

— Вы сами не понимаете, что это и есть свобода! — закричал Халилов. — Но мы заставим вас понять, где истинное счастье и процветание... — продолжал заливаться Халилов.

То там, то здесь люди начали подниматься и уходить.

— Погодите! — зычный окрик Гаффар-амаки подействовал. — Односельчане, — продолжал он. — Эти, видать, считают нас скотиной и пытаются соломой потчевать. Верно, я человек неграмотный, однако...

— Вы — байский холуй! — Халилов попытался оскорблением заставить его умолкнуть.

— Кто из нас байский холуй, — усмехнулся Гаффар-амаки, — это мы сейчас выясним. Истинный представитель власти бедня-

ков — вот он, здесь, — и Гаффар указал на Рустама. — А ну, Рустамджан!..

— Рустам?! — побледнев, Халилов уставился на него.

— Что, признал?

— Рустам!.. Что ж тем лучше. — Халилов стал лихорадочно расстегивать свой камзол, заскреб негнушимися пальцами по кобуре.

— Удивительная встреча, не правда ли? — ствол Рустамова маузера уперся ему в грудь. — Теперь не уйдешь, оборотень!

— Это Рустам-юзбаши, правая рука бандита Иргаша! — взвизгнул Халилов. — Хватайте его!

Гаффар-амаки мигом стал между ними.

— Нельзя допускать кровопролития! Опустите оба оружие, — потребовал он. — Словами разрешим спор.

— Этот человек — Салим Халил, — указав на своего противника, заговорил первым Рустам. — Изменник власти трудящихся, прислужник улемов. Он прибыл сюда, обманно прикрывшись именем Акбара Исламова. А товарищ Исламов — верный солдат революции! — Собравшиеся, боясь шелохнуться, слушали. — Отцы и братья! — взволнованно продолжал Рустам. — Эти оборотни клеветуют на новую власть.

— Он лжет! — перебил Салим, лихорадочно оглядываясь, ища поддержки.

— Когда говорили вы, мы слушали, — одернул его Гаффар. — Имейте выдержку, господин!

— Бедняки-урусы, — взволнованно продолжал Рустам, — протянули нам руку, чтобы покончить с гнетом и беспорядком. И вот баи ради того, чтобы, снова взобраться на вершину власти, остановить бурлящий родник, с горы на гору кидаются, сеют клевету, подстрекательство. Кто возглавлял улемов, совершивших нападение на Коканд? Разве не те, кто в царское время были простыми пешками «его святейшества» Миян-хана?

— Да он же вор! Все они одним миром мазаны!

— Так вот и подумайте, — Рустам поднял руку, призывая к тишине, — кого Иргаш защищает?

— Таких же, как сам!

— Так вот, не верьте лживым байским посулам, — подхватил Рустам. — Нам не нужны побачки, которые потом баи отнимут да еще кровью умываться заставят. Отныне мы сами хозяева: земля должна быть у тех, кто ее пашет, заводы — у тех, кто на них работает. Так говорят Советы. Разве не в глубине вашей души прочитано все это?

— Ну, а как насчет жен и ребятишек?

— Вот этот дьявол сладкоречивый,— Рустам указал на Халилова,— поклеп возвел... Власть трудового народа оберегает семью, карает по закону всяческую безнравственность.

— У меня вопрос,—подал голос местный юзбашни.—Во времена ак-падишаха правителем города был урус. А те, что нынче там хозяйничают, кто они?

— Никаких хозяев нынче нет! — жестко проговорил Рустам.— Как я догадываюсь, вы намекаете на товарища Бабушкина, учителя нашего. Так вот, Ефим-ака сам из рабочих и всю жизнь страдал оттого, что боролся за интересы бедняков. И его, Ефима-ака, великий Ленин к нам направил, для того, чтобы спова нам не очутиться в неволе!

— Не верьте ему! — чуя, что дело плохо, отчаянно выкрикнул Халилов.— Это же тот самый Рустам, который схватил и выдал Иргашу Мамаджана-хаджи!

— И это все, что вы можете мне возразить? — гневно спросил Рустам, глядя прямо в глаза Халилову.— Сами вы убиваете кәлеблющихся, а потом заявляете, чтоб народ с толку сбить, будто это дело рук «туртинчи». Этот человек,—он указал на Халилова,— подлежит суду народному, он Иргашев лазутчик.

— Так за чем же дело стало? — усмехнулся Гаффар-амаки.— Задержим пока, разберемся...

— Дело говорите! — зашумели в толпе.— Под замок его!

В следующее же мгновение Халилов выстрелил в Гаффара, тот покачулся, опустился на помост. Воспользовавшись суматохой, Халилов кинулся в толпу.

Но тут ярко вспыхнули оба факела — кто-то, видно, подлил масла. Раздался второй выстрел, пуля пролетела мимо Рустама, едва не задев плечо. Он не мог выстрелить в ответ — кругом люди. Но этого и не понадобилось — толпа, грозно гудя, смяла убийцу.

— Погодите! — отчаянно кричал Рустам, расталкивая людей.— Не надо, пусть суд...

Но все было тщетно. В суматохе ускользнул только напарник Халилова...

Рана Гаффар-амаки, к счастью, оказалась сквозной. Он уже пришел в себя и только тихонько покряхтывал, пока Рустам нарядным поясным платком перевязывал ему рану.

Вокруг толпились дехкане.

— Спасибо, джигит, что на правду нам глаза раскрыл!

— Значит те же бан того убийцу и подослали, ах, коварные!..

— Теперь ясно, что землю нам не отдадут.

— Какую там землю! Видишь, самого почтенного человека в Давгаре подстрелили.

— Ну, мы отоместили за почтенного Гаффара...

Рустам устало поднялся с колен.

— Не так бы мстить надо, люди... Не один Халилов нам враг. Поднимайтесь сообща против всех врагов, против курбашей, что нарушили покой нашего края. Помощь ваша скоро понадобится.

— Что ж, мы согласны за Советы постоять. Сами теперь чуем, откуда ветер правды дует.

— 13 —

Как только при посредстве курбаши Шакир-наиба из Ршшта-на была получена новая большая партия английского оружия и снаряжения, от Иргаша потребовали действовать немедленно. Утром 12-го января 1918 года улемы — ни больше, ни меньше — усадили его на белую кошму, как того требовал древний обычай провозглашения хана, подняли на руки и, торжественно, с хвалебными возгласами доставив в Коканд, внесли в соборную мечеть. Глашатаи бегом пустились по улицам, громогласно объявляя жителям о том, что явился «повелитель правоверных».

А в ночь на 14-е банды Иргаша с трех сторон обложили кодовый город — европейскую часть Коканда; атаку на телефонную станцию возглавил Таджи-мирнаб, на крепость вел басмачей сам «предводитель» вместе с Тарасовым, а захватить квартиру председателя городского Совета было приказано Кичпик-Иргашу.

Исходя из добытых сведений и рассказа Рустама Эшматова, в Совете знали о планах басмачей. Но силы были слишком неравны, чтобы противостоять этим планам по всем пунктам. Да и нападение было внезапным.

Телефонную станцию «воины ислама» заняли после короткой перестрелки. Теперь главное внимание было сосредоточено на крепости. Трое из атакующей группы приблизились к запертым воротам. Один застучал прикладом, крикнул негромко:

— Откройте!

— Кто? — послышалось в ответ.

— Я с востока!

— Сейчас, — ответили из крепости. Старший караула у ворот Кадырша Шаниязов, услышав установленный на сутки пароль, просунул массивный ключ в замочную скважину. Едва отворились тяжелые ворота, крепкие руки ухватили Кадыршу за горло, жесткая ладонь зажала ему рот. Один из троих — иргашев налач Сали-Накаля — молниеносным ударом ножа отсек ему голову.

— Кадырша! — внезапно раздался окрик из глубины крепостного двора. Это боец из дозора, почуяв, что ворота отворены, окликал старшего. — Эй, Кадырша!

Сали-Шакана подал знак приготовиться. Басмачи прижались к воротам, ожидая, пока дозорный приблизится.

— Кадырша, ты здесь? — снова окликнул дозорный и, не услышав ответа, выстрелил в воздух.

— Басмачи!!

В одно мгновение люди в казармах вскочили на ноги, дозорные с разных концов крепости побежали к воротам. Вспыхнули факелы. Первыми же выстрелами трое лазутчиков были насмерть уложены возле самых ворот. Защитники крепости заняли места, согласно боевому расписанию...

Назир Туракулов, Акбар Исламов и еще четверо, среди которых был и Рустам, возвращаясь после того, как получили сведения об обстановке от дозорных на железной дороге, слышали выстрелы со стороны крепости и разом насторожились, взяли оружие наизготовку. После минутного совещания Исламов бегом пустился назад в депо. А Туракулов и Рустам со своим маленьким отрядом продолжали продвижение к крепости, хоронясь в темноте...

Между тем басмачи в конном строю атаковали крепость и, не ожидая такого частого и дружного огня, дрогнули. Часть из них, заметавшись, ринулись было под защиту крепостных стен, в «мертвое пространство». Но когда и отсюда им навстречу прозвучал залп, густой, но дружный, они завернули копей и, отчаянно нахлестывая их плетью, пустились наутек.

— Куда?! Назад! — прозвучал из темноты хриплый злобный голос Иргаша. — Предатели! Труссы!

И сразу кто-то из рядов самих же басмачей открыл частый огонь по убегающим. Уцелевшие кинулись к своим, скучившимся под самыми воротами, куда не достигал огонь обороняющихся, увеличивая неразбериху и сумятицу.

По совету Тарасова, Иргаш половину своих джигитов бросил было в обход, но здесь красногвардейцы предприняли смелую вылазку; стреляя на ходу, они отесняли басмачей все дальше от крепости. По отступающим вели огонь не только с фронта, но и с тыла. Когда обе стороны перестреливались уже возле махалли Мир-Тахир, со стороны Кирпичной мечети послышался топот множества ног. Это на помощь гарнизону крепости спешили отряды рабочих-хлопковиков и железнодорожников. Большинство басмачей, топчя раненых, устремились туда, где еще оставался свободный проход; кривыми улочками к гузару Каймаклык. Большинство поспешило присоединиться к тем, кто не терял надежды

разбить крепостные ворота. Но Иргаш уже понял: первый штурм не удался. Пришлось отдать приказ к отступлению. Пешие и конные басмачи, беспорядочно отстреливаясь, стали отходить, отползая к оврагу. В открытые ворота крепости втягивались отряды подкрепления...

В те же часы доносилась пальба с одной из улиц в русской части города. Здесь басмачи осадили квартиру Бабушкина, не поспевшего в крепость, когда вспыхнула тревога. Семью — жену и дочь — Ефим Андрианович укрыл на полу, под окнами, а сам, с двумя револьверами, чуть не до рассвета отстреливался, перебегая от одного окна к другому, не давая осаждающим приблизиться. Только когда забрезжило утро, сюда подоспел отряд железнодорожников и отбросил басмачей...

Наутро в крепости было срочно созвано совещание.

— Товарищи, мы переживаем решающий момент борьбы, — начал Бабушкин. — Наши противники — далеко не простаки. Они сумели привлечь на свою сторону немало людей, которые, по сути своей, должны быть в одних рядах с нами. Я не хочу сказать, что для нас это — полнейшая неожиданность, что мы сидели сложа руки... Но ситуация диктует совсем не то, чего, наверное, нас теперь ожидают враги. Никакой изоляции! Нужно действовать, товарищи, и действовать еще настойчивее... Нужно идти к народу! Поймите, добиться победы без поддержки местного населения — вздорная фантазия! Товарищи Исламов, Туракулов, Абдуллаев, Ибрагимов, Халилов Назирджан, Ходжаев, Алиев, Эшматов, Ахунов — все те, кто делом доказали верность революции... Вас призываю я: не медля ни минуты поспешите в старый город! Революцию необходимо защищать и развивать не только оружием, но и — словом... Большевистским словом! Нужно еще и еще раз идти в самую гущу людей, поддавшихся на провокацию религиозных главарей! Наша основная работа — работа среди масс — продолжается. Удачи вам, товарищи!

— 14 —

Снег из низко нависших туч все сыпал и сыпал. Как будто небеса — мелкое сито, а земля — подстилка, на которую высевают муку. Все сразу сделалось белым — строения, деревья, дороги, редкие робкие прохожие.

У каждой бойницы день и ночь настороже дозорные. Разведчики под покровом темноты приносившие вести из старого города, от соборной мечети, сразу спешили обратно...

...Резкий морозный ветерок царапает лица и руки, пробирает до самых костей.

— Идут! — послышался возглас наблюдателя.

— Идут! — эхом отозвалось с разных сторон.

— Спокойно! — по лестнице на стену к бойцам легко взбежал Бабушкин, прильнул к амбразуре. — Без приказа не стрелять! Помните, товарищи, огонь только по команде! Никакого своевольтва! Идет толпа, их гонят. Наши настоящие враги — за их спинами!

Густая толпа, словно муравьи, ползет по мосту через речку Коканд-Сай. Разношерстная, совсем не воинственная толпа; кто в чем — лишь кое-где виднеются добротные меховые шапки, у большинства головы, уши повязаны платками. Холодно — и люди озябшие руки прячут в рукава халатов, ко рту подносят, чтоб согреть дыханием. Не глядя друг на друга, сталкиваясь, спотыкаясь, идут все вперед и вперед. А за ними, за этими бедняками, вырастают силуэты вооруженных до зубов всадников...

В рядах защитников крепости все спокойно. Лишь самые нетерпеливые время от времени оборачиваются в сторону командного пункта. Когда же прикажут открыть огонь, почему медлят?..

— Внимание! — доносится негромкий твердый голос. — По команде стрелять в землю, за два шага ближе передовой цепи нападающих!

А толпа все надвигается. Вот явственно слышно на стенах крепости — этих, нестройными рядами пересекающих площадь, усиленно попускают сзади: «А ну, быстрее! Вперед! Вперед!... Не отставать!..»

— Эй-й, люди! — зычный голос Назира Туракулова, ладонь рупором приложившего ко рту, перекрикивает эти окрики. — Против кого идете? Знаю, эти слова мои не по вкусу баям да улемам... Но ведь большинство среди вас бедняки, сироты бездомные, безземельные. К ним обращаюсь я! Когда это бывало, чтобы бай с улемами держали нашу с вами сторону, а, братья бедняки? Новую, счастливую жизнь несет вам власть рабочих и дехкан. Так почему же вы кулаком замахиваетесь на свою же долю? Из-за преданности вору Иргашу? Или Мустафе Чокаю, невесть откуда взявшемуся, да Тарасову — верному слуге кровавого ак-падишаха? Или баям да духовным заправилам, что мозги нам туманили столько веков, чтобы легче было до нитки обирать? Раскиньте умом, оглянитесь — кто гонит вас на бойню, о семьях своих голодных подумайте. Ваши братья, ремесленники и рабочие, призывают вас: одумайтесь!

В передних рядах наступило явное замешательство, послышался гомон. Прорывая нестройные ряды пеших, на площадь

вырвались всадники. На головах большинства из них красовались белые тюрбаны — отличительный знак «ревностных борцов за истинную веру».

— Газават! — заревели они. — Не слушайте вероотступников. — Газават!!!

Первый предупредительный залп; пули, ударившиеся в землю, — как приказал Бабушкин, — остановили, смешали ряды наступающих. Этого только и ждали сторонники Совета, — городские бедняки, ремесленники, водоносы, носильщики, которые оставались вне крепости, — безоружные, но готовые действовать праведным словом. Первыми в гущу толпы устремились самые страшные члены Союза трудящихся мусульман.

— Дорогие братья, отцы! — этот уверенный голос, доносившийся со стены, принадлежал Рустаму. — Разве для того, чтобы Коканд принадлежал кокандцам, мы должны отдать его в руки вору, снова перед баями спины гнуть?! Нет! Народ знает, на чьей стороне правда. Кто возглавляет «Шуран — исламию»? Разве не Салиджан-бай, Миргафур-бай, Абид-бай, Миргульман-бай, да еще заводчик Потеляхов, а с ними Нур-Адыл-бай и Аглям-ахун? Разве не в тех же грязных руках был Коканд во времена Николая? Не от них ли страдали вы, братья кокандцы? Да будет вам исма суть слов моих! Я сам еще пять месяцев назад был в шайке вора Иргаша. Но у меня раскрылись глаза, я нашел верную дорогу...

— Предатель! Он продал веру! По законам шаршата он обречен на смерть! — завопили чалмовосцы. Тут же вразнобой захлопали выстрелы — из-за толпы подручные Иргаша метили в ту амбразуру, откуда только что звучал голос Рустамы.

А толпа уже бурлила, подняв разноголосный шум. Похоже, здесь началась междоусобица — свое дело делали и замешавшиеся в толпе сторонники Совета. С разных сторон вцепились в главного вдохновителя фанатиков Аглям-ахуна и стянули его с седла прямо под конские копыта... Некоторые уже норовили добраться до других всадников...

Все это, словно укусы ядовитой змеи, прожгло Иргаша. Не подержали его эти сотни оборванцев!.. Обернувшись к своим джигитам — отборной сотне, по пятам следовавшей за предводителем, он отдал короткий приказ: штурмовать крепостные ворота! Но сразу же как ветром развеяло и эту его последнюю надежду на быструю победу: защитники крепости, надежно укрытые за стенами, меткими, хладнокровными залпами свалили десяток всадников, вырвавшихся вперед, смешали ряды остальных. И только что потрясавшие кулаками, опьяненные собственными воплями

муиллы, теперь охваченные страхом. давя друг друга, кинулись кто куда, спасая шкуру...

Так, под стенами крепости, началась восьмидневная битва, кровью вписанная в историю древнего города Коканда.

Связь между городом и крепостью, которую обложили плотным кольцом отряды Тарасова и Кичик-Иргаша, оказалась прерванной. Совет и штаб красногвардейских отрядов были вынуждены перейти к обороне. Все силы, которые оставались вне блокированной крепости, были брошены на прикрытие станции, железнодорожных путей. С петербургским ожидали ответа из Ташкента на запрос о подмоге.

Между тем силы Иргаша, опиравшегося на поддержку базис Андижана, Маргилана, Намангана, Ходжента, а также верхушки окрестных кышлаков, прибывали. Теперь он стягивал их к Чорсу и Хода-базару, чтобы начать новый штурм крепости.

Но на рассвете шестого дня из Ташкента подоспела первая помощь — отряд красногвардейцев, небольшой транспорт оружия и снаряжения. Это вдохновило осажденных и спутало планы Иргаша. Соединенные силы железнодорожников и заводских рабочих, совместно с ташкентцами, внезапным одновременным ударом со стороны города и крепости опрокинули, смяли и развеяли скопища осаждающих. И с утра следующего — седьмого — дня боевые действия переместились на территорию старого города. Всюду — в центре, возле соборной мечети, в медресе Парбута-бия и Мадали-хана, вокруг усыпальницы Дахмаи-Шахан и странноприимного двора Калаидар-Хана, у Хода-базара и Бака-Чорсу — Ягушечьей протоки, среди гробниц Шайхан-Мазар, на кладбище — вспыхивали жаркие схватки, временами рукопашную.

...Еще после стычки с Салимом Халимом в кышлаке Дангара Рустам привел в крепость тридцать семь добровольцев.

— Ну вот и прекрасно! — выслушав тогда его доклад, Бабушкин поднялся и хлопнул его по плечу. — Внушительный отряд. А ведь это еще не все. С того дня, как вы перешли на нашу сторону, число тех, кто приходит к нам, спрашивая о вас, достигло срока. Так что теперь целых семьдесят семь молодцов-добровольцев, считайте, в вашем распоряжении. Назначаем вас их командиром!

— Спасибо... Ефим Андрианович, — Рустам старательно выговорил пока еще непривычное для него имя председателя Совета, он был смущен, хотя в глубине души гордился своим назначением. — Глянусь, я оправдаю ваше доверие!

— Не хое, — улыбнулся Бабушкин. — Доверие Совета, доверие революции...

К началу решающих боев численность Рустамова отряда выросла до двухсот человек — за счет тех, кто прочитал или услышал обращение Рустама и поверил, принял к сердцу то, что там сказано. Добровольческий отряд стал регулярной воинской единицей гарнизона крепости. Именно его в решающий момент бросили в самый опасный пункт сражения в старом городе — к Шайхан-Мазару, где басмачи не однажды переходили в контратаку. Наконец добровольцам Рустама, понесшим немалые потери, удалось одержать верх — наиболее упорные из басмачей были перебиты, многие сдались, только единицам удалось бежать. Среди них был и Таджи-миршаб. На коне, что остался от Умар-бая, прижимаясь к стене гробницы, успел скрыться из виду, прежде чем Рустам успел взять его на мушку. Впрочем, он об этом не очень печалился — все силы, всю энергию сосредоточил на том, чтобы выследить и пленить самого Иргаша.

Уже на следующий день после начала боев в старом городе в Иргашевом «святом воинстве» начался полный разброд. Приток сил прекратился, иссяк, как ручеек в пустыне; а завербовать новых людей не удавалось — горожане, дехкане окрестных кишлаков отсиживались за дувалами, а то и встречали непрошенных гостей кетменями да вилами... Теперь кое-где вспыхивали стычки между самими же «борцами за веру». Многие кидали оружие, группами сдавались в плен, еще больше — разбежались, стремились прочь из города. Свою ставку Иргаш только за один день был вынужден то и дело переносить с места на место — из махаллы Мулла-Башман сперва в Калвак, затем в усадьбу Салиджапбая, отсюда в медресе Нарбута-бия, наконец — к гробнице Куньютал-Бува. Он послал вестовых с приказом отыскать Мустафу Чокаева и полковника Тарасова. Но вестовые возвратились ни с чем. Тогда сам Иргаш с десятком джигитов из личной охраны обыскал те дворы и здания, на которые в свое время ему было указано как на возможные прибежища его сообщников. Никого!

— Пр-проклятые! — в гневе он хлестал плетью по голенищу. — Трусливые шакалы! Ладно, сами, без них, добьемся победы, назад ходу нет! Будь я трижды проклят, если своею рукой тогда не выколю им глаза! За ноги стяну, если на небо вскарабкались, за уши вытащу, ежели закопались в землю!

— А может пора уносить доги? — осторожно начал Кичик-Иргаш. — Если поскорее не выберемся из города, как бы не угодить в когти «туртинчи»...

В толпе приближенных послышался одобрительный ропот.

— Что за пустые разговоры прежде времени?! — прикрикнул с угрозой «главнокомандующий», стараясь этим скрыть собственную тревогу. — На вечер созвать ко мне сотников!

В предвечерних сумерках Иргаш со свитой прибыл в окраинную махаллю Галча-Сай, что уже за чертой старого города. Сюда же по одному стягивались сотники. Вечером, после четвертого памаза во дворе местного имама состоялось краткое совещание. Участники даже не сошли с коней: за истекший день положение еще ухудшилось.

— Англия, Турция, Америка!..—уже не скрывая смятения, с пеной у рта выкрикивал Иргаш.— Господин Чокаев, баи, жиром заплывшие, клялись: мы, дескать ваша опора. Где они?! А я им верил...

— Еще не поздно,—выждав паузу, подал голос Кичик-Иргаш.— Нам нужно Бачкыр не выпускать из рук. Снова соберем силы. А сейчас — делать нечего, придется отступить.

— Нельзя так просто уйти из Коканда,— начал как бы в раздумье вожак буржуазных националистов-армян, чья дружина примкнула к Иргашу в самые последние дни.— Пепел нужно оставить большевикам...

— Правильно! — воскликнул Иргаш.— Все здесь предатели! Один пепел оставить врагам!

— А люди... женщины, дети? — недоумевающе произнес сотник Нишан, сын прославившегося еще во времена Худояр-хана рубаки.— И нам какая от того польза? Непонятно...

— Ах, тебе непонятно?! — взревел Иргаш; окончательно потеряв власть над собой, он судорожно выхватил из кобуры маузер, вскинул — и почти в упор всадил в грудь Нишана пулю, вторую, третью... Когда тот без звука повалился с коня, обвел налитыми кровью глазами остальных: — Кому еще непонятно?

Сотники один за другим кивали, прижимая ладони к груди...

Перед рассветом 22-го января горожан разбудили пламя и дым громадного, с каждой минутой разраставшегося пожара. В старом городе не оставалось двора, не охваченного огнем. Люди, оставшись без крова, стыли на морозе под открытым небом... Под натиском красногвардейцев и добровольцев басмачи оставили город, затем пригороды — Тохлымерган, Ташкентлик-Гузар, наконец кишлак Турван, их преследовали по пятам, захватывали в плен. Авангард отступающего воинства «повелителя правоверных» увяз, растворился в Питраке, но самые проворные из «героев ислама» уже достигли Янгикургапа.

Впереди всех, конечно, теперь был Иргаш. На губах его змислась странная улыбка, в которой мешались растерянность и мрачное торжество: «Город сгорел — ну, и у меня поулеглось на душе»...

..Вечер свои крылья распростер над Бачкыром — и волны радости, ликования разлились по кишлаку. Громкие волнующие звуки карная полились во все концы с крыши старенького дома Эшмата. И люди отовсюду поспешили сюда. Столько людей — конца-краю не видать... Неутомимые джарчи, только что вернувшиеся из соседних кишлаков, поскакали на занаренных скакунах по улицам, снова и снова приглашая на свадебный той всех и каждого, с чадами и домочадцами:

— На той, люди!

— Спешите на той Рустамджана!

— На свадьбу Рустама и Сарвинисо!

— На той! Не говорите, что не слышали!

А во двор к Эшмату все спешат и спешат гости, торопливо руки ополаскивают в арычке, на ходу развязывая поясные платки, утираются. Ребячишки заполнили улицы, веселую гурьбой с визгом бегают из двора во двор, и родители не сердятся на них за озорство.

— Пускай себе резвятся, — только рукой махнут, — ведь сегодня такая радость — свадебный той Рустама и Сарвинисо!

Вот по просьбе гостей, что весь двор уже заполнили до отказа, после того как умолкли певцы, выходят на круг двое — и пошла потеха! Оба — признанные аскиячи-острословы; один другого ловко поддевают, состязаются в остроумии. А люди так соскучились по веселью, смеху, шуткам... Вот и приветствуют, одобряют громкими от всей души криками восторга удачную шутку. Все горячее накал веселья, кажется, от задорного хохота парней весь Бачкыр перевернется с ног на голову.

Ну, а девушки собрались в другом месте, двора за два отсюда. Здесь у них свое веселье. И столько тут красавиц — ну прямо будто звезды с неба усыпали землю! Сошлись сюда, окружили счастливую Сарвинисо, чтобы поздравить ее с долгожданною свадьбой. В руках у Сарвинисо бубен, она легонько ударяет в него ладонью.

— Ну что ж, девушки! — восклицает одна гостья, только недавно сама выданная замуж. — Не худо бы песни послушать!

А подружки, сколько их тут собралось, только этого и ждали. Затаили дружно, в лад:

Пчелы жалят — поспеши, прочь из сада, говорят.

Зачарует — не шагнешь — пери взглядом, говорят.

*Дочь, смотри, не выдавай в дом, где старшая жена —
Даст сопернице она выпить яду, говорят...*

И Сарвинниси уже не в силах устоять на месте. Плавно, грациозно пританцовывает она в такт песне. А взгляд несколько тянется туда, где стоит среди других Зеби. Пришла все-таки, вот спасибо ей! Но почему не поздоровалась с невестой, не поздравила? Стоит недвижная, безучастная ко всему... А рядом с ней — кто же, разве не Мафират?.. Но вот и Зеби глянула на Сарвинниси — улыбается. И у Сарвинниси душа оттаивает. А теперь Зеби взяла в руки дутар.

— Ведь сегодня — свадебный той! — произносит Мафират. — Разве не споем любимое — «яр-яр»?

Девушки все враз хохочут, заводят задорные свадебные частушки с припевом — «яр-яр», и песня порхает ласточкой от одной певички к другой, сладко тревожит струны души... Сарвинниси ждет — вот сейчас встанет одна из подружек, непременно скажет так: «Ох девушки, с тех пор как стоит сей мир, еще ни один из возлюбленных бывшего времени не достиг соединения со своей любимой. Ни Зулейха, ни Ширин, ни Лейли... А желание нашей Сарвинниси осуществилось. Так разве на таком тое пристало нам жаловаться? Давайте сложим новую свадебную песню, радостную!»

Свадебные служки — молодые, задорные ребята — уже подкидают девушек, чтобы завести свои «яр-яр». И вот сошлись, стенка против стенки. Начинать девушкам. «Ты начинай!» — «Нет, ты!..» — подталкивают одна другую. И пошло... Подкалывают в своих частушках парней, да так тонко, что не сразу и раскусить, в чем соль. Вот теперь очередь парней, а они уже в такой задор вошли — не удержать. Да как грянули вот такое, надо же!

*Я с горки бегу, точно заяц, мне роздыху нет, — яр-яр,
Она — как красавица-пери из райского сада, — яр-яр,
А девушка платье надела, да ворота нет, — яр-яр,
А там — два граната душистых,
В них косточек нет, — яр-яр...*

Старушки из-под белых платков с осуждением поглядывают на парней: ишь, озорники! Да и девушки — частушки уж такие смелые — ответить не решаются, засмутились. «Неужто и братец такую же неприличную стал бы распевать?» — с улыбкой думает Сарвинниси...

Идет своим чередом все, обычаем требуемое на свадебном тое. Только Сарвинисо, все кажется — уж очень медлят... Приди же скорей, минута свидания! О, как давно с тоской и болью ждет ее Сарвинисо!

...Наконец их оставляют одних. Тишина. Такая тишина, что кажется — оба одни остались на целом свете; а если хоть малейший звук донесется, то друг друга потеряют...

— Да посмотри же на меня, любимая! — с этими словами Рустам дотронулся до подбородка, осторожно приподнял ей голову.

А у нее слезы покатались из глаз, хотя в эти минуты Сарвинисо уж никак не собиралась плакать.

— Ну что ты... не плачь, не нужно!

Крепкие, загорелые ладони Рустама осторожно гладят ее волосы. Его ладони!

— Сарвинисо... ну о чем же ты плачешь?

— Я не могу верить... Неужели это счастье мое... навсегда?

Рустам внезапно вскакивает. Она руки тянет к нему, а он отдаляется, отдаляется... Рыдания разрывают ей грудь — и она рассыпается...

...В который раз припоминала Сарви во всех подробностях этот сон, который привиделся минувшей ночью. Что сулит он ей? Скоро ли окончится ее заточение? И как окончится?..

Мужской голос донесся со двора. Сарвинисо вздрогнула, мысли ее разом смешались. Мужчина, чей голос только что прозвучал, о чем-то совещается со старухой Назик и Садди-атын... Вот теперь они все трое идут сюда, к дому.

Входят. Сперва обе женщины, следом — охранник, ружье на плече прикладом кверху. Тут же неслышно появляется Каракаш-аим — давненько не было видно ее...

Вот три женщины, ни слова ни говоря, выводят ее во двор, усаживают на арбу. Только теперь Каракаш роняет, будто невзначай, пару слов. Оказывается, Сарвинисо везут в Алкар. У бесчувственной этой Каракаш глаза вроде бы влажные... Странно все это...

Вот, наверное, и Алкар. Потому что, проехав мимо хауза, арба останавливается. Каракаш велит Сарвинисо сойти и ведет ее ко двору, где двустворчатые ворота. Опять за ней захлопываются ворота, закрываются на цепь, да еще и замок изнутри навешивают. Из всего окружающего только одно солнце знакомо ей. И кажется, будто оно рассыпает свои лучи с особой щедростью — старается, чтобы у нее, Сарвинисо, на душе сделалось светлее. Но солнце багровое, зимнее, и холодеет сердце Сарвинисо, дрожь ее охватывает.

— Вас ожидает повелитель, его светлость Иргаш ибн Ходжамберды,— негромко говорит Каракаш-аим, и рот ее кривится: не то смеется, не то плачет...

Сквозь щелку двери за Сарвинисо пристально наблюдал Иргаш. Широкое, как плоское деревянное блюдо, лицо его было в испарине; сколько ни подкручивал он усы, они все равно отвисали вниз. За стеной, выходящей к саду, ржали привязанные кони.

Да, это он, Иргаш, не знающий чем утешиться, чем заглушить горечь поражения, вспомнил о ней, велел привезти сюда. В воспаленном его мозгу была одна мысль — и натешиться, и отомстить предателю...

Очнувшись от оцепенения, Сарвинисо с силой оттолкнула Каракаш, что держала ее за рукав, кинулась к калитке.

— Подлецы! Сводники!

На пути ее вырос караульный, попытался оттолкнуть от ворот. Но Сарвинисо схватилась за ружье, потянула к себе. Завязалась борьба. Сарвинисо отчаянно, бесстрашно дергала оружие за ствол, обращенный ей в грудь, караульный мертвой хваткой держался за цевье... Пуля угодила подбежавшей Каракаш в горло, она повалилась ничком, судорожно разевая рот, будто грызла мерзлую землю.

Острая боль пронзила Сарвинисо с головы до ног. Это подошедший Иргаш с силой сгреб ее за косы, намотал их на руку, запрокинул голову так, что захрустели позвонки. Не выпуская, потащил в дом, ногой захлопнул дверь. В тот же миг Сарвинисо удалось вырваться. Она кинулась к стене, точно затравленный зверек, вжалась в пищу.

— Обхождения не знаешь!..— хрипло и нелепо выдавил Иргаш, глаза у него бегали словно у петуха, которому лезвие вонзили в горло.— Ну... смотри же! На себя пеняй!..— Он сделал шаг к ней.

— Не подходи,— задыхаясь и царапая ногтями стену промолвила Сарвинисо.— Ступай туда, к ней,— она кивнула в сторону двора, где распласталась убитая наповал Каракаш.— Она ждет тебя, там и твое место, палач.

Иргаш, совсем обезумев, надвигался, как гора — опозорить, смять, уничтожить... Его огромные, жирные руки уже тянулись к ней.

Лихорадочно оглядываясь, Сарвинисо заметила у ног окруженный пиалами и чайниками тяжелый медный кумган и из последних сил обрушила его на голову Иргаша. Ошеломленный, оглушенный, с кровавым пятном, разливавшимся по виску, он несколько мгновений покачиваясь стоял перед ней. Потом тупо вытащил из-за пазухи маузер и выпустил в грудь Сарвинисо всю обойму.

— Исдобитой... не оставляй! — она теряла голос, оседая все ниже. — Еще... стреляй... мерзавец... палач...

— 16 —

Посланцы Иргаша к Ислам-палвану с просьбой о замирении и выступлении против красных сообща, угодили в руки красных джигитов. Банду Ислама — на восток от Коканда, со стороны Минг-Тути и Тулаша, и с запада, от Найманчи в направлении на Кайнар, — блокировали красногвардейцы и добровольцы Мелибая Абдуллаева; на фланге, нацелившись на Кизылкияк, действовали конные джигиты под командованием Ярмата...

— Ассалам алейкум!

Пленники олешили, переглядывались с ислуганными лицами. Чего угодно ждали оба басмача от богопротивных «туртинчи» — оскорблений, побоев, даже того, что повесят без разговоров. А тут — «ассалам»... Стояли перед Ярматом молча, опустив глаза в землю. А тем временем Ярмат разглядел их и опознал. Оказались знакомые. Один — сапожник из Чор-Су, второй — подносчиком был на дровяном базаре.

Ярмат распахнул дверь сарая, жестом пригласил: выходите.

— Как говорится, кого не знаешь — того с почетом не встречаешь. А вы оба мне ведомы. Как, не обижены на наших джигитов?

— Нет, — первым, осмелев, выдавил подносчик. — Ничего дурного нам не сделали...

А дальше, слово за слово, пошла беседа. Что же, мол, вы? Бедняки, вроде нас, а идете заодно с баями? Ярмат кликнул своих. Вот они — джигиты, чистые душой, смелые, мужественные... И пленные басмачи оттаяли, разговорились. Как только Ярмат узнал о новых планах Иргаша, тотчас собрался и, назначив заместителя, с обоими пленниками выехал в Коканд.

По пути вспомнились наставленья Бабушкина. «Если придется с басмачами встретиться один на один да побеседовать по душам, всю правду им раскрыть, увидите — многие перейдут на нашу сторону». Ярмат украдкой глянул на обоих недавних пленников — они спокойно ехали рядом, стремя в стремя. «Ефим-ака будет доволен! — у Ярмата задорно сверкнули глаза. — Отсутствия их, пожалуй, да «ответ» Ислама подготовим. А заодно пусть поговорят со своими...»

Чем ближе к городу, тем сильнее разъедало дымом глаза. Город догорал. Пламя, что вздымалось до самых небес неделю назад, теперь поутихло — все заволокло дымом, чадом, копотью. Гордость кокандцев, старинные здания, роскошные и величествен-

ные, — дворец Умар-хана, оба медресе — Мадали-хана и Медресе-и-Али, мечеть Каландархана, Исфара-гузар, чайханы на Калваке, крытый базар, торговые ряды, караван-сарай, да сверх того сотни жилых дворов и строений, — все было обращено в пепел. Теперь город напоминал устрашающие руины с совиными гнездами, точь-в-точь как в старинных волшебных сказках...

Ярмат, скрипнув зубами, глянул на спутников.

Они понурились, словно сами принимали участие в поджогах и теперь чуяли свою вину...

Город с первого взгляда казался безлюдным. Однако там и тут уже маячили фигуры горожан, пробиравшихся к своим покинутым пепелищам.

Время от времени из окрестных кншлаков доносилась стрельба, вспыхивали стычки. Два отряда красногвардейцев и добровольцев, руководимые военным штабом Совета рабочих и солдатских депутатов и Союза трудящихся мусульман, вместе с подмогой из Ташкента продолжали операции по очищению от басмачей окрестностей Коканда.

«Где-то здесь Мафират... — Все сильнее стучало сердце Ярмата, чем ближе он подъезжал к крепости. — Ну, ничего... Теперь победа близка. А там — и наш свадебный той... А как дела у Рустама?... Славный человек, счастья бы ему...»

У ворот крепости им пришлось пробиваться сквозь многолюдную толпу. Оказалось, только что из Ташкента прибыл еще один отряд красногвардейцев. На сколоченной из досок трибуне, под кумачовым флагом — Бабушкин, что-то говорит собравшимся. Ярмат со своими спутниками приблизились к трибуне.

— В ответственный момент мы остались в меньшинстве, однако сумели выгнать из города банды Иргаша. Как у вас говорится, пусть лицо в крови — врагу не кланяйся!.. Так и мы... Погибать так погибать, а спину не покажем! И вот, когда нам пришлось совсем туго, пролетариат Ташкента протянул нам руку, население поддержало! Но помните, товарищи, — Иргаш своих планов еще не оставил. Товарищи, дорогие братья ташкентцы! Ваше прибытие удесятерит наши силы! Не скроем, недавно мы оказались вынужденными чуть не половину гарнизона направить против банд Ислам-палвана и Рахманкула. Да и силы Иргаша пока еще велики.

— Если петуха в похлебку определили, он топора не минует! — подал голос командир ташкентского отряда.

— Вот это правильно! — одобрил Бабушкин. — Навалиться всюю силой, да не мешкая!

— Товарищ председатель Совета! — командир отряда схватил руку Бабушкина, с силой потряс. — От имени рабочих Ташкента

та... знайте: доверие оправдаем! Мы с честью прошли не одно испытание. Обещаем и впредь... не уроним чести воинов революции!

— Счастливого пути вам и скорой победы! — Бабушкин обнял командира за плечи. Тот на мгновение склонил голову, затем бегом спустился к своим. На его место встал Ярмат. При виде командира красных джигитов у Ефима Андриановича потеплели глубоко зацавшие глаза...

— 17 —

Перестрелка на дороге из Питрака в Янгикурган продолжалась двое суток. Наконец Иргаш приказал отходить — он решил всеми оставшимися силами оборонять Бачкыр, свое последнее прибежище. С головным конным дозором в Янгикурган вступил и Рустам. Отсюда рукой подать до Бачкыра. Ему казалось, что он на своем лице уже ощущает дыхание Сарвинисо... «Еще немного! Потерпи, родная!..» Рустам уже в вечерних сумерках поспешил к дому тети Наринисо. Они с мужем и сами только день назад вернулись из логова басмаческого — их и охранять перестали, не до того было.

Обливаясь слезами, тетка повисла у него на шее, не в силах вымолвить ни слова.

— Как вы? Где Сарви? — попытался хоть что-нибудь узнать Рустам.

— Извели... погубили доченьку нашу-у! — тетка судорожно зарыдала, заголосила. — Упокоилась, сыночек, навек мы разлучены с ней...

— Тетушка, — взмолился Рустам, — о ком это вы? Что с Зеби? Где Сарвинисо?

— Аллаха проси о поддержке, — вдруг враз оборвала рыдания Наринисо-хола, глухо заговорила: — К богу взывай... Он один не покинет, не оставит. Даст тебе силу вытерпеть... Навеки вы с ней разлучены.

— Силу даст?! — Рустам снова не мог ничего понять. — Тетушка... вы сказали: мы с ней разлучены?

— Покайся перед всевышним!

Хайдарали, иссохший, с лихорадочно блестящими глазами, словно дервиш-каладар воздел кверху ладони.

— За грехи наши мы все наказаны. Зеби наша пропала, а Сарвинисо убита.

— Да, дитя мое, покайся! — повторила Наринисо. — Уповай на всевышнего!

— На всевышнего?! — Рустама душили горе и гнев. — Но ведь се убили басмачи, басмачи! Эти «служители всевышнего!»

— Э, сынок, не нужно так говорить! — бормотал, словно в горячке, Хайдарали. — Сотвори молитву. Человека сжигают тревоги и мученье мира сего. Сила же, которая заставляет нас прямо держать стан, — это рай мира потустороннего. Надежда на тот, иной мир!..

Рустам уже не слушал его.

— Вы слышите? — обессиленно прислонившись к столбу айвана, повторял он в беспамятстве. — Мы разлучены! Слышите, люди?!

Нет Сарвинисо. И никогда не будет. Монотонно журчит в арке вода. И в небе звезды, до которых рукой не дотянуться, глядят неподвижно и скорбно — они тоже осиротели. Которая из них — ее звезда? А деревья, кусты — почему они не вырвались из земли, кверху корнями не стали? Почему жизнь продолжается так же, как прежде?

...Наконец Рустам очнулся. Прямо перед ним — тетя Наринисо, концом платка утирает слезы.

— Где похоронили ее?

— В Бачкыре, с отцом и матушкой рядом. — Так, видно, на роду было ей написано.

Рустам горестно покачал головой — нет не так им написано было на роду, новая жизнь ждала его любимую. И не дождалась...

В калитку громко постучали. Вошли двое красных джигитов, один обратился к Рустаму:

— Прибыли в подмогу еще добровольцы из Ташкента. Командир спрашивает вас...

Рустам поднял голову; его конь, что всю ночь, занузанный, разгуливал у ограды, сейчас рыл землю копытом, нетерпеливо ржал, поглядывал на дорогу, по которой голова крупного отряда уже потянулась в сторону Бачкыра. Рустам подошел к кошу, подтянул подпругу. Легко вспрыгнул в седло...

СЛОВАРЬ УЗБЕКСКИХ СЛОВ,
ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ТЕКСТЕ

- Ан-падишах («белый царь») — местное название русского царя.
- Аксакал («белая борода») — старик, старейшина.
- Алача, бекасам, ластик — названия тканей.
- Алпамыш — герой узбекского фольклорного эпоса.
- Амаки — дядя, дядюшка.
- Бобо — дед, дедушка.
- Гороглы — герой узбекского фольклорного эпоса.
- Имам — духовный наставник.
- Ичкари — женская половина дома.
- Кукпарчи — парикмахер.
- Медресе — духовное учебное заведение.
- Минбар — возвышение в мечети для чтения проповедей.
- Мударрис — преподаватель медресе.
- Нас — нюхательная смесь табака с известью.
- Тангал — мера земельной площади.
- Товба — дай бог!
- Пир — святой.
- Улемы — высшее духовенство.
- Хола — тетя, тетушка.
- Хум — глиняный кувшин.
- Элликбашни (пятидесятник), юзбашни (сотник), мингбашни (тысячный) — чины местной администрации в дореволюционном Туркестане.

С 89

Сулейман Юллаш.

Заря./Авт. перевод с узб.
А. Зырина /Роман.—Т., Ёш гвардия,
1980.—192 стр.

ББК 84 Уз7

КОЛДАШ СУЛЕЙМАН

ЗАРЯ

Р о м а н

Период с узбекского

Редактор *В. Новопрудский*
Художник *Л. Основенко*
Художественный редактор *А. Гулямов*
Технический редактор *Л. Буркина*
Корректор *З. Наджатога*

ИБ 941

Сдано в набор 28. 04. 1980 г. Подписано в печать 16. 09. 1980 г. Формат 60×84^{1/2}. Бумага тип. № 1. Гарнитура „Обыкновенная новая“, печать высокая. Печ. л. 12,0. Усл. печ. л. 11,16. Уч.-изд. л. 12,092. Тираж 60 000. Цена 95 к. Договор № 144—79. Зак. № 476/348.

Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана „Ёш гвардия“. 700129, Ташкент, ул. Навои, 30.

Набрано и сматрицировано в типографии ордена „Знак Почета“ издательства ЦК ЛКСМУ „Молодь“. 252119, Киев—119, ул. Пархоменко, 38—42.

Отпечатано в типографии № 1 Гашкентского полиграфического производственного объединения „Матбуот“ Госкомиздата УзССР, Ташкент, ул. Хамзы, 21.